МЕМУАРЫ

ОТНОСЯЩІЕСЯ

КЪ ИСТОРІИ ЮЖНОЙ РУСИ.

ВЫПУСКЪ I (XVI СТ.).

Михаилъ Литвинъ. Б. де-Виженеръ. Л. Горецкій. Э. Лассота.

Переводъ К. Мельникъ

(подъ редакціею В. Антоновича).

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., д. № 4.
1890.

Дозволено цензур. Кіевъ, 14-го Марта 1890 г.

Предисловіе.

Мы считаемъ излишнимъ указывать нашимъ читателямъ на то важное значеніе, какое представляютъ записки современниковъ при изученіи исторіи каждаго народа. Если этотъ источникъ историческаго знанія и уступаетъ въ отношеніи фактической точности свѣдѣніямъ архивнымъ, то онъ дополняетъ несомнѣнно свидѣтельства актовъ, представляя полную, живую и разностороннюю картину народнаго быта, и даетъ возможность оцѣнить уровень общественнаго развитія и отношеніе общественнаго мнѣнія къ событіямъ, происходившимъ въ описываемое мемуаристомъ время. Потому мы полагаемъ, что для полнаго и безпристрастнаго пониманія каждаго историческаго момента необходимо при его изученіи ознакомиться съ записками современниковъ.

Для исторіи юго-западной Руси существуетъ довольно многочисленный рядъ мемуаровъ, начиная съ половины XVI столѣтія. Записки эти составлены по большей части иностранцами или туземцами, писавшими на иностранныхъ языкахъ; при томъ онѣ помѣщены въ изданіяхъ спеціальныхъ, мало распространенныхъ и мало доступныхъ, или изданы были давно и составляютъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость и вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ мало доступны для болѣе широкаго круга интеллигентныхъ читателей. Желая восполнить этотъ недостатокъ, ощущаемый всѣми лицами, заинтересованными изученіемъ южно-русской старины, редакція «Кіевской Старины» намѣрена помѣстить въ приложеніяхъ къ журналу, въ переводѣ на русскій языкъ, цѣлый рядъ записокъ современниковъ, начиная съ половины XVI до начала XVIII столѣтія. При переводѣ редакція будетъ стремиться къ тому, чтобы передать по мѣрѣ возможности точно смыслъ подлиннаго текста; при томъ переводы будутъ снабжены необходимыми для уясненія текста комментаріями.

Въ составъ предполагаемой серіи мемуаровъ редакція предполагаетъ включить слѣдующія записки:

Михайла Литвина. Отрывки о нравахъ татаръ, литовцевъ и москвитянъ (Michalonis Lituani. De moribus tartarorum, lituanorum et moscorum fragmina decem).

Леонарда Горецкаго. Описаніе войны Иконіи, воеводы волошскаго (Descriptio belli Ivoniae, voivodae Valachiae).

Эриха Ляссоты. Дневникъ (Tagebuch des Erich Lassota von Steblau).

Якова Собесскаго. Записки о хотинской войнѣ (Commentariorum chotinensis belli libri tres).

Гильома Боплана. Описаніе Украины (Discription d'Ukrainie).

Іоакима Ерлича. Лѣтописныя записки (Latopisiec).

Симеона Окольскаго. Дневникъ военныхъ дѣйствій, происходившихъ между войсками коронными и запорожскими въ 1637 и 1638 годахъ (Djarjusz tranzakcji wojennej między wojskiem koronnym i zaporowskim w 1637 r.; kontynuacja djarjusza wojennego w roku 1638).

Богуслава Машкевича. Записки (Pamiętnik).

Николая Емеловскаго. Записки (Pamiętnik).

Записки анонима, изданныя Войцицкимъ (Pamiętniki do panowania Zygmunta III, Władysława IV i Jana Kazimierza).

Кристофа Перетятковича. Отчетъ о заслугахъ Рѣчи Посполитой (Informacja usługi ku Rzeczy Pospolitej).

Патрика Гордона. Дневныя записки (Tagebuch des generalen Patrick Gordon).

Яна Зеленевецкаго. О побѣдѣ, одержанной надъ Шереметевымъ (Memorabilis victoria de Szeremetho).

Яна Юзефовича. Лѣтопись.

Изъ всего ряда перечисленныхъ записокъ только 4 были понынѣ изданы въ переводѣ на русскій языкъ, но изъ нихъ 2—Михайла Литвина и Перетятковича были помѣщены въ изданіяхъ спеціальныхъ и весьма мало распространенныхъ, записки Боплана, изданныя въ русскомъ переводѣ Устряловымъ еще въ 1832 году, составляютъ въ настоящее время большую библіографическую рѣдкость, только записки Эриха Ляссоты въ переводѣ Бруна изданы относительно недавно; предпринимая изданіе новаго перевода, редакція имѣетъ въ виду съ одной стороны желаніе не исключать изъ серіи своего изданія мемуара первостепенной важности, съ другой стороны она разсчитываетъ представить переводъ болѣе точный, такъ какъ ей удалось

получить экземпляръ нѣмецкаго изданія, сличенный съ рукописью Бауценской библіотеки, при чемъ многочисленныя ошибки, допущенныя въ нѣмецкомъ изданіи Шоттина, были тщательно исправлены по рукописи самого Лясготы.

При изданіи записокъ редакція будетъ переводить только тѣ части ихъ, которыя относятся къ исторіи южной Руси, оставляя въ сторонѣ иногда довольно объемистые отдѣлы, относящіеся къ исторіи другихъ странъ. Такія сокращенія въ большихъ размѣрахъ будутъ сдѣланы при переводѣ записокъ: Лясготы, анонима, Гордона и Юзефовича. Сверхъ того, въ составъ издаваемой серіи войдутъ небольшіе отрывки изъ тѣхъ мемуаристовъ, сочиненія которыхъ, посвященныя исторіи другихъ странъ, содержатъ болѣе или менѣе обширные эпизоды, относящіеся къ исторіи юго-западнаго края, какъ напримѣръ: Blaise de Vigénère (La description du royaume de Pologne et pays adjacents), Альбрехтъ Радзивиллъ (Pamiętniki), Delarac (Les anecdotes de Pologne ou memoires secrets du règne de Jean Sobieski), Записки Яна Паска и Почобута, Отвиновскій (Dzieje Polski pod panowaniem Augusta II) и т. п.

Извлеченіе изъ сочиненія Михайла Литвина.

(1550 г.).

Среди мемуаристовъ XVI столѣтія, записки которыхъ относятся къ исторіи западной Руси, первое мѣсто какъ по времени, такъ и по важности сообщаемыхъ свѣдѣній занимаетъ Михайло Литвинъ. Къ несчастью, сочиненіе его не дошло до насъ въ полномъ видѣ.

Первоначальная рукопись, написанная авторомъ на латинскомъ языкѣ, была раздѣлена на десять книгъ; но первый ея издатель, Грассеръ, пользовавшійся подлинною рукописью, издалъ ее не цѣликомъ, а напечаталъ лишь отрывки первой и девятой книгъ и сокращенія изъ отрывковъ остальныхъ восьми книгъ. По свидѣтельству самого Грассера, онъ значительно сократилъ первоначальный текстъ записокъ Михайла Литвина; при окончаніи перваго отрывка онъ помѣстилъ объясненіе, подъ заглавіемъ: „нѣчто къ читателю“, въ которомъ говоритъ: „Послѣдующія за симъ книги Михалонъ наполняетъ только жалобами на испорченные нравы своего народа, говоря, что это самый пагубный врагъ, котораго должно изгнать прежде всего, почему онъ желаетъ, чтобы нравы были исправлены, и указываетъ королю на средства, какъ достигнуть этой цѣли. Но мы, опустивъ эти жалобы, познакомимся только съ тѣмъ, что принадлежитъ собственно къ исторіи“.

Въ такомъ сокращенномъ видѣ Грассеръ издалъ записки Михайла Литвина въ Базелѣ въ 1615 году, въ сборникѣ, въ составъ котораго вошло еще нѣсколько разнообразныхъ статей, какъ это видно изъ его заглавія: „Michalonis Lituani de moribus tartarorum, lituanorum et moscherum fragmina X, multiplici historia

referta—et Iohannis Lasicii Poloni de diis Samagitarum caeterarumque Sarmatarum et falsorum christianorum. Item de religione Armenorum et de initio regiminis Stephani Batorii. Nunc primum per I. Jac. Grasserum C. P. ex manuscripto autentico edita. Basileae, apud Conradum Waldkirchium MDCXV".

Весь этотъ сборникъ Грассеръ посвятилъ кн. Октавіану-Александру Пронскому, внуку извѣстнаго кіевскаго воеводы Фридриха Глѣбовича Пронскаго, съ которымъ познакомился во время путешествія молодаго князя за границу, предпринятаго имъ съ цѣлью завершить свое образованіе.

Въ началѣ сборника Грассеръ приложилъ генеалогію рода князей Пронскихъ, исполненную, впрочемъ, неточностей и ошибокъ, и посвященіе книги молодому князю, въ которомъ онъ объясняетъ въ такихъ словахъ цѣль своего изданія: „теперь, когда ты предполагаешь возвратиться въ отечество, то, по возвращеніи твоемъ, тебѣ, безъ сомнѣнія, придется по временамъ сражаться съ татарами и москвитянами—я рѣшился посвятить твоему знаменитому имени этотъ трудъ, въ которомъ вѣрно изображается жизнь сихъ враговъ". Далѣе въ посвященіи Грассеръ сообщаетъ слѣдующія подробности объ издаваемыхъ имъ запискахъ: сочиненіе это было написано въ 1550 году для Сигизмунда Августа, только что вступившаго на польскій престолъ; издатель нашелъ рукопись среди бумагъ типографщика Петра Перны, которому она была прислана изъ Польши для напечатанія.

Изданіемъ Грассера воспользовалась впослѣдствіи фирма Эльзевировъ и переиздала часть записокъ Михайла Литвина въ сборникѣ, носящемъ заглавіе: „Respublica sive status regni Poloniae, Lituaniae, Prussiae, Livoniae etc. diversorum autorum. Lugduni Batavorum. Ex officina Elzeviriana. Anno MDCXXVII".

Шестая статья этого сборника (стр. 165—174) озаглавлена такъ: „Quaedam ad Lituaniam pertinentia ex fragmentis Michalonis Lituani". Статья эта заключаетъ только отрывки 4-й и 5-й грассеровскаго изданія и то съ нѣкоторыми пропусками.

Уже въ недавнее время текстъ отрывковъ Михайла Литвина былъ вновь напечатанъ въ „Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣ-

ній", изданномъ Калачовымъ; онъ помѣщенъ во второй половинѣ второй книги этого изданія (Москва 1854). Калачовъ перепечаталъ весьма точно латинскій текстъ Грассера по экземпляру его сборника, принадлежащему библіотекѣ московскаго университета, и приложилъ къ нему русскій переводъ, составленный С. Шестаковымъ.

Разсматривая этотъ переводъ, мы нашли въ немъ нѣкоторыя неточности и сокращенія, сверхъ того мы не всегда могли согласиться съ переводчикомъ относительно пониманія самого текста и потому составили заново предлагаемый переводъ. Мы думаемъ, что для лицъ, занимающихся исторіею западно-русскаго края, переводъ этотъ можетъ представить нѣкоторый интересъ какъ въ виду научной важности предлагаемаго историческаго матеріала, такъ и потому, что изданіе Калачова, какъ изданіе слишкомъ спеціальное, мало распространенное, составляетъ уже теперь библіографическую рѣдкость и потому мало доступно для болѣе широкаго круга читателей. При составленіи перевода мы болѣе всего заботились о его точности, старались держаться, по возможности близко къ подлиннику, вслѣдствіе чего принуждены были сохранить чрезвычайно сжатый и нѣсколько витіеватый способъ изложенія автора, полагая, что при переводѣ историческаго матеріала гораздо важнѣе возможно большая близость къ оригиналу, нежели стилистическая легкость изложенія.

Время составленія записокъ Михайла Литвина Грассеръ опредѣлилъ 1550 годомъ; дата эта вполнѣ подтверждается тѣми данными, какія заключаются въ самомъ ихъ текстѣ. Авторъ перечисляетъ многія событія первой половины XVI столѣтія, ссылаясь на нихъ, какъ на факты изъ недавняго прошлаго; таковы его замѣтки о битвахъ: при Клецкѣ (1506), Лопушной (1512), Сокалѣ (1519), Могачѣ (1526), Ольшаницѣ (1527) и Очаковѣ (1529), равно какъ и замѣтка о пожарѣ, истребившемъ Вильно (1529). Далѣе авторъ называетъ своимъ современникомъ в. к. Іоанна IV Васильевича (вступившаго на престолъ въ 1533 г.). Перечисляя событія, случившіяся въ царствованіе Сигизмунда I († 1548), онъ всегда упоминаетъ имя этого государя съ эпитетомъ „покойный" (divus).

Наконецъ, онъ называетъ имя современнаго ему крымскаго хана Сахыбъ-Гирея, погибшаго въ 1551 году. Сопоставляя приведенныя данныя, можно довольно точно опредѣлить время составленія записокъ—это промежутокъ времени между 1548 и 1551 годами, что вполнѣ подтверждаетъ сообщенную Грассеромъ дату.

Гораздо труднѣе опредѣлить личность самого составителя. Первоначальному издателю онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Михалона Литвина. Разумѣется, Михалонъ—это латинизированное имя Михаилъ и при томъ въ той формѣ „Михайло", которая была во всеобщемъ употребленіи на Руси въ XVI столѣтіи; по латыни ее писали „Michalo" и составляли родительный падежъ отъ него на латинскій ладъ—Michalonis. Литвинъ—это, конечно, имя народа, изъ среды котораго происходилъ составитель записокъ, фамильнаго же имени нашего автора мы не знаемъ. Дѣйствительно, изъ самаго текста записокъ можно констатировать, что авторъ ихъ принадлежалъ къ народности литовской: онъ зналъ литовскій языкъ и въ 5-й книгѣ приводитъ болѣе 70 словъ, по его мнѣнію, общихъ для языковъ латинскаго и литовскаго. Въ началѣ отрывка этой главы онъ говоритъ весьма опредѣленно: „Русскій языкъ чуждъ намъ, литовцамъ, происходящимъ отъ итальянской крови".—Изъ данныхъ, относящихся къ біографіи автора, внесенныхъ въ его разсказъ, мы знаемъ только, что онъ лично посѣщалъ Крымъ и, судя по количеству собранныхъ имъ наблюденій, пробылъ въ этой странѣ довольно продолжительное время; находясь въ Крыму, авторъ не только пользовался полною свободою, но даже, какъ кажется, имѣлъ доступъ къ ханскому двору; предполагать это можно по тѣмъ подробностямъ публичной и интимной жизни Сахыбъ-Гирея, которыя мы встрѣчаемъ въ запискахъ. На этомъ основаніи, а также по смыслу обращенія литовскаго плѣнника, съ которымъ авторъ разговаривалъ въ Кафѣ и который поручалъ ему передать великому князю различныя соображенія, можно предположить, что составителемъ записокъ былъ одинъ изъ дипломатическихъ агентовъ, часто посылаемыхъ въ Крымъ литовскимъ правительствомъ.

Пересматривая изданные понынѣ документы, относящіеся къ исторіи сношеній в. к. литовскихъ съ Крымомъ въ первой поло-

винѣ XVI столѣтія, мы встрѣчаемъ нѣсколько лицъ, ѣздившихъ въ качествѣ пословъ или гонцевъ въ орду, носившихъ имя Михайла. Такъ, на двухъ письмахъ Сигизмунда I къ Менгли-Гирею, писанныхъ въ 1510 г. (13 и 27 ноября) находимъ помѣтки: „Тотъ листъ посланъ до орды дякомъ Михайломъ“ и „Тотъ ярлыкъ одъ короля е. м. посланъ до Мендли-Гирея, царя Перекопскаго, тымже дякомъ Михайломъ“ [1]):—Въ 1511 г. письмо Сигизмунда I къ литовскому послу, находившемуся въ Крыму, начинается слѣдующими словами: „Дворянину нашему Михайлу Павшы и писарю нашему Михаилу Василевичу“; тотъ же писарь посольства, Михайло Василевичъ, снова былъ посланъ въ Крымъ въ 1513 году съ письмомъ Сигизмунда I къ Менгли-Гирею [2]). Наконецъ, въ 1538 году этотъ король обращалъ вниманіе пановъ рады литовской на то, что дипломатическія отношенія къ Крыму приняли враждебный характеръ и, между прочими фактами, указывалъ, что „царь перекопскій легкость послу его милости, Михайлу Тишковичу, тамъ въ Ордѣ выредилъ“ [3]). (Документъ не указываетъ, въ чемъ состояло оказанное послу неуваженіе). Намъ кажется, что одно изъ поименованныхъ лицъ весьма правдоподобно могло быть авторомъ записокъ „О нравахъ татаръ“. Если допустить возможность такого предположенія, то можетъ быть составленіе записокъ скорѣе всего можно бы приписать Михайлу Тишковичу, такъ какъ его посольство въ Крымъ происходило уже при Сахыбъ-Гиреѣ, всего за 12 лѣтъ до времени составленія записокъ.

Записки Михайла Литвина представляютъ богатый запасъ свѣдѣній, относящихся къ внутреннему быту великаго княжества литовскаго; въ изданной части записокъ еще болѣе уцѣлѣло свѣдѣній о бытѣ крымской орды и объ ея отношеніяхъ къ литовско-русскимъ областямъ. Впрочемъ, при всемъ богатствѣ фактическаго матеріала записокъ, мы не можемъ пройти молчаніемъ одинъ крупный недостатокъ въ планѣ и характерѣ сочиненія. Авторъ имѣлъ въ виду

[1]) Pułaski. Stosunki Polski z tatarszczyzną, стр. 369 и 375.

[2]) Тамъ же, стр. 382, 383 и 410.

[3]) Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи т. I, стр. 87 и 97.

не столько повѣствованіе о видѣнномъ и слышанномъ имъ, сколько цѣль дидактическую. Очевидно, весь разсказъ направленъ къ тому, чтобы оказать вліяніе на молодаго короля Сигизмунда-Августа и побудить его принять мѣры къ исправленію нравовъ и подъему энергіи въ средѣ литовскихъ земянъ. Съ этою цѣлью Михайло утрируетъ съ одной стороны недостатки своихъ согражданъ, съ другой добродѣтели сосѣдей; при чемъ нерѣдко впадаетъ въ противорѣчіе какъ съ самимъ собою, такъ и съ другими историческими свидѣтельствами. Впрочемъ, эту излишнюю долю шаржа читатель отличитъ весьма легко при внимательномъ чтеніи.

ОТРЫВОКЪ I.

Хотя мы считаемъ татаръ варварами и бѣдняками, но они гордятся воздержностью своей жизни и древностью своего скиѳскаго происхожденія, утверждая, что народъ ихъ происходитъ отъ Авраама и что онъ никогда не былъ никѣмъ обращенъ въ рабство, хотя и страдалъ по временамъ отъ нападеній Александра, Дарія, Кира, Ксеркса и другихъ могущественныхъ царей и народовъ.

Нынѣ татары раздѣлены на нѣсколько ордъ, т. е. народовъ; такъ, за сосѣдями нашими, перекопскими татарами и соучастниками ихъ, бѣлгородскими и добруджскими [1]), живущими на границѣ Молдавіи, къ востоку находятся могущественныя орды, враждебныя перекопской: одна ногайская, другая астраханская [2]), третья за рѣкою Танаисомъ, которая называется также Волгою [3]) — заволжская; это родина царя Батыя, опустошившаго Венгрію. Орда эта нѣкогда господствовала надъ москвитянами и всѣми русскими, теперь она примкнула къ ногайской ордѣ. Далѣе слѣдуютъ орды: казанская, казацкая, бухарская, самаркандская и, какъ сказываютъ, нѣсколько другихъ; онѣ распредѣлены между двѣнадцатью повелителями согласно обѣщанію, данному Господомъ ихъ предку Измаилу

[1]) Въ текстѣ Dobricenses.

[2]) Alia (орда) Chastorocani.

[3]) Авторъ очевидно смѣшиваетъ Волгу съ Дономъ (Tanais)

(кн. Бытія 17) [1]), что отъ него родится 12 вождей и произойдетъ великій народъ.

Среди татарскихъ ордъ перекопскіе татары слабѣе другихъ, но они живутъ ближе всѣхъ къ нашимъ предѣламъ и одни враждебны намъ; они полагаются на нашу оплошность, а также пользуются близкимъ сосѣдствомъ и удобствомъ мѣстоположенія, доставляющаго имъ безопасное убѣжище.

Дѣйствительно, перекопскіе татары имѣютъ убѣжище, укрѣпленное самою природою; два мелководные залива, изъ которыхъ одинъ называется Меотидою, вдаются отъ моря въ материкъ почти на тридцать миль длиною; въ началѣ и на всемъ протяженіи они расположены въ равномъ другъ отъ друга разстояніи, но концы ихъ сближаются между собою и раздѣлены лишь узкимъ сухимъ перешейкомъ [2]), поперегъ котораго отъ одного залива къ другому тянется ровъ и высокій валъ, въ которомъ прорѣзаны ворота, представляющія единственный входъ въ страну татаръ со стороны суши.

По причинѣ этого перекопаннаго рва и крѣпость, построенную у воротъ, и весь полуостровъ, окруженный заливами, мы называемъ Перекопомъ, прежде же онъ назывался Таврикою; онъ принадлежалъ къ владѣніямъ трапезундскихъ грековъ и былъ ими заселенъ; и понынѣ живущіе на полуостровѣ греки удержали свой языкъ и вѣру. Этотъ полуостровъ омывается моремъ Понтійскимъ, которое у этой страны называется Понтомъ Евксинскимъ; хотя онъ защищенъ своимъ положеніемъ, но ни обширные заливы, ни ровъ, ни высокій валъ, ни сильная крѣпость не могли бы помѣшать хорошо устроенному войску проникнуть внутрь страны. Къ этимъ единственнымъ воротамъ, ведущимъ въ Таврику, отъ послѣднихъ литовскихъ крѣпостей, Черкасъ и Брацлава, шесть дней пути по совершенно ровной, покрытой травою степи, не прегражденной нигдѣ ни горами, ни лѣсами,

---

[1]) „О Измаилѣ же се послушахъ тебе и се благословихъ его, и умножу его зѣло: двванадесять языки родятъ, и дамъ его въ языкъ велій". Кн. Бытія, гл. 17 стр. 20.

[2]) Авторъ имѣлъ нѣсколько неточное понятіе объ очертаніяхъ Азовскаго, моря и Каркинитскаго залива.

ни, болотами и не прорѣзанной, за исключеніемъ Борисѳена, рѣками, трудными для переправы. Въ самой Таврикѣ морской берегъ, а также страна у подножія горнаго кряжа покрыты взгорьями и лѣсами; эта часть заселена туземцами греками, остальная же часть полуострова, въ которой обитаютъ татары, степная. Вся страна очень плодородна, производитъ много хлѣба, вина, мяса и соли. Соль зараждается тамъ въ большомъ количествѣ въ озерахъ, вслѣдствіе сгущенія воды отъ солнечнаго припека послѣ весенняго равноденствія; она покрываетъ воду въ видѣ льда, прозрачна и часто похожа на кристаллъ. Земля, разъ только вспаханная и взбороненная вѣтвями, родитъ въ изобиліи всякаго рода хлѣбъ и виноградъ. Скотъ и лошади даже зимою пасутся въ полѣ подъ открытымъ небомъ; если они, переутомленные работою, исхудалые и истощенные, отпускаются на пастбище, то откармливаются пушистою травою, добытою изъ подъ снѣга ударами копытъ, не хуже чѣмъ у насъ на лучшихъ пастбищахъ или подъ крышею. Происходитъ это потому, что климатъ тамъ мягче, и земля тучнѣе отъ примѣси ила и соли, и растетъ особый родъ травы, постоянно зеленой, которая вкуснѣе и удивительно хорошо питаетъ скотъ, она называется *типечъ*. Утверждаютъ, что нѣкогда въ странѣ было такое множество жителей, что въ греческихъ городахъ бывало по тысячѣ церквей, при томъ духовенство было столь заносчиво, что епископы и архимандриты ихъ не иначе вступали въ храмы, какъ верхомъ. И теперь нѣкоторые города, хотя разоренные, объемомъ своихъ стѣнъ и развалинъ напоминаютъ прежнее великолѣпіе, въ особенности городъ, называемый нами *Солхатъ*, москвитянами Крымъ, греками же онъ нѣкогда назывался Ѳеодосія [1]); также древняя столица Корсунь, въ

[1]) Рѣчь идетъ о городѣ, называемомъ нынѣ Старый Крымъ (Эски-Крымъ), лежащемъ въ 23 верстахъ къ западу отъ Ѳеодосіи на р. Чурукъ-Су. Городъ этотъ первоначально назывался *Солхатъ*, затѣмъ послѣ завоеванія полуострова татарами, получилъ новое названіе—*Крымъ*; такъ какъ первые ханы основали здѣсь свою столицу, то имя города перешло и на весь подвластный имъ Таврическій полуостровъ, впослѣдствіи, когда столица хановъ была перенесена въ Бахчисарай, городъ началъ называться *Эски-Крымъ*. Авторъ по ошибкѣ смѣшиваетъ Солхатъ съ Ѳеодосіею, носившею въ его время татарское имя *Кефа*. Кефа и Солхатъ упоминаются у

которой русскій князь принялъ крещеніе и христіанское имя, потомъ она была разорена нашимъ народомъ и доставила ему добычу. Слѣды этой добычи остались понынѣ въ каменныхъ паркетахъ, мозаикахъ и стѣнныхъ обложкахъ кіевскихъ храмовъ; изъ числа ея подарены были двери въ гнѣзненскій соборъ [1]).

Такое разореніе нашими Корсуня принудило таврическихъ христіанъ, преданныхъ роскоши и лѣни, призвать себѣ въ помощь отрядъ татаръ изъ заволжской орды и поселить его у себя на феодальномъ правѣ, для отраженія нашихъ набѣговъ. Впослѣдствіи татары эти, усиливаясь мало по малу, достигли численности цѣлаго народа и избрали себѣ вождемъ нѣкоего Темиръ-Кутлука, своего соплеменника, которому присвоили титулъ царя. Но предки вашего величества, побѣдивъ этихъ подданныхъ татарскаго царя, вѣроломныхъ греческихъ вассаловъ, назначали имъ въ цари своихъ подданныхъ татаръ изъ Литвы. Послѣдній царь, назначенный изъ Литвы, былъ Ачи-Гирей, родившійся въ окрестности Трокъ, и отсюда блаженной памяти Витовтомъ посланый туда на царство. Властвуя въ Тавридѣ, онъ родилъ сына Менгли-Гирея, а этотъ нынѣшняго царя Саипъ-Гирея [2]) и его старшихъ братьевъ и предшественниковъ на царскомъ престолѣ: Мухаметъ-Гирея, Саадетъ-Гирея и Хази-Гирея [3]); такимъ образомъ благородное имя предка было принято цѣлымъ его потомствомъ, наслѣдовавшимъ послѣ него царскій престолъ. Таково происхожденіе рода Гиреевъ, насажденнаго тамъ десницею предковъ вашего величества; теперь, въ благодарность за свое возвышеніе, они причиняютъ намъ тяжелыя заботы.

Несмотря однако на процвѣтаніе въ Таврикѣ пришлаго народа и усиленіе татарскаго государства, города: Мангупъ, Кафа,

современныхъ ему мусульманскихъ писателей, какъ два отдѣльные города, лежавшіе въ разстояніи одного дня пути другъ отъ друга.—См. Смирнова, „Крымское ханство", стр. 56, 59, 65, 74 и т. д.

[1]) Извѣстіе ошибочное, бронзовыя двери гнѣзненскаго собора—средневѣковой германской работы, а не византійской; на нихъ изображены 18 эпизодовъ изъ житія св. Войтеха. (Lelewel, Polska wieków średnich, t. IV, st. 296—329).

[2]) Саипъ-Гирей, правильнѣе Сахибъ-Гирей, царствовалъ съ 1525 по 1551 г.

[3]) Хази, правильнѣе Гази Гирей, ошибочно названъ сыномъ Менгли-Гирея: онъ былъ его внукомъ, сыномъ Мухамедъ-Гирея. Въ 1523 году, послѣ убіенія отца,

Керчь, Козловъ [1]) и другіе, лежащіе на берегу моря, сохранили свою самостоятельность, пока не были взяты турецкимъ войскомъ, присланнымъ изъ Константинополя около 70 лѣтъ тому назадъ.

Съ того времени потомки туземцевъ грековъ подчинились ярму турокъ и платятъ имъ поголовную подать; они занимаются хлѣбопашествомъ, винодѣліемъ и скотоводствомъ и довольно зажиточны; многіе даже имѣютъ серебряную посуду, такъ какъ они пользуются спокойствіемъ и безопасностью при болѣе разумномъ управленіи язычниковъ. Тѣмъ не менѣе жизнь ихъ не особенно пріятна, ибо они не считаются достойными какихъ либо почестей, господствующіе мусульмане относятся къ нимъ съ пренебреженіемъ и не только не вступаютъ съ ними въ какое либо общеніе, но даже не удостоиваютъ ихъ другаго взгляда кромѣ презрительнаго; притомъ ихъ, даже владѣльцевъ серебряной посуды, обременяютъ работами, особенно тягостными въ воскресные дни и въ праздникъ св. Пасхи. Христіанинъ не можетъ тамъ удержать власти надъ рабомъ, ни даже надъ строптивымъ сыномъ, если тотъ обратится къ чиновнику; сами отцы семействъ могутъ при этомъ пострадать, если на нихъ донесутъ, что они словомъ или хотя бы движеніемъ пальца выразились неуважительно о магометанской религіи.

Таврика можетъ служить примѣромъ непостоянства судьбы: положеніе ея народонаселенія совершенно измѣнилось: потомки вельможъ лишены почета и свободы, презрѣны и обращены въ рабство; они утратили свои права и принуждены платить поголовную подать магометанамъ; гордые епископы, правившіе нѣкогда церкви Божьи, теперь сами, презрѣнные и униженные, должны пресмыкаться предъ грозными взорами турокъ и татаръ. Города, нѣкогда преисполненные огромныхъ богатствъ, гордости, веселья и шума всевозможной роскоши, нынѣ пусты и покрыты развалинами, иные сравнены съ землею и имена ихъ забыты; управители народа не благородные христіане, прирожденые его покровители, а чужеземцы язычники,

онъ былъ провозглашенъ ханомъ по выбору мурзъ, но 6 мѣсяцевъ спустя, о) просьбѣ тѣхъ-же мурзъ, смѣщенъ султаномъ въ 1524 г. и ханскій престолъ предоставленъ его дядѣ Саадетъ-Гирею. (Смирновъ, Крымское ханство, стр. 393—394 и.

[1]) Въ текстѣ: Mancip, Caffa, Kercze, Kozlevv.

недавно вышедшіе изъ рабства, и вассалы, достигшіе вмѣстѣ и свободы, и власти.

Татары до того размножились въ Таврикѣ, что могутъ выставить на войну до 30,000 войска, если подымаются по приказу всѣ вообще, даже непригодные къ военной службѣ, лишь бы могли сидѣть на конѣ. Когда въ моемъ присутствіи царь отправлялъ съ своимъ сыномъ половину войска въ помощь туркамъ въ Венгрію [1]), его насчитали 15,000; хотя въ походъ выступали отборные татары, но снарядились они обыкновеннымъ образомъ, т. е. были почти безоружны; едва десятый или двадцатый изъ нихъ былъ вооруженъ саблею или колчаномъ, панцыри же встрѣчались еще рѣже; одни имѣли только палки костяныя или деревянныя, другіе были препоясаны пустыми ножнами безъ оружія. Щитовъ, копій и другаго оружія подобнаго рода они совсѣмъ не знаютъ. Точно также они никогда не стѣсняютъ себя въ походѣ ни обозами, ни какою либо поклажею, ни оружіемъ, ни съѣстными припасами, кромѣ небольшаго количества поджареннаго проса или истертаго сыра. За то никто изъ нихъ не отправляется безъ нѣсколькихъ свѣжихъ ремней, особенно если набѣгъ направляется въ наши страны, тогда они больше заботятся о средствахъ для вязанія насъ, нежели объ оружіи для собственной защиты. Лошадей они всегда берутъ въ походъ очень много, такъ что почти каждый въ ихъ войскѣ ведетъ по пяти запасныхъ коней; поэтому они очень быстро совершаютъ путь во время набѣговъ, благодаря тому, что часто мѣняютъ лошадей; они съ большою легкостью убѣгаютъ отъ преслѣдованія непріятелей, не опасаясь при множествѣ лошадей ни ихъ усталости, ни голода, и притомъ наводятъ страхъ численностью оставляемыхъ ими слѣдовъ.

Они отличаются на войнѣ умѣньемъ переносить голодъ, жажду, трудъ, безсонницу, жаръ, холодъ и вообще всѣ лишенія и невзгоды климата. Походъ совершаютъ всегда безъ возовъ и безъ обозовъ съ провіантомъ, только въ сопровожденіи указаннаго боль-

[1]) Во время царствованія въ Крыму Сахыбъ-Гирея извѣстны три похода султана Сулеймана въ Венгрію: 1529, 1532 и 1540—1541 гг.; авторъ записокъ былъ свидѣтелемъ посылки татарскаго вспомогательнаго отряда въ одинъ изъ этихъ походовъ.

шаго количества лошадей. Они безъ особаго затрудненія, даже зимою переходятъ безъ дорогъ обширныя степи по глубокому снѣгу, несмотря на то, что ноги ихъ лошадей изъязвляются затвердѣвшимъ снѣгомъ и льдомъ; чрезъ большія и быстрыя рѣки они, не колеблясь, отлично переправляются вплавь даже зимою, когда переправа затруднена ледоходомъ; при этомъ они не употребляютъ лодокъ, а плывутъ, держась за гривы лошадей и привязавъ къ ихъ хвостамъ свой багажъ, положенный на бревна или связки камыша.

Въ битвахъ они храбрѣе москвитянъ, хотя вооруженіе ихъ хуже; въ началѣ аттаки они стараются всегда обойти лѣвое крыло непріятеля для того, чтобы удобнѣе выпускать стрѣлы. Часто, уже обращенные въ бѣгство, они останавливаются, обращаются на врага, преслѣдовавшаго ихъ и разсыпавшагося въ погонѣ, и такимъ образомъ, уже побѣжденные, вырываютъ побѣду изъ рукъ побѣдителей. Но наши одолѣваютъ татаръ, если приходится сражаться съ ними въ правильномъ строю, безъ хитростей и коварства, даже въ такомъ случаѣ, если они значительно превосходятъ насъ числомъ. Мы неоднократно испытали это подъ побѣдоносными знаменами покойнаго отца вашего величества: такъ, пять мѣсяцевъ спустя послѣ несчастнаго сраженія христіанъ съ магометанами, въ которомъ погибъ двоюродный братъ вашего величества, король Людовикъ, 5-го февраля 1527 года, на поляхъ у рѣчки Ольшаницы вблизи Черкасъ, мы перебили 25,000 перекопскихъ татаръ, хотя войско наше состояло только изъ 3,500 человѣкъ [1]). Прежде того у Клецка погибло ихъ

[1]) Венгерскій король Людовикъ Владиславовичъ, двоюродный братъ Сигизмунда-Августа, погибъ въ битвѣ съ турками у Могача 29 августа 1526 г. Въ началѣ 1527 г. отрядъ орды въ 26,000 ворвался въ Польшу, по приказанію султана, и опустошилъ воеводства белзское и люблинское, затѣмъ возвращался въ Крымъ чрезъ Волынь и кіевскую землю. Въ погоню за ними отправился кн. Константинъ Ивановичъ Острожскій и настигъ татаръ, расположившихся на ночлегъ на берегу р. Ольшаницы между Каневомъ и Черкасами; напалъ на нихъ въ расплохъ 5-го февраля и нанесъ имъ рѣшительное пораженіе. Только немногіе успѣли спастись бѣгствомъ; вся добыча ихъ и до 40,000 плѣнныхъ были отняты, 700 татаръ взяты въ плѣнъ, остальные погибли въ битвѣ или были перебиты во время бѣгства. (Владиславъ Салай, Исторія Венгріи, извлеченіе Н. Попова, стр. 129—130. M. Bielski, Kronika Polka, стр. 558).

27,000, сраженныхъ 9,000 нашего войска [1]). Также и въ другихъ мѣстахъ: у Давидгородка, Стрешина, Чечерска, Лопушны [2]), въ обширныхъ степяхъ: у Лебедина, у Бѣлой Церкви, у рѣки Сулы и въ другихъ сраженіяхъ съ ними, сколько ихъ ни было въ текущемъ столѣтіи, наши войска вездѣ оказались сильнѣе татаръ.

У Сокаля войско наше было разбито не силою, а хитростью, вслѣдствіе неудобной мѣстности, потому что оно было коварно завлечено на площадь только что сожженнаго города, зіявшую множествомъ ямъ, подземелій, пещеръ и погребовъ [3]). Тогда первый разъ возгордился по отношенію къ намъ родъ Гиреевъ, когда имъ принесены были въ Таврику кровавые доспѣхи нашихъ воиновъ. Затѣмъ у Очакова, хотя наше войско сражалось храбро и побѣдило татаръ, но потомъ; по неосторожности, добровольно доставило надъ собою побѣду уже побѣжденному Осламъ-султану, отправивъ къ нему въ крѣпость своихъ вождей для переговоровъ [4]), не зная, что

---

[1]) Блестящую побѣду подъ Клецкомъ одержали литовцы надъ татарами въ началѣ августа 1506 года подъ начальствомъ князя Михаила Глинскаго.

[2]) Изъ перечисленныхъ столкновеній самая крупная битва была у Лопушиой въ 1512 г.; здѣсь Константинъ Ивановичъ Острожскій съ 6,000 литовскаго войска разгромилъ 25,000 татаръ и отбилъ у нихъ плѣнныхъ и добычу.

[3]) Въ 1519 г. сильный отрядъ орды, опустошивъ земли: львовскую, белзкую и люблинскую, возвращался обремененный добычею и уводя множество плѣнныхъ. На берегахъ Буга, у города Соколя ихъ настигъ ки. Константинъ Ивановичъ Острожскій съ войскомъ, собраннымъ на Волыни, и со вспомогательнымъ польскимъ отрядомъ. Сообразивъ силы враговъ и условія мѣстности, онъ рѣшился ожидать подкрѣпленія, но поляки, упрекая его въ трусости, самовольно начали битву, при чемъ попали во время аттаки на развалины сожженнаго татарами мѣстечка и разстроили свои ряды; несмотря на всѣ усилія ки. Острожскаго, татары нанесли его отряду весьма чувствительное пораженіе и ушли домой съ добычею. Въ битвѣ погибло болѣе 1,200 рыцарей, въ томъ числѣ много знатныхъ польскихъ панонъ. (Bielski, Kronika Polska, стр. 542—543).

[4]) Въ 1529 г. начальники войска, охранявшаго границы Подоліи: Язловецкій, Сенявскій и Летальскій предприняли походъ подъ Очаковъ, разбили отрядъ татаръ и угнали ихъ стада. Оказалось, впрочемъ, что они имѣли дѣло съ татарами, подвластными Исламъ-Гирею, союзнику Сигизмунда I, который помирился было съ ханомъ Сахыбъ-Гиреемъ и получилъ отъ него въ удѣлъ Очаковъ. Узнавъ объ этомъ, предводители возвратили стада и сами поѣхали въ Очаковъ для свиданія съ Исламъ-Гиреемъ по его приглашенію. Татары воспользовались ихъ отсутствіемъ и разгромили войско, оставшееся безъ предводителей. (Bielski l. c. стр. 560).

сказано, что на войнѣ отъ врага должно ожидать и храбрости и хитрости. Такимъ образомъ наши всегда брали верхъ надъ перекопцами, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда тѣ употребляли хитрость, коварство и стратегическія уловки.

Жизнь татаръ, которою они гордятся, первобытная, пастушеская, подобна жизни патріарховъ во время золотаго вѣка, когда среди пастырей стадъ избирались вожди народовъ, цари и пророки, какъ сказалъ одинъ изъ нихъ: „Поялъ мя Господь отъ овецъ“ [1]). Такъ живутъ татары понынѣ, слѣдуя за своими стадами и переходя съ ними съ одного поля на другое. Они не имѣютъ ни изгородей, ни домовъ, только передвижныя палатки изъ прутьевъ и камыша, покрытыя толстымъ войлокомъ и снабженныя рогожами и циновками изъ водорослей; усадивъ въ нихъ женъ и дѣтей, они возятъ ихъ съ собою на возахъ. Землю, даже самую плодородную, они не обрабатываютъ, довольствуясь тѣмъ, что она сама приноситъ, т. е. травою, служащею кормомъ для скота. Такимъ образомъ они, согласно совѣту Соломона, питаются однимъ молокомъ безъ хлѣба и плодовъ; они трезвы и воздержанны тѣмъ болѣе, что по закону воспрещается имъ пить вино и ѣсть свинину. Хотя они питаются мясомъ другихъ животныхъ, даже лошадинымъ, но у себя дома употребляютъ въ пищу только издохшихъ или издыхающихъ животныхъ, щадя здоровыхъ изъ желанія сохранить свои стада, ибо въ стадахъ заключается все ихъ имущество.

Татары не владѣютъ никакою частною недвижимою собственностью, кромѣ колодцевъ, которые, впрочемъ, принадлежатъ сообща многимъ членамъ одного рода. Они мало заботятся и о движимомъ имуществѣ, которое состоитъ исключительно изъ немногочисленныхъ предметовъ домашней утвари, необходимой для повседневнаго обихода, верховой ѣзды и военнаго дѣла; только къ послѣднему они довольно внимательны, заниматься же другими житейскими дѣлами и промыслами считаютъ дѣломъ недостойнымъ свободныхъ людей и нарушающимъ ихъ законъ, который предписываетъ пропаганду исключительно

[1]) Амосъ. Гл. VII, ст. 15.

силою оружія.—При такой дикости они болѣе всего почитаютъ умѣренность и воздержаніе и живутъ всѣ безъ роскоши, но и внѣ крайней нищеты, подобно тому, какъ сказано въ священномъ писаніи: „во всемъ и во всѣхъ навыкохъ и насыщатися, и алкати, и избыточествовати, и лишатися“ [1]), а также „иже многое, не преумножилъ есть, и иже малое, не умалилъ [2]). Такъ и теперь у этихъ варваровъ нѣтъ богатыхъ, которые бы задыхались отъ пресыщенія, и неимущихъ, которые бы гибли отъ голода и холода; несмотря на ихъ бѣдность и скудость средствъ, никто не проситъ милостыни. У нихъ такъ же рѣдко встрѣчается расточитель, какъ и голодающій, нѣтъ ни нищихъ, ни обманщиковъ, ни лживыхъ свидѣтелей, ни клятвопреступниковъ, ни воровъ или разбойниковъ; потому у нихъ нѣтъ надобности безпокоиться объ охранѣ своего имущества, ни носить оружіе въ собственной странѣ для защиты своей личности. Считается дѣломъ нелѣпымъ и недозволеннымъ имѣть при себѣ оружіе во время путешествія въ собственной странѣ; ибо у себя они свято соблюдаютъ миръ и справедливость, отдавая каждому сполна все принадлежащее ему, не отсчитывая въ пользу чиновниковъ десятины или другаго какого либо побора.

Должность судьи эти иновѣрцы считаютъ источникомъ не нареканій, но признательности, она у нихъ относится къ функціямъ не мірянъ, а духовенства и исполняется священниками, называемыми кади, которые приготовляются къ ней изученіемъ правилъ религіи и приносятъ особую присягу. При томъ въ судьи избираются такія лица, которыя сами менѣе всего заинтересованы мірскими дѣлами, по которымъ имъ предстоитъ судить другихъ. Для того, чтобы правосудіе могло дѣйствовать успѣшнѣе, судопроизводство вовсе не допускаетъ проволочекъ крючкотворцевъ и не подлежитъ вліянію наговоровъ клеветниковъ. Такъ, если обвиненный, пытаясь избѣгнуть суда, не является тотчасъ послѣ того, какъ истецъ позвалъ

[1]) Посланіе къ Филипп. гл. IV, ст. 12.

[2]) Посланіе 2-ое къ Коринѳ. гл. VIII, ст. 15.

его къ суду прикосновеніемъ къ краямъ его одежды, то онъ немедленно подлежитъ наказанію, какъ если бы обвиненіе было вполнѣ доказано; онъ получаетъ установленное закономъ количество палочныхъ ударовъ. Въ судѣ не могутъ быть лично истцами, ни свидѣтелями лица, которыя не знаютъ закона въ необходимой мѣрѣ для того, чтобы защищаться, или же лица, когда либо замѣченныя въ употребленіи вина, или уличенныя въ другихъ порокахъ. Суду кадіевъ подчиняются люди знатные и вельможи наравнѣ съ простолюдинами безъ всякаго отличія, и вообще для всѣхъ установленъ одинъ общій законъ, за исключеніемъ верховнаго вождя, котораго величіе они считаютъ выше человѣческаго достоинства. Вообще они стараются сохранить равенство между собою употребленіемъ одинаковой одежды и пищи и считаютъ непристойностью и беззаконіемъ, достойнымъ тѣлеснаго наказанія, если кто либо пытается отличиться отъ народа одеждою, поясомъ, шапкою или прическою, отступающими отъ древняго обычая предковъ. — Также считается неприличнымъ принимать пищу отдѣльно, не раздѣляя ее со всѣми присутствующими; хозяинъ тоже не долженъ брать себѣ часть пищи прежде, чѣмъ она будетъ предложена всѣмъ; при этомъ ее крошатъ въ мелкіе куски и тщательно перемѣшиваютъ для того, чтобы каждый изъ присутствующихъ пользовался равнымъ ея качествомъ. Въ пути у нихъ также всѣ дорожные запасы общіе и они очень усердно, наперерывъ другъ передъ другомъ, стараются услужить старикамъ и больнымъ. Дома они всякому гостю, даже незнакомому страннику, предлагаютъ даромъ пищу и постель, впрочемъ вдали отъ собственной спальни.

Однако въ другихъ отношеніяхъ татары менѣе цивилизованы: такъ, они считаютъ совершенно неприличнымъ показывать своихъ женщинъ гостямъ, друзьямъ и даже самымъ любимымъ собесѣдникамъ, они держатъ несчастныхъ въ заперти, въ укромныхъ покояхъ, не допускаютъ ихъ не только въ общество гостей, но даже въ храмы и вовсе не выпускаютъ на улицу, взваливая на нихъ, впрочемъ съ ихъ же согласія, всю работу портняжескую и сапожную. Между тѣмъ сами они не удовлетворяются единоженствомъ, но хвалятся тѣмъ, что по обычаю древнихъ людей и съ разрѣшенія своего закона, имѣ-

ютъ каждый по четыре жены и сверхъ того при каждой женѣ по десяти наложницъ. Желая быть мужьями образцовыми, они выбираютъ невѣстъ не по богатству и не по красотѣ, но женятся, не видѣвъ даже въ лицо невѣсты, а только собравши свѣдѣнія объ ея характерѣ и нравахъ; они не пренебрегаютъ вступать въ бракъ со своими невольницами, захваченными въ плѣнъ или купленными. Вслѣдствіе такого выбора жены ихъ постоянны, послушны, живутъ во взаимномъ согласіи и равнодушны, ради привязанности къ мужу, къ его наложницамъ; при томъ онѣ до того цѣломудрены, что о преступномъ нарушеніи брачныхъ обязанностей не бываетъ никогда и помину; прелюбодѣяніе считается уголовнымъ преступленіемъ и подлежитъ карѣ смертью.

Варвары эти сознаютъ, что для всякаго народа нѣтъ ничего полезнѣе храбрости и военной дисциплины и что храбрость пріобрѣтается привычкою къ лишеніямъ; поэтому они чуждаются изнѣженности и роскоши, и съ дѣтства приготовляются къ военному дѣлу суровымъ образомъ жизни и привычкою къ верховой ѣздѣ. Они садятся на копя отъ колыбели и не перестаютъ наѣздничать до дряхлой старости. Употребленіе повозокъ презираютъ даже старцы и больные, избѣгая изнѣженности и щадя лошадей; послѣднихъ они берегутъ до такой степени, что даже ихъ князья внутри отечества ѣздятъ одни, между тѣмъ какъ заграницею ихъ сопровождаютъ сотни верховыхъ слугъ. Знатныя женщины даже тогда, когда отправляются въ царскій дворецъ, запертыя въ крытыхъ экипажахъ и сіяющія внутри ихъ блескомъ дорогихъ каменьевъ, не стыдятся ѣхать заложивши въ коляску одного вола или двухъ, если она слишкомъ велика. Общественное мнѣніе считаетъ дѣломъ неприличнымъ и беззаконнымъ закладывать въ экипажъ лошадь, хотя бы самую плохую, даже тогда, если кто имѣетъ на конюшнѣ хотя бы тысячу лошадей.

Вообще жизнь татаръ мрачна и сурова, за исключеніемъ царей, которые живутъ роскошно среди всеобщей умѣренности своего народа. Такъ, современный царь перекопскій, предоставивъ сыновьямъ военныя дѣла, самъ охотно предается удовольствіямъ среди садовъ своихъ

женъ. Особенно славится одинъ садъ красотою мѣстоположенія, постройками, уходомъ и разнообразіемъ цвѣтовъ и деревьевъ, изящно расположенныхъ на подобіе шахматной доски. Въ этомъ раю своемъ онъ принимаетъ гостей, даетъ богатые пиры, хотя самъ, словно желая выказать отвращеніе и презрѣніе къ богатствамъ, употребляетъ для пищи лишь деревянную и глиняную посуду; тѣмъ не менѣе онъ возлежитъ на золотистыхъ подушкахъ, опираетъ локти и ноги на серебряный столъ, обремененный разными яствами и золотыми чашами, украшенными дорогими каменьями, и наслаждается мелодіею гуслей, кимваловъ, бубновъ и арфъ, какъ бы желая заявить, что пустыя развлеченія доставляютъ ему наслажденіе и что онъ считаетъ умѣстнымъ свободно забавляться ими среди всеобщей воздержности своего народа.

Татарскіе народы живутъ умѣренно по словамъ св. писанія: „Не пійте вина вы и сынове ваши до вѣка. И храминъ да не соградите и сѣмене не сѣйте, и виноградъ да не будетъ вамъ; но въ кущахъ да живете вся дни живота вашего: да поживете дни многи на земли, на ней же обитаете вы“ [1]). Такимъ образомъ они живутъ на землѣ многіе дни свободные, не отягощенные и всегда безопасны отъ крайней гибели, ибо, презрѣвъ роскошь, не владѣя недвижимымъ имуществомъ, подверженнымъ разграбленію, они все свое имущество увозятъ вмѣстѣ съ собою при всякомъ передвиженіи; ведя жизнь кочевую, наѣздническую, они пріобрѣтаютъ только движимое имущество: стада и рабовъ, которые слѣдуютъ за ними.

Хотя перекопцы, кромѣ многочисленныхъ стадъ, держатъ при себѣ и захваченныхъ въ плѣнъ рабовъ, но послѣднихъ у нихъ гораздо больше, чѣмъ стадъ, и потому они снабжаютъ ими и другія страны; къ нимъ приходятъ многочисленные корабли съ того берега Чернаго моря, изъ Азіи, привозятъ имъ оружіе, одежды и лошадей и возвращаются, нагруженные рабами.

Такъ какъ всѣ ихъ рынки и гавани славятся этимъ товаромъ, который у нихъ всегда находится и для себя, и для продажи, и

[1]) Іеремія. Глава XXXV, стихъ 7.

для залога, и для подарковъ, то каждый изъ нихъ, хотя бы простой всадникъ, даже если не имѣетъ наличныхъ рабовъ, то предполагая что онъ всегда имѣетъ возможность добыть извѣстное ихъ количество, обязывается по контракту любому изъ своихъ кредиторовъ отсчитать въ опредѣленный срокъ, въ уплату за оружіе, одежду или коней, условленное количество живыхъ людей нашей крови. И подобнаго рода обѣщанія ихъ исполняются точно, какъ если бы они на скотныхъ дворахъ имѣли постоянный запасъ нашихъ плѣнниковъ.

Неудивительно поэтому, что одинъ еврей, занимающійся сборомъ пошлинъ у помянутыхъ выше единственныхъ воротъ, ведущихъ въ Таврику, и видѣвшій постоянно безчисленное множество нашихъ людей, угоняемыхъ туда, спрашивалъ у насъ: осталось ли еще сколько нибудь людей въ нашей странѣ, или ихъ уже совсѣмъ нѣтъ? а также, откуда берется такое ихъ множество? Такъ эти грабители имѣютъ всегда достаточно рабовъ не только для торговли съ иноземцами, но и для удовлетворенія у себя дома своей жестокости или прихоти.

Многіе изъ этихъ несчастныхъ, въ особенности болѣе сильные мужчины, или подвергаются кастраціи, или же имъ отрѣзываютъ уши и ноздри, клеймятъ ихъ на щекахъ и на лбу и, заковавъ въ пута и кандалы, заставляютъ томиться днемъ на работахъ, а на ночь запираютъ въ темницу; они принуждены довольствоваться скудною пищею, состоящею изъ мяса падали, гнилаго, покрытаго червями и вселяющаго отвращеніе даже собакамъ.

Болѣе молодыя женщины служатъ для удовлетворенія страсти, нѣкоторыхъ заставляютъ развлекать гостей на пиршествахъ, выучивъ ихъ искусно играть на арфѣ и плясать; наиболѣе красивыхъ плѣницъ, особенно принадлежащихъ къ благороднымъ нашимъ семействамъ, отводятъ къ хану, въ вышеупомянутый его рай [1]).

Въ обращеніи ихъ съ рабами можно наблюдать слѣдующіе пріемы: когда ихъ выводятъ на продажу, то ведутъ этихъ несчаст-

[1]) Adductantur Thalasio et paradisicolae illi.

ныхъ на площадь, сковавъ ихъ за шеи гуськомъ по десяти словно журавлей, расположившихся для полета; продаютъ ихъ съ аукціона десятками подъ руководствомъ оцѣнщика, который громко выкрикиваетъ похвалы: что это рабы новые, еще не испорченные, не хитрые, изъ земли королевской, а не московской (ибо московское племя, какъ лживое и коварное, низко цѣнится на невольничьемъ рынкѣ).

Вообще этотъ товаръ оцѣнивается въ Тавридѣ весьма тщательно и за дорогую цѣну покупается иностранными купцами, которые потомъ перепродаютъ его народамъ болѣе отдаленнымъ и дикимъ: сарацинамъ, персамъ, индусамъ, арабамъ, сирійцамъ и ассирійцамъ. Всѣ они съ жадностью пріобрѣтаютъ плѣнницъ отсюда, на которыхъ послѣ женятся, впрочемъ безъ насилія и принужденія, но согласно правилу, предписанному свыше Господомъ въ книгѣ Второзаконія (гл. 21) [1]).

Такъ и теперь любимѣйшая жена турецкаго императора и мать его старшаго сына и наслѣдника была нѣкогда похищена въ нашей странѣ [2]); да и перекопскій ханъ Сахыбъ-Гирей рожденъ отъ христіанки и самъ нынѣ женатъ на христіанкѣ. Равно и всѣ министры этихъ тирановъ, ихъ евнухи, секретари и свѣдущіе люди, а также воины, особенно янычары [3]), которые съ дѣтства обучаются военному искусству и военной дисциплинѣ, и изъ числа которыхъ

---

[1]) „Аще же изыдеши на брань противу врагомъ твоимъ, и предастъ я Господь Богъ твой въ руцѣ твои, плѣниши плѣнъ отъ нихъ. И оузриши въ плѣнѣ жену добру обличіемъ, и возлюбиши ю, и поймеши ю себѣ въ жену. И введеши ю внутрь въ домъ твой, и да обріеши главу ея, и да обрѣжеши ногти ея. И да совлечеши ризы плѣнныя съ нея, и да сядетъ въ дому твоемъ, и да плачется отца своего и матере своея мѣсяцъ дней; и по семъ выйдеши къ ней, и совокупишися съ нею, и будетъ тебѣ жена“, (Стихъ 10—13).

[2]) Авторъ упоминаетъ о женѣ султана Сулеймана—Хурремъ, иначе называемой Роксоланою (т. е. русскою), имѣвшей большое вліяніе на мужа и его политику. Роксолана была похищена татарами въ городѣ Рогатинѣ, въ нынѣшней Галиціи, гдѣ отецъ ея былъ священникомъ (Петрушевичъ, Сводная лѣтопись, стр. 511; Смирновъ, Крымское ханство, стр. 425).

[3]) Ханъ Сахыбъ-Гирей завелъ на подобіе янычаръ милицію, набираемую изъ военно-плѣнныхъ рабовъ, называемую капы-кулу, предводители которой образовали корпорацію, имѣвшую большое вліяніе на политическія дѣла ханства (Смирновъ, ibid., стр. 414).

потомъ назначаются вожди и начальники, происходятъ изъ нашей христіанской крови.

Вслѣдствіе указанныхъ причинъ, при покупкѣ рабовъ не только осматриваютъ ихъ наружные члены и зубы, наблюдая, чтобы послѣдніе не были рѣдки или испорчены, но изслѣдуютъ и сокровеннѣйшія части тѣла. Если гдѣ либо окажется бородавка, наростъ, рубецъ или другаго рода скрытый порокъ или недостатокъ, то покупка возвращается продавцу обратно.

Несмотря на такую осмотрительность покупщиковъ, хитрымъ работорговцамъ и барышникамъ удается иногда обмануть ихъ поддѣльными приманками. Отборныхъ мальчиковъ и дѣвушекъ они не выводятъ на продажу просто, но предварительно хорошо откармливаютъ ихъ, одѣваютъ въ шелкъ, натираютъ косметиками и подкрашиваютъ пурпуромъ и сюрьмою, чтобы привлечь покупателей и получить большую цѣну. Иногда красивыя и цѣломудренныя дѣвицы продаются на вѣсъ золота. Красивыя рабыни тотчасъ послѣ покупки часто перепродаются за большую цѣну, лучше разукрашенныя ради барыша.

Торгъ невольниками производится во всѣхъ городахъ полуострова, преимущественно же въ Кафѣ. Случается тамъ, что цѣлыя толпы несчастныхъ закупленныхъ рабовъ гонятъ изъ рынка прямо на корабли, ибо городъ лежитъ у весьма удобной приморской гавани, и, вслѣдствіе своего положенія, можетъ быть названъ не городомъ, а скорѣе ненасытною и мерзкою пучиною, поглощающею нашу кровь.

Однажды, когда эти ссыльные остановились на берегу въ ожиданіи отправки на судно и увидѣли насъ среди зрителей, опечаленныхъ ихъ судьбою, тогда одинъ изъ нихъ, мой землякъ и знакомый, словно вызванный грустнымъ выраженіемъ лицъ нашихъ, сказалъ отъ имени всѣхъ, глядя на меня:

„Любезный братъ! нечего уже вамъ печалиться о насъ, увозимыхъ изгнанникахъ; хотя намъ предстоитъ путь горькій и печальный, хотя, оставивъ дорогую родную землю, мы отправляемся туда, откуда никогда уже не возвратимся, и чѣмъ дальше будемъ

увезены отъ границъ отечества, тѣмъ больше съ каждымъ днемъ будемъ тосковать по родинѣ, но намъ нужно съ твердостью переносить нашу неизбѣжную участь. При томъ насъ много товарищей вмѣстѣ, тѣ же, которые остаются здѣсь, въ Тавридѣ, подвергаются не лучшей участи: они покрыты клеймами, поколоты, лица ихъ обезображены; и дома не лучшій конецъ испытали наши близкіе, какъ это намъ хорошо извѣстно: мы видали, какъ ихъ убивали, обезглавливали, разбрасывали ихъ отрубленные члены и головы; жестокій врагъ ради гаданія бросалъ ихъ трепещущія сердца въ огонь, вырывалъ ихъ легкія и обнажалъ внутренности, собиралъ ихъ желчь для приготовленія мазей.

Для насъ, впрочемъ, было бы гораздо лучше, если бы такая жестокая участь постигла и насъ; претерпѣвъ ее сразу, мы бы пали у нашихъ родныхъ пепелищъ, тамъ, гдѣ витаютъ тѣни нашихъ отцовъ, не отторгнутые отъ обрядовъ нашей вѣры и отъ гробницъ нашихъ предковъ; мы были бы гораздо счастливѣе, чѣмъ теперь, если бы тѣла наши, хотя изуродованныя, были тамъ растерзаны и пожраны хищными звѣрями; но такъ какъ неумолимая судьба не дозволила намъ подвергнуться такой участи, сохранивъ насъ для болѣе продолжительныхъ бѣдствій, то мы должны подчиниться ей и не оставлять жизни безъ ея воли. Ваша горесть и сожалѣніе о нашей судьбѣ напрасны. Скорѣе мы должны опасаться за васъ, чтобы васъ не постигла та же участь, чтобы вамъ не пришлось также когда нибудь вступить на эти уносящіе насъ корабли; чтобы, наконецъ, весь нашъ народъ не исчезъ, теряя ежедневно все большее и большее количество своихъ членовъ. Этого серьезно слѣдуетъ опасаться, если вы будете упорно сохранять тѣ пагубные нравы, которые теперь неустанно ведутъ васъ къ гибели. Итакъ, если ты сохранилъ сколько нибудь любви къ отечеству, вѣрности къ государю, или по крайней мѣрѣ страха Господня, ты долженъ открыть государю и тѣмъ, къ кому это относится, всю силу угрожающей опасности, какъ ты уразумѣлъ ее теперь, увидѣвъ состояніе, въ которомъ находятся здѣсь наши люди. Ты долженъ это сдѣлать если не изъ другихъ побужденій, то ради преданности твоей вѣрѣ

и любви къ Богу, именемъ котораго заклинаемъ тебя мы, несчастные, только теперь оцѣнившіе по достоинству значеніе родины и свободы. Пусть дорогое отечество получитъ отъ насъ хоть это послѣднее доказательство преданности".

Сказавъ это и глубоко вздыхая, онъ былъ увлеченъ на корабль, куда входилъ его десятокъ, крѣпко скованный цѣпью; вскорѣ флотъ исчезъ въ морѣ, оставивъ намъ лишь сказанное завѣщаніе.

(Конецъ перваго отрывка).

Сокращеніе втораго отрывка.

Силы москвитянъ и татаръ значительно меньше литовскихъ, но они превосходятъ литовцевъ дѣятельностью, умѣренностью, воздержаніемъ, храбростью и другими добродѣтелями, составляющими основу государственной силы. Татарамъ добродѣтели эти приносятъ ту выгоду, что они пользуются множествомъ отнятаго у насъ имущества и задабриваются ежегодно подарками вашего величества, получая ихъ будто въ качествѣ друзей и союзниковъ, съ которыми и прежде литовцы заключали договоры; они привычны къ верховой ѣздѣ, ведутъ войны безъ обозовъ, владѣютъ множествомъ табунныхъ лошадей, но не имѣютъ укрѣпленныхъ городовъ. Москвитяне каждую весну получаютъ изъ татарской Ногайской орды много тысячъ лошадей, годныхъ для войны, въ обмѣнъ за одежду и другіе дешевые предметы. Намъ же ѳракійскіе турки присылаютъ за дорогую цѣну лошадей самой плохой породы, старыхъ, изнуренныхъ работою, страдающихъ внутренними болѣзнями, потому что законъ ихъ вмѣняетъ имъ въ преступленіе продавать христіанамъ здоровыхъ лошадей и оружіе. Предки наши довольствовались собственными лошадьми, выхоленными дома, но были всегда готовы къ походу, имѣя все оружіе въ исправности: копья, щиты, панцыри, а также мѣшки, наполненные мукою. Теперь же героини литовскія ѣдутъ въ храмъ или на балъ въ каретахъ, т. е. висячихъ экипажахъ, запряженныхъ шестерикомъ или восьмерикомъ лошадей, между тѣмъ какъ въ тоже время скиѳъ угоняетъ безнаказанно столько же

людей, связанныхъ ремнями; за то у татаръ, несмотря на обиліе коней, не дозволяется даже царицѣ запрягать лошадь въ повозку.

Турки и другіе сарацины, посѣщая по пяти разъ въ день храмы для молитвы, разуваются и обмываютъ холодною водою даже сокровенные свои члены, но они, равно какъ и татары, москвитяне, ливонцы и пруссаки, изъ бережливости носятъ подолгу одно и то же платье, между тѣмъ какъ мы стараемся имѣть одежды дорогія и разнообразныя.

Татары носятъ длинныя туники безъ складокъ и сборокъ, легкія и удобныя для верховой ѣзды и сраженій; колпаки у нихъ бѣлые, остроконечные, сдѣланы не для парада; во время битвы отъ ихъ высоты и блеска татары имѣютъ болѣе представительный и грозный для враговъ видъ, хотя и не имѣютъ обыкновенія надѣвать шлемы. Этотъ пріемъ усвоили себѣ и москвитяне—они дѣлаютъ шапки изъ войлока, сбитаго изъ овечьей шерсти, которыя стоютъ грошъ, часто моются и служатъ очень долго. Хотя москвитяне имѣютъ множество соболей и другихъ пушныхъ звѣрей, но обыкновенно сами дорогихъ соболей не носятъ—они отсылаютъ этотъ нѣжный мѣхъ изнѣженнымъ литовцамъ и получаютъ за него золото, а сами украшаютъ опушки своихъ войлочныхъ шапокъ золотыми бляшками и драгоцѣнными камнями, которыхъ не портятъ, подобно мѣхамъ, ни сырость, ни солнце, ни моль.

(Конецъ втораго отрывка).

Сокращеніе отрывка третьей книги.

(Москвитяне) до такой степени воздерживаются отъ употребленія пряностей, что даже при изготовленіи пасхальныхъ яствъ довольствуются слѣдующими приправами: грязноватою солью, горчицею, чеснокомъ, лукомъ и другими плодами собственной земли; такъ поступаютъ не только простолюдины, но и вельможи, даже самъ великій князь, отнявшій у насъ много крѣпостей, которыхъ онъ, величаясь, насчитываетъ семьдесятъ три. На царскихъ пирахъ ставятъ на столъ отдѣльно въ солонкахъ, среди золотыхъ сосудовъ

и туземныхъ блюдъ, немного неваренаго перцу, но къ нему никто не прикасается. Между тѣмъ литовцы питаются дорогими иноземными яствами и пьютъ разнообразныя вина, отчего происходятъ различныя болѣзни.

Подобно москвитянамъ, и татары, и турки, хотя владѣютъ областями, производящими вино, но сами его не пьютъ, а продаютъ христіанамъ, получая за него средства для веденія войны, такъ какъ они убѣждены, что исполняютъ волю Господню, если какимъ бы то ни было образомъ истребляютъ христіанскую кровь. Перекопскіе татары тоже избѣгаютъ употребленія пряностей и пьютъ только молоко и колодезную воду, которая, впрочемъ, на всемъ протяженіи таврической степи рѣдко встрѣчается безъ горькаго вкуса и еще рѣже чистая, развѣ только въ такомъ случаѣ, если она добыта на большой глубинѣ изъ нѣдръ земли.

И наши предки также избѣгали иноземныхъ яствъ и напитковъ; трезвые и воздержные, они полагали всю славу въ военномъ дѣлѣ, все удовольствіе въ оружіи, коняхъ, большомъ количествѣ слугъ и вообще во всемъ, что проявляло твердость и храбрость, необходимыя для успѣшнаго веденія войны. Они не только отражали нападенія сосѣднихъ народовъ, но раздвинули свои предѣлы отъ одного моря до другаго и враги называли ихъ „Храбрая Литва“ [1]). Теперь же въ городахъ литовскихъ самые многочисленные заводы — это бровары и винницы. Литовцы возятъ съ собою пиво и водку и въ военные походы и даже тогда, когда съѣзжаются, чтобы присутствовать при богослуженіи. Они такъ привыкаютъ къ этимъ напиткамъ дома, что если во время похода случится пить воду, они, вслѣдствіе непривычки, гибнутъ отъ поноса и диссентеріи. Крестьяне, не радѣя о земледѣліи, собираются въ корчмахъ, пьянствуютъ тамъ день и ночь, забавляясь пляскою ученыхъ медвѣдей подъ звуки волынки. Растративъ такимъ образомъ свои средства, они испытываютъ голодъ и затѣмъ обращаются къ воровству и разбою. Это случается такъ часто, что въ каждой литовской области въ

[1] Въ текстѣ: Chrobra Litwa, id est ferox Lituania.

теченіи мѣсяца подвергается смертной казни за названныя преступленія болѣе людей, чѣмъ въ сто или двѣсти лѣтъ въ областяхъ Московіи и Татаріи, въ которыхъ воспрещено пьянство. Дѣйствительно, у татаръ всякій, кто только отвѣдаетъ вина, подвергается наказанію 80-ю палочными ударами и штрафу въ 80 монетъ. Въ Московіи же нигдѣ нѣтъ кабаковъ и если у любаго домовладѣльца найдутъ хоть каплю горячаго напитка, жилище его разоряютъ, имущество конфискуютъ, домашнихъ и даже сосѣдей подвергаютъ тѣлесному наказанію, а самого хозяина пожизненно заключаютъ въ тюрьму [1]); съ сосѣдями поступаютъ такъ жестоко потому, что считаютъ ихъ знающими о мерзкомъ преступленіи и потому какъ бы зараженными его язвою. Между тѣмъ какъ наши люди подвергаются гибели не отъ начальства, а отъ невоздержанія и отъ схватокъ возникающихъ во время пьянства. День у насъ начинается питьемъ водки; еще лежа въ кровати, кричатъ: „вина, вина!“ и затѣмъ пьютъ этотъ ядъ мужчины, женщины и юноши на улицахъ, на площадяхъ, даже на дорогахъ; омраченные напиткомъ, они не способны ни къ какому занятію и могутъ только спать; при томъ, кто разъ привыкъ къ этому излишеству, въ томъ страсть къ пьянству постоянно возрастаетъ. Ни іудеи, ни сарацины не допускаютъ кого-либо изъ своего народа къ гибели отъ нищеты, такъ сильна въ ихъ средѣ любовь къ ближнему. Ни одинъ сарацинъ не смѣетъ отвѣдать куска пищи, не раздробивъ ее предварительно и не смѣшавъ, для того, чтобы каждому изъ присутствующихъ досталась пища въ равномъ количествѣ.

Такъ какъ москвитяне воздерживаются отъ пьянства, то города ихъ славятся ремесленниками, прилежно изготовляющими различныя, издѣлія; они снабжаютъ насъ деревянными чашками и посохами, служащими для опоры немощнымъ старикамъ и пьянымъ, также сѣдлами, саблями, конскою сбруею и разнаго рода оружіемъ, получая за эти предметы наше золото.

---

[1]) Очевидно, авторъ ошибается и строгія фискальныя мѣры, принимавшіяся для пресѣченія незаконнаго корчемства, считаетъ мѣрами, направленными противъ употребленія горячихъ напитковъ.

Прежде москвитяне находились въ такомъ рабствѣ у заволжскихъ татаръ, что, кромѣ другихъ признаковъ покорности, князь ихъ долженъ былъ выходить за городъ на встрѣчу каждому посланнику хана и сборщику податей, ежегодно пріѣзжавшему въ Москву, и пѣшій провожалъ его во дворецъ, держа въ рукахъ поводъ его лошади. Посолъ садился на княжескій столъ, а князь, преклонивъ колѣна, выслушивалъ посольство. Поэтому ханы заволжскіе и происшедшіе отъ нихъ перекопскіе понынѣ называютъ московскаго князя своимъ холопомъ [1]). Но теперь они не имѣютъ на это основанія, такъ какъ в. к. Іоаннъ, дѣдъ нынѣ царствующаго Іоанна Васильевича, освободилъ себя и свой народъ отъ ихъ тираніи, послѣ того какъ обратилъ народъ къ трезвости, повсемѣстно воспретивъ кабаки.— Сверхъ того онъ распространилъ свои владѣнія, подчинивъ себѣ Рязань, Тверь, Суздаль, Волокъ [2]) и другіе сосѣдніе удѣлы. Онъ же отнялъ и присоединилъ къ своимъ наслѣдственнымъ владѣніямъ литовскія провинціи: Новгородъ, Псковъ, Сѣверщину и другія въ то время, когда Казиміръ, король польскій и великій князь литовскій, военалъ въ Пруссіи съ крестоносцами, защищая границы своего королевства, а народъ нашъ погрузился въ роскошь. Этотъ великій князь причтенъ своими къ числу святыхъ подвижниковъ, какъ монархъ, освободившій и расширившій свое отечество. Столицу свою онъ украсилъ крѣпостью, выстроенною изъ кирпича, а свой дворецъ каменными изваяніями, подобными Фидіевымъ, и позолотилъ въ немъ нѣкоторые куполы часовень. Подобно ему и его сынъ, Василій, соблюдая трезвость и строгую дисциплину нравовъ, присоединилъ къ своему наслѣдству укрѣпленный городъ Смоленскъ, отнятый у насъ 31 іюля 1514 г. коварствомъ Михаила Глинскаго.— Послѣ того онъ увеличилъ свою столицу Москву, построивъ близъ нея слободу Налевки трудами нашихъ наемныхъ солдатъ, и далъ ей имя, которое должно служить укоромъ для нашего народа, склон-

[1]) Въ текстѣ: „appellant suom cholop, id est rusticum".

[2]) Въ текстѣ „Volodow"; мы полагаемъ, что авторъ имѣлъ въ виду волоколамскій удѣлъ, котораго князь, Борисъ Васильевичъ, отрекся отъ наслѣдства въ пользу брата.

наго къ пьянству,—имя заимствованное отъ слова „налей“, что значитъ „infunde“ [1]).—Точно также сынъ его, нынѣ царствующій, хотя уступилъ намъ одну крѣпость, за то выстроилъ въ нашихъ предѣлахъ три крѣпости: Себежъ, Велижъ и Заволочье. Татарамъ, рабомъ которыхъ онъ былъ нѣкогда, теперь ни въ чемъ не уступаетъ, потому что заботится о трезвости своего народа; онъ отстаиваетъ свободу не мягкими тканями и не блестящимъ золотомъ, а желѣзомъ; своихъ подданныхъ онъ держитъ всегда вооруженными и постоянно снабжаетъ крѣпости гарнизонами; онъ не выпрашиваетъ мира, но, подражая нашему герою Витовту, отражаетъ силу силою, искусство искусствомъ, воздержанію и трезвости татаръ противупоставляетъ воздержаніе и трезвость своего народа.

Сокращеніе четвертаго отрывка.

Правосудіе также у татаръ выше, чѣмъ у насъ, ибо они всякому немедленно возвращаютъ все, что ему принадлежитъ, между тѣмъ какъ у насъ судья получаетъ десятую часть стоимости иска истца, ни въ чемъ неповиннаго; эту плату судьѣ, называемую „пересудъ“, должно вносить немедленно на судѣ. Если же тяжба ведется хотя бы за малѣйшій клочекъ поземельной собственности, то платятъ судьѣ не десятую часть, а сто грошей (стоимостью въ $2^1/_2$ нѣмецкихъ крейцеровъ каждый), хотя бы спорная земля стоила меньше этой суммы; если же стоимость ея больше, такъ что десятина превышаетъ сто грошей, то судья дополучаетъ эту десятину.

Въ дѣлахъ за личныя оскорбленія и всякаго рода насилія, хотя бы даже вымышленныя, судья получаетъ съ подсудимаго такую

---

[1]) Подобный разсказъ, хотя съ нѣсколько инымъ объясненіемъ, мы встрѣчаемъ у Герберштейна (Rerum moscoviticarum commentarii); при описаніи города Москвы, здѣсь сказано: „Недалеко отъ города за рѣкою показываютъ слободу, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ князь Василій выстроилъ для своихъ тѣлохранителей новый городъ Nali, что на ихъ языкѣ значитъ „infunde“, потому что только имъ однимъ дана отъ князя воля пить, тогда какъ прочимъ русскимъ запрещено пить медъ и пиво, исключая немногихъ дней въ году; по этой причинѣ они удалены отъ сообщенія съ остальными, для того чтобы не соблазняли ихъ, живя вмѣстѣ“.

же сумму въ качествѣ штрафа, какую присудитъ въ вознагражденіе потерпѣвшему; поэтому, заботясь объ увеличеніи своего имущества, онъ покровительствуетъ даже явной клеветѣ и за незначительное оскорбленіе присуждаетъ въ пользу мужчинъ по 20 копъ грошей, въ пользу женщинъ по 40 копъ, а за вещественные убытки, какіе бы ни показалъ клеветникъ, подкрѣпивъ обвиненіе ложною присягою,—сотни и тысячи копъ грошей, хотя бы все имущество истца не стоило и одной копы. Наказаніе за убійство назначается не по божественному закону, предписывающему взымать кровь за кровь, а замѣняется денежною пенею, разумѣется съ десятиною въ пользу судьи. Вслѣдствіе этого нерѣдко случаются даже отцеубійства. Если добросердечный истецъ, выигравши дѣло, смягчится просьбою отвѣтчика, и проститъ его, то судья все таки взыщетъ деньги: съ одного штрафъ, съ другаго десятину.

Судья беретъ десятину также за утвержденіе сдѣлокъ и договоровъ. Въ дѣлахъ же уголовныхъ онъ получаетъ не десятую долю, а все, что будетъ захвачено у кого либо воровское или отнятое у разбойника; этотъ доходъ его называется „лицо“. Если же воръ или его обличитель должны будутъ перенести украденную вещь къ другому судьѣ, то первый получаетъ сумму, равную ея стоимости, такъ что у насъ отыскивающій украденную вещь принужденъ истратить въ пользу чиновниковъ больше, чѣмъ она стоитъ. Въ виду этого многіе не осмѣливаются заводить тяжбы, когда у нихъ воровски или насиліемъ угоняютъ рабочій скотъ Воръ, пойманный даже во время совершенія преступленія, не подлежитъ суду той мѣстности, въ которой совершилъ преступленіе или былъ пойманъ, но послѣ многихъ изворотовъ отводится для суда къ своему господину, въ домъ котораго онъ нерѣдко носилъ краденое; вслѣдствіе этого кражи совершаются безнаказанно. У сосѣдей нашихъ татаръ и москвитянъ, право суда надъ подданными вельможъ и дворянъ въ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ принадлежитъ не частному лицу, а государственному чиновнику, человѣку трезвому и живущему на глазахъ у всѣхъ; между тѣмъ какъ наши производятъ судъ каждый въ одиночку, въ пьяномъ видѣ, и удаливъ посредниковъ и свидѣ-

телей; такимъ образомъ они могутъ дѣлать все, что имъ угодно. Кромѣ пени за преступленія, предсѣдатель суда получаетъ у насъ 12 грошей за каждую скотину, которую кто либо приведетъ въ конюшню присутственнаго мѣста, объявивши ее пригульною; такую же плату получаетъ съ каждаго человѣка, заключеннаго, хотя бы и безвинно, въ тюрьму, утверждая, что эта плата слѣдуетъ ему по закону, за право пользованія государственною конюшнею и темницею. Точно также и слуга судьи, исполнитель его приговоровъ, получаетъ десятую часть стоимости иска даже тогда, когда нѣтъ нужды въ судебномъ разбирательствѣ; онъ взимаетъ десятую часть уплачиваемаго долга, представляемаго для уплаты въ судъ, хотя бы дѣло было совершенно чисто и безспорно. Судебный писарь получаетъ также десятину за составленіе рѣшенія и сверхъ того требуетъ вознагражденія за всякое свое дѣйствіе: такъ, онъ взимаетъ по 4 гроша только за приложеніе печати къ позву, хотя бы весь искъ не превышалъ стоимостью одного гроша. Для того, чтобы увеличить судебныя издержки, требуются по каждому дѣлу два позва, снабженные печатями и подписью писаря; если же тотъ занятъ другими дѣлами, то случается часто, что обвиняемый успѣваетъ скрыться до полученія позва, такъ какъ для него естественно искать спасенія въ бѣгствѣ. Другой чиновникъ, подчиненный судьѣ,—„вижъ“, обязанность котораго состоитъ въ объявленіи обвиняемому срока суда, получаетъ даже по самому маловажному дѣлу 40 грошей, если онъ служитъ при воеводѣ, 30 при подвоеводіи и 100, если онъ вижъ королевскій, или выдаетъ себя за таковаго. Третій чиновникъ, называемый „дѣтскій“, который призываетъ позвомъ обвиняемаго и приводитъ его въ судъ, получаетъ отъ 100 до 50 или по меньшей мѣрѣ 30 грошей. Въ свою очередь столько же взыскиваетъ судебный служитель, который во время тяжбы отряжается для призыва или опроса свидѣтелей, для осмотра поля или луга, истоптаннаго или потравленнаго чужимъ скотомъ или инаго менѣе важнаго убытка. Если бѣдный человѣкъ не имѣетъ потребнаго для этихъ расходовъ количества денегъ, то у него грабятъ скотъ. Не менѣе стѣснительно то обстоятельство, что если бѣдному человѣку

необходимо позвать на судъ вельможу, то онъ ни за какую плату не можетъ найти себѣ повѣреннаго. Еще болѣе несправедливо то, что если у меня есть болѣе знатный сосѣдъ, хотя бы владѣющій частью общаго со мною села, то онъ подсуденъ другому вѣдомству и вчать съ нимъ тяжбу гораздо труднѣе, чѣмъ со мною. Право пользоваться апелляціею у насъ отнято посредствомъ наложенія громаднаго штрафа, установленнаго въ литовскомъ статутѣ (глава VI, параграфъ 1) [1]). — Въ тяжбахъ съ вельможами не допускаются поручительства, которыя служатъ оружіемъ и какъ бы щитомъ, назначеннымъ для охраненія бѣдныхъ. Къ тому же всякій допускается въ свидѣтели во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ межевыхъ, и всякому вполнѣ довѣряютъ безъ присяги; поэтому многіе возвели лжесвидѣтельство въ промыселъ, изъ котораго живутъ. Мы не имѣемъ общественныхъ книгъ или актовъ для записи въ нихъ купчихъ крѣпостей и онѣ совершаются въ видѣ частныхъ документовъ. Обвиняемый, хотя бы онъ явно похитилъ чужую собственность или совершилъ насиліе, привлекается къ суду не раньше, какъ по истеченіи мѣсячнаго срока со времени выдачи позва. Если у меня похитятъ скотину, стоимостью въ 50 или 100 грошей во время самыхъ спѣшныхъ полевыхъ работъ, то я не могу привлечь къ суду похитителя прежде, чѣмъ заплачу составителю позва и его служителю полную стоимость похищенной скотины, хотя впослѣдствіи мнѣ не только не уплатятъ моихъ издержекъ, но и обвиняемаго въ похищеніи не дозволятъ привлечь къ суду раньше, какъ по истеченіи мѣсяца. Такимъ образомъ пострадавшій или отказывается отъ всего въ пользу грабителя, или старается взыскать съ него свой убытокъ силою или обманомъ. — Во время изданія литовскихъ законовъ быкъ стоилъ 50 грошей, корова 30, но теперь эти цѣны значительно повысились.

[1]) Въ первой редакціи литовскаго статута, на которую авторъ ссылается въ указанномъ параграфѣ, сказано, что всякій, недовольный приговоромъ суда, можетъ перенести дѣло по апелляціи въ высшую инстанцію, т. е. отъ судьи къ воеводѣ и отъ воеводы къ сейму; но если апелляція окажется несостоятельною, то принесшій ее подвергается штрафу въ 12 копъ грошей. По разсчету Чацкаго, копа грошей въ половинѣ XVI столѣтія равнялась стоимости 19 золотыхъ, т. е. за несостоявшуюся апелляцію взыскивается штрафъ въ 228 золотыхъ.

Въ другихъ областяхъ, принадлежащихъ польскому королю, ни обвиняемый не пользуется такими проволочками, ни позовъ не сопряженъ съ такими издержками: судебному служителю за призывъ обвиняемаго въ судъ платится только полъ гроша, а королевская позовная грамота имѣетъ силу безъ подписи писаря и потому стоитъ не такъ дорого; даже по распоряженію короля Сигизмунда, помѣщенному въ польскомъ Петрковскомъ статутѣ 1511 года, позвы приказано выдавать даромъ [1]). Точно также и судья, даже при самомъ крупномъ искѣ, получаетъ не десятую долю, а довольствуется двумя или самое большее четырьмя грошами низшаго достоинства, которые стоятъ 8 крейцеровъ нѣмецкихъ. Между тѣмъ какъ у насъ, благодаря обычаю взыскивать по три раза двойныя десятины со стоимости спорной вещи, судья становится судьею собственнаго дѣла и, словно пойманный на удочку этою приманкою, всегда стремится къ осужденію даже въ тѣхъ случаяхъ, когда юридическія основанія сторонъ не ясны. Даже законы язычниковъ запрещаютъ торговать правосудіемъ, у насъ же обычай этотъ развился недавно, благодаря безнравственной привычкѣ вельможъ примѣнять законы къ своимъ выгодамъ; по ихъ толкованію никто не долженъ владѣть такимъ имуществомъ, которое не приносило бы пользы чиновникамъ.—Такъ напримѣръ, если кто либо враждующій со мною, или желающій доставить выгоду судьѣ, похититъ мои деньги или откажется возвратить занятую или отданную ему на сохраненіе сумму, или захватитъ мою землю, я не буду имѣть возможности возвратить всего этого, пока не уплачу сперва судьѣ и его подчиненнымъ различныхъ десятинъ и другихъ значительныхъ поборовъ, на уплату которыхъ я истрачу вскорѣ всѣ свои средства, если этотъ искренній другъ судьи продѣлаетъ со мною то же вторично. Если лицо, подосланное судьею, возьметъ у меня золото, серебро или другія

[1]) Въ постановленіяхъ Петрковскаго сейма 1511 г., въ параграфѣ подъ заглавіемъ: „Taxa literarum cancellariae nostrae Regiae“ сказано: „Для того, чтобы подданные наши не подвергались несправедливымъ притѣсненіямъ писарей въ нашей канцеляріи, постановляемъ, чтобы впредь позвы выдавались безплатно.“—Volumina legum, т. I, стр. 170.

цѣнныя вещи и возникнетъ дѣло о воровствѣ или насиліи, то всѣ эти вещи будутъ захвачены и окажутся въ рукахъ судьи. Вотъ, свѣтлѣйшій монархъ, каково правосудіе въ твоемъ наслѣдственномъ государствѣ, вотъ какъ обезпечена священнымъ закономъ собственность гражданъ! Хотя изъ числа вельможъ два воеводы, помѣщенные не вдалекѣ другъ отъ друга [1]), завѣдываютъ высшимъ судомъ въ цѣлой Литвѣ, но они не въ состояніи разсмотрѣть всѣхъ тяжбъ многочисленнаго населенія столь обширныхъ областей, тѣмъ болѣе, что на нихъ возложены другія государственныя заботы, какъ это видно изъ самаго ихъ титула „воевода", т. е. военачальникъ. Обремененные многочисленными общественными и частными обязанностями они только въ праздничные дни т. е. тогда, когда менѣе заняты другими дѣлами, могутъ разсматривать тяжбы. Весьма важныя неудобства представляетъ и то обстоятельство, что они не имѣютъ опредѣленнаго мѣста судебныхъ засѣданій. Нерѣдко обиженные за 50 миль приходятъ искать правосудія и несчастные люди эти принуждены отъ предѣловъ Жмуди и Ливоніи до границъ Мазовіи или Московіи странствовать въ погонѣ за своимъ законнымъ судьею. Притомъ мы имѣемъ ежегодно 40 дней, посвященныхъ воспоминанію страстей Господнихъ, посту и молитвѣ, которые мы проводимъ, ревностно преслѣдуя наши тяжебныя дѣла.

Упомянутые воеводы имѣютъ намѣстниковъ, которые, заботясь о тѣлесномъ своемъ благосостояніи, обыкновенно творятъ судъ среди шума пиршествъ; они мало свѣдущи въ судопроизводствѣ, но очень исправно взимаютъ свой „пересудъ".

Москвитяне хвалятся, что заимствовали у насъ Витовтовы законы, которые мы сами теперь оставили. У татаръ же они заимствовали оружіе, одежду и обычай отправляться въ военные походы безъ обозовъ, нагруженныхъ иноземными яствами и напитками [2]).

---

[1]) Авторъ имѣетъ въ виду воеводъ: виленскаго и троцкаго.

[2]). Въ концѣ четвертаго отрывка и въ началѣ пятаго особенно рѣзко замѣчается несвязность и отрывочность разсказа. Рядомъ стоятъ фразы, совершенно не связанныя между собою содержаніемъ и трактующія о различныхъ предметахъ Непослѣдовательность эта противорѣчитъ весьма связному способу изложенія и

Сокращеніе пятаго отрывка.

Москвитяне, разгнѣвавшись на кого либо изъ своихъ, проклинаютъ его пожеланіемъ, чтобы онъ обратился въ римскую или польскую вѣру—до того вѣра эта имъ ненавистна.

Къ несчастью, мы не имѣемъ школъ для преподаванія наукъ. Мы изучаемъ московскіе письменные памятники, которые и не древни, и не заключаютъ въ себѣ ничего такого, что побуждало бы къ доблести; русское нарѣчіе чуждо намъ литовцамъ, т. е. итальянцамъ, ибо мы происходимъ отъ итальянской крови.

Итальянское происхожденіе наше явствуетъ какъ изъ характера нашего языка—полулатинскаго, такъ и изъ существованія у насъ древнихъ римскихъ обычаевъ, которые не такъ давно вышли изъ употребленія, таковы были обычаи: сожиганіе покойниковъ, гаданіе, ворожба и другіе предразсудки, сохранившіеся понынѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, въ особенности культъ Эскулапа, который почитается подъ видомъ змѣи, подобно тому какъ почитался въ Римѣ, куда онъ переселился изъ Эпидавра въ образѣ змѣи. Почитаются также священные пенаты, души предковъ, домашнія божества, привидѣнія, также горы, пещеры, озера и рощи.—Но водою крещенія совершенно потушенъ вѣчный огонь, который поддерживался по обычаю римлянъ и евреевъ для сожиганія жертвъ.—Въ литовскомъ языкѣ слово огонь (ugnis) почти тождественно съ латинскимъ (ignis), но сверхъ того есть много словъ общихъ въ обоихъ языкахъ [1]).

логической послѣдовательности мысли въ другихъ отрывкахъ разсказа Михайла Литвина; произошла она вѣроятно вслѣдствіи небрежности пріемовъ Грассера, который, сокращая текстъ подлинника, по временамъ выбиралъ фразы чисто механически, не заботясь о сохраненіи связности разсказа.

[1]) Въ доказательство близкаго родства латинскаго языка съ литовскимъ авторъ приводитъ 74 латинскія слова, утверждая, что они точно также звучатъ и въ литовскомъ языкѣ. Дѣйствительно, большинство этихъ словъ ясно происходитъ въ обоихъ языкахъ отъ общаго корня. Только 8 или 9 изъ числа ихъ въ нынѣшнемъ литовскомъ языкѣ совсѣмъ не сходны съ латинскими, но можетъ быть употребляемыя нынѣ слова принадлежатъ къ числу такихъ, которыя образовались или вошли въ употребленіе позже, вытѣснивъ слова, существовавшія еще въ XVI ст. Впрочемъ авторъ, желая нагляднѣе доказать близкое родство двухъ сличаемыхъ языковъ прибѣгаетъ во многихъ случаяхъ къ такому пріему, что цитируетъ латинскія слова

Наши предки, граждане и воины римскіе, пришли въ эти страны, посланные изъ Рима въ колоніи для защиты границъ отъ скиѳскихъ племенъ; или, какъ утверждаетъ другое болѣе достовѣрное мнѣніе, они были занесены сюда морскою бурею во время Юлія Цезаря. Дѣйствительно, по словамъ Люція Флора, когда Юлій Цезарь побѣдилъ германцевъ въ Галліи и потомъ, подчинивъ себѣ ближайшую часть Германіи и переправившись черезъ Рейнъ, направился черезъ Океанъ въ Британію, то переправа его была не вполнѣ удачна и флотъ его былъ разсѣянъ бурею. Тогда, именно, какъ полагаютъ, корабли нашихъ предковъ были принесены волнами

не въ простыхъ, а въ производныхъ формахъ: въ косвенныхъ падежахъ именъ существительныхъ, въ причастныхъ отглагольныхъ формахъ, въ повелительномъ наклоненіи и т. п.—Для повѣрки данныхъ, сообщаемыхъ авторомъ, мы приводимъ названныя имъ латинскія слова вмѣстѣ съ соотвѣтственными имъ словами современнаго литовскаго языка; послѣднія были намъ обязательно сообщены Р. Ю. Готшалькомъ, частью же заимствованы изъ словаря Куршата (Friedrich Kurschat—Wörterbuch der Littauischen Sprache. Halle 1870).

Латинскія (по М. Литв.).	Литовскія.	
ignis. . . .	ugnis. . . .	огонь.
unda. . . .	wandu. . .	вода.
aër.	oras	воздухъ.
sol.	saule. . . .	солнце.
mensis . . .	menu. . . .	мѣсяцъ; въ діалектахъ областныхъ menesis (Р.Ю.Г.)
dies	diena. . . .	день.
ros.	rasa	роса.
aurora. . .	auszara. . .	заря.
deus. . . .	diewas. . .	богъ.
vir.	vyras. . . .	мужъ.
tu.	tu.	ты.
tuus. . . .	tavas. . . .	твой.
meus. . . .	manas . . .	мой
suus. . . .	savas. . . .	свой.
levis. . . .	lenguas. .	легкій
vivus. . . .	gyvas . . .	живой
juvenis. . .	jaunas . . .	юный.
vetustus . .	vetustis. . .	древній (Р. Ю. Г.)

Латинскія (по М. Литв.).	Литовскія.	
oculus . . .	akis	глазъ.
auris. . . .	ausis. . . .	ухо.
nasus. . . .	nosis. . . .	носъ.
semen . . .	sekla. . . .	сѣмя; впрочемъ льняное сѣмя называется linsemenien, или просто semenys.
linum . . .	linaï. . . .	ленъ.
cannabum. .	kanape. . .	конопля.
avena . . .	avizos . . .	овесъ.
ovis	awis. . . .	овца.
ansa(рукоять)	ausis. . . .	ушко.
axis	aczis. . . .	ось.
rota	ratas. . . .	колесо
jugum . . .	jungas. . .	ярмо.
pondus. . .	svaras . . .	вѣсъ; есть названіе единицы вѣса въ 20 фунт. pundelis. Р. Ю. Г.

къ тому берегу, гдѣ нынѣ находится жмудскій замокъ Плотели [1]) и здѣсь они высадились на сушу. Да и въ наше время къ тому же берегу приставали какіе то заморскіе корабли [2]). Здѣсь наши

collis. . . .	kelis. . . .	тропинка.
cur.	kur (значитъ по литовски гдѣ?). . . .	
lens	lensze . . .	чечевица.
anguis . . .	angis. . . .	змѣя
corbis. . . .	kurbas. . .	корзина.
primus. . .	pirmas . .	первый.
unus. . . .	wienas. . .	одинъ.
duo	du.	два.
tres.	tris.	три.
quatuor. . .	keturi . . .	четыре.
quinque . .	penkù . . .	пять.
sex.	szeszi. . . .	шесть.
septem. . .	septini . . .	семь.
noctis. . . .	noktis (им. п.)	ночь.
senis. . . .	senis(им.пад.).	старый.
dentes . . .	dantis(единст. ч.) dantu (мн. число). . .	зубъ.
gentes . . .	gentes . . . (Р. Ю. Г.)	народы.
sta.	stok (отъ stoweti). . . .	стой.
sede. . . .	sediek (отъ sedeti). . . .	сядь.
verte. . . .	versk (отъ wersti) . .	переверни,тоже въ производныхъ inverte и perverte.
aratum. . .	arti.	пахать.
occatum . .	aketi. . . .	боронить.
satum . . .	seti.	сѣять.

Съ приведенными латинскими формами средняго рода причастій прошедшаго времени представляютъ сходство литовскія формы настоящаго времени сослагательнаго наклоненія, (2-е лицо): artum; aketum, setum. (Р. Ю. Г.)

tractus. . . trauktas—прич. прош. врем. отъ traukti—влечь.

merctus. . . merktas—тоже отъ—merkiti погружать.

sutus. . . . sintas. . . . siuti—шить.

versus.. . . versas . . . versti—опрокинуть.

то же сходство въ причастіяхъ сложныхъ глаголовъ приведенныхъ Михайломъ Литвиномъ.

intractus, pertractus, extractus, immerctus, insutus, inversus, perversus.

culeus—мѣшокъ, въ современномъ литовскомъ языкѣ zakas, но въ значеніи кошелекъ употребляется слово—kulicas (Курш.).

tenuis—тонкій, въ современномъ литовскомъ языкѣ—plonas; но слово tankus осталось въ значеніи—густой (Р. Ю. Г.).

levir—деверь; во время Мих. Литвина у литовцевъ было слово devir, нынѣ же оно замѣнено словомъ swainis (Курш.)

nepos—внукъ—въ современномъ литов. языкѣ dukters.		
neptis—внучка		dukte.
pecus—скотъ		galurjei.
nunc—теперь.		dabar.

[1]) Плотеле—мѣстечко ковенской губерніи тельшевскаго уѣзда, на берегу озера того же имени; оно лежитъ верстахъ въ 50-ти отъ моря; на одномъ изъ острововъ на этомъ озерѣ существовалъ древній замокъ, который уже въ 1585 году по словамъ люстраціи, лежалъ въ развалинахъ. (Słownik geograficzny królewstwa polskiego. т. VIII, стр. 321).

[2]) Въ XVI столѣтіи среди польскихъ и литовскихъ писателей прочно установилось мнѣніе о томъ, что литовцы произошли отъ римлянъ, будто переселив-

предки, наскучивъ морскими трудами и опасностями и обременённые множествомъ плѣнныхъ мужескаго и женскаго пола, поселились по военному обычаю, понынѣ сохранившемуся у жмуди, въ шалашахъ у очаговъ. Затѣмъ подвигаясь дальше, они подчинили себѣ сосѣдніе народы: ятвяговъ, а за ними роксолановъ или рутеновъ, которые, наравнѣ съ москвитянами, подчинялись тогда власти заволжскихъ татаръ; чиновники послѣднихъ, называемые баскаками, управляли русскими замками. Отсюда они были изгнаны нашими предками италами, которые впослѣдствіи стали называться литалами и, наконецъ, литуанами, т. е. литовцами. Благодаря врожденной своей храбрости, они освободили русскія племена, области и замки отъ ига татаръ и ихъ баскаковъ и расширили свои владѣнія отъ жмудскаго моря, называемаго Балтійскимъ, до Понта Евксинскаго и устья Борисѳена, а также до границъ другой римской колоніи—Валахіи; они заняли Волынь, Подоліе, земли кіевскую и сѣверскую и степи до предѣловъ Тавриды и до Тованской переправы на Днѣпрѣ; къ

шихся на жмудское Поморье. Особенно настойчиво проводятъ эту гипотезу, въ первой половинѣ XVI ст. Михайло Литвинъ и безъименный авторъ лѣтописи такъ называемой Быховца. Оба они, повидимому, заимствовали гипотезу отъ Длугоша, который основывалъ свое предположеніе на нѣкоторомъ родствѣ языковъ латинскаго и литовскаго, на сходствѣ нѣкоторыхъ религіозныхъ вѣрованій и обрядовъ. (Зевсъ громовержецъ и Перкунасъ, Эскуланъ и почитаніе змѣй литовцами, существованіе священныхъ рощъ, сожиганіе мертвыхъ и т. п.), на сближеніи названій: Roma и Romowe (главное литовское святилище), Itali, Litali и Lituani и т. д.—(Ioannis Dlugossi. Historiae polonicae libri XII; книга II подъ 997 годомъ и книга X подъ 1387 г.)—Заимствуя гипотезу у Длугоша и стараясь подкрѣпить ее новыми доказательствами, его литовскіе послѣдователи не вполнѣ согласны съ нимъ относительно времени и обстоятельствъ, при которыхъ римская колонія переселилась изъ Италіи въ Литву; Длугошъ высказываетъ предположеніе, что часть римлянъ или вообще латинцевъ бѣжала въ Литву вслѣдствіе междоусобныхъ войнъ Суллы и Марія или Помпея и Цезаря. Михайло Литвинъ старается точнѣе обозначить время и весьма опредѣленно указываетъ на часть флота Юлія Цезаря, будто унесенную бурею отъ береговъ Британіи въ Балтійское море, между тѣмъ какъ составитель лѣтописи Быховца относитъ выселеніе римской колоніи изъ Италіи въ Литву къ тому времени, когда была основана Венеція, т. е. ко времени разоренія сѣверной Италіи нашествіемъ гунновъ. Считаемъ излишнимъ останавливаться на анахронизмахъ Михайла Литвина, по словамъ котораго римскіе колонисты, попавшіе будто въ Литву при Юліи Цезарѣ, застали этотъ край во власти золотоордынскихъ баскаковъ и т. п. неточностяхъ.

сѣверу они заняли Вязьму, Дорогобужъ, Бѣлую, Торопецъ, Луки, Псковъ, Новгородъ и вообще всѣ провинціи и замки, лежащіе по сю сторону крѣпости Можайска, ближайшей къ московской столицѣ. Разширивши такимъ образомъ свои владѣнія, благодаря своей храбрости, они получили для своего князя Миндовга, принявшаго святое крещеніе, королевскій титулъ и корону. По смерти этого короля, и королевскій титулъ, и христіанство были оставлены, пока снова сосѣдній съ нами христіанскій польскій народъ не пригласилъ въ 1380 году царствовавшаго здѣсь благополучно блаженной памяти прадѣда вашего величества, Владислава, называемаго по литовски Ягайломъ, возвратиться къ христіанству и принять королевское достоинство для того, чтобы совокупная доблесть двухъ сосѣднихъ народовъ, стала еще крѣпче въ борьбѣ съ общимъ врагомъ христіанскаго имени.

Въ нашу страну началъ стекаться изъ другихъ областей самый скверный изъ всѣхъ народовъ—іудеи, уже сильно размножившійся во всѣхъ городахъ Волыни, Подолія и другихъ плодородныхъ областей; это народъ вѣроломный, хитрый, склонный къ клеветѣ, онъ поддѣлываетъ у насъ товары, монету, документы и печати, на всѣхъ рынкахъ отымаетъ у христіанъ средства къ жизни, занимается исключительно обманомъ и клеветою. Это самый скверный народъ халдейскаго племени, по свидѣтельству священнаго писанія, онъ развратенъ, грѣховенъ, вѣроломенъ, негоденъ и коваренъ.

Сокращеніе шестаго отрывка.

Татары превосходятъ насъ не только воздержаніемъ и благоразуміемъ, но и любовью къ ближнему. Въ сношеніяхъ между собою они сохраняютъ сознаніе солидарности и взаимно помогаютъ другъ другу. Они справедливо поступаютъ съ рабами, хотя эти послѣдніе бываютъ у нихъ всегда иноземцы, пріобрѣтенные путемъ войны или покупки, и не удерживаютъ ихъ въ рабствѣ долѣе семи

лѣтъ, согласно предписанію библіи (Исходъ, глава 21)[1]). А мы держимъ въ безсрочномъ рабствѣ людей, добытыхъ не на войнѣ и не куплею, не иноземцевъ, но людей одной съ нами народности и вѣроисповѣданія, закабаленныхъ вслѣдствіе сиротства, нищеты, или брака съ рабынею. Мы злоупотребляемъ нашею властью надъ ними: мучимъ ихъ, уродуемъ, убиваемъ безъ законнаго суда, по случайному подозрѣнію. Напротивъ того, у татаръ и москвитянъ ни одному чиновнику, кромѣ главныхъ судій въ столицахъ, не дозволяется убивать человѣка даже въ случаѣ очевиднаго преступленія; между тѣмъ какъ у насъ во всѣхъ селахъ и деревняхъ произносятъ смертные приговоры. Притомъ мы взимаемъ подати для защиты государства только отъ подданныхъ нашихъ: въ городахъ отъ коморниковъ, въ селахъ отъ бѣднѣйшихъ хлѣбопашцевъ, оставляя землевладѣльцевъ свободными отъ податей, несмотря на то, что они получаютъ значительные доходы со своихъ обширныхъ помѣстій, пашень, луговъ, пастбищъ, садовъ, огородовъ, лѣсовъ, рощъ, насѣкъ, отъ охоты, корчемъ, заводовъ, ярмарокъ, мытъ, перевозовъ, мостовыхъ, съ озеръ, прудовъ, рѣкъ, рыбной ловли, мельницъ, отъ стадъ и отъ труда рабовъ и рабынь. Гораздо успѣшнѣе шли бы военныя дѣла и собирались нужныя для нихъ подати, взимаемыя теперь поголовно, если бы приведено было къ концу предпринятое измѣреніе всѣхъ полей, принадлежащихъ какъ дворянамъ, такъ и посполитымъ людямъ; ибо въ такомъ случаѣ каждый платилъ бы тѣмъ больше налоговъ, чѣмъ большимъ количествомъ поля онъ владѣетъ.

Сокращеніе седьмаго отрывка.

Татары постоянно держатъ своихъ женщинъ взаперти, тогда какъ наши жены расхаживаютъ праздно по домамъ, принимаютъ участіе въ обществѣ мущинъ и носятъ почти мужескую одежду; отъ этого развиваются страсти. Татары заботятся о томъ, чтобы

[1]) Стихъ 2-й: „Аще стяжеши раба еврeина, шесть лѣтъ да поработаетъ тебѣ, въ седмое же лѣто отпустиши его свободна туне“.

заселить землю, созданную для того, чтобы служить жилищемъ для людей. и умножить родъ человѣческій во славу Божію; имѣя въ виду, что не каждая женщина плодовита, что не во всякое время мѣсяца способна къ супружеству и зачатію, что разъ зачавши не должна соприкасаться съ мужемъ, ибо жена берется не для удовлетворенія страсти, а ради пріобрѣтенія потомства, и что она можетъ зачать даже болѣе одного младенца сразу, какъ это видно изъ примѣра Ѳамари и Ревекки; въ виду всѣхъ этихъ причинъ татары, высоко цѣня мужескую силу и не желая растрачивать ее безъ нужды, слѣдуя указаніямъ природы и похвальному обычаю древнихъ людей, явствующему изъ библіи, имѣютъ каждый по нѣсколько женъ. Отъ этихъ браковъ они пріобрѣтаютъ болѣе силъ противъ насъ, имѣютъ большее число сыновей и родственниковъ; чѣмъ больше у нихъ женъ, тѣмъ больше они ими любимы и супружества ихъ тѣмъ счастливѣе; они не ищутъ ни большаго приданаго за невѣстами, ни красоты, ни знатности рода, такъ что даже высшіе сановники берутъ женъ изъ числа купленныхъ ими невольницъ.

Между тѣмъ наши, поступая противно обычаямъ древнихъ святыхъ людей, слѣдуя внушеніямъ животной природы (да не оскорбятся этими словами благочестивые слушатели) подходятъ иногда многіе къ одной женщинѣ, не разсчитывая получить отъ такой связи ни родства, ни дружбы, ни потомства и не боясь Бога; они ищутъ приданаго и красоты, которою гордятся женщины и посредствомъ которой привлекаютъ и подчиняютъ себѣ мужей; женщины заботятся не столько о своей непорочности, сколько о богатствѣ и красотѣ, поэтому они и сочиняютъ ложную молву о своей зажиточности и красятъ себѣ лицо. Эти нравы особенно развились среди нашего народа послѣ обнародованія извѣстнаго законоположенія литовскаго статута (Раздѣлъ IV, артикулъ 7), по смыслу котораго въ приданое дочерямъ назначается опредѣленная доля наслѣдства[1]). Послѣ

[1]) Въ двухъ первыхъ редакціяхъ статута названный артикулъ гласитъ: „Сколько приданаго назначитъ отецъ одной дочери, столько же должны получить и остальныя. А по смерти отца четвертая часть его имущества должна Вотойти въ пользу дочерей, будетъ ли у него одна дочь или нѣсколько“.

этого женщины сдѣлались надменными, начали пренебрегать добродѣтелью, оказались строптивыми по отношенію къ опекунамъ, родителямъ и мужьямъ и стали подготовлять преждевременную смерть долго живущимъ.

Благодаря обычаю многоженства сосѣди наши, перекопскіе татары, которыхъ такъ много погибаетъ въ войнахъ съ нами, постоянно возрождаются снова. Не такъ давно въ войскѣ Осламъ-султана красовался среди его вассаловъ отрядъ, состоявшій изъ сорока родныхъ братьевъ, это были крѣпкіе люди, сыновья нѣкоего Омельдеша, случайно родившіеся въ одинъ годъ, въ теченіи одного мѣсяца отъ его женъ и наложницъ. И въ нашей странѣ, на берегу рѣки Ваки [1]) есть многолюдное татарское село, издавна называемое селомъ сорока татаръ, т. е. сорока братьевъ. Существующій у татаръ обычай покупки невѣсть былъ нѣкогда и у израильтянъ, какъ видно изъ книги Бытія (глава 29) и изъ 1-й книги Царствъ (глава 18) [2]).—И у нашего народа уплачивали нѣкогда за невѣсту ея родителямъ условленную цѣну, которая у жмудиновъ называлась *крено*. Теперь же мы сами себя продаемъ женамъ за приданое и дѣлаемся ихъ рабами, отыскивая себѣ знатное родство.

Ни татаре, ни москвитяне не даютъ воли своимъ женамъ. У нихъ есть поговорка: „кто даетъ свободу женѣ, тотъ отымаетъ ее у себя“. Ихъ женщины не имѣютъ личной правоспособности, между тѣмъ какъ у насъ иныя господствуютъ надъ многими мужчинами, владѣя селами, городами и волостями, однѣ на правахъ временнаго пользованія, другія потомственно. Объятыя страстью господствовать онѣ живутъ разнузданно подъ видомъ дѣвства или вдовства; обременя-

---

[1]) Рѣка Вака, правый притокъ Вилін, протекаетъ по трокскому уѣзду, виленской губерніи. На берегу этой рѣки в. к. Витовтъ поселилъ въ началѣ XV ст. плѣнныхъ татаръ, даровавши имъ земли и дворянскія права и возложивши на нихъ обязанность военной службы.

[2]) Книга Бытія, гл. 29, ст. 20. „И работа Іаковъ за Рахиль седмь лѣтъ“.

Книга I Царствъ, гл. 18, ст. 27. „Возста Давидъ и иде самъ и мужи его съ нимъ и уби отъ иноплеменникъ двѣсти мужей и принесе краеобрѣзанія ихъ царю и вдаде я ему. и бысть зять царю и вдаде ему царь Мелхолу дщерь свою въ жену“.

Государственная
ордена Ленина
Библиотека

ютъ своихъ подданныхъ, однихъ преслѣдуя ненавистью, другихъ возвышая и истощая слѣпою любовью. Какъ сказано въ Екклезіастѣ (гл. VII, ст. 27): „реку: горчайшу паче смерти жену“ и точно, нѣтъ ничего злѣе ея гнѣва.

Хотя власть женщины позорна даже внутри частнаго дома, тѣмъ не менѣе онѣ начальствуютъ у насъ въ крѣпостяхъ даже пограничныхъ съ предѣлами московскими, турецкими, татарскими и молдавскими, которые должно было бы поручать только мужамъ великой храбрости. Не напрасно предки вашего величества не дозволяли женщинамъ получать крѣпости по наслѣдству и располагали въ такихъ случаяхъ браками наслѣдницъ по своему, а не по ихъ усмотрѣнію, выбирая имъ въ мужья людей, знаменитыхъ не богатствомъ и не знатностью рода, но прославившихъ себя пролитіемъ какъ своей, такъ и непріятельской крови. Эти богатырскія жены отдавались въ замужество даже за отличившихся на войнѣ пастуховъ, которые назывались *Саконы* и *Сунгайлоны*.

Сокращеніе осьмаго отрывка.

Многіе, даже изъ простаго народа, прельстившись этими наградами, дѣлались хорошими воинами; съ ихъ помощью предки вашего величества широко раздвинули предѣлы своихъ владѣній, такъ что еще понынѣ можно наблюдать слѣды ихъ завоеваній въ Тавридѣ, въ Московіи и другихъ странахъ. И понынѣ именами Гедымина и Витовта называются тамъ нѣкоторыя укрѣпленія, холмы, колодцы, мосты, дороги, рвы, городища и стѣны, разгромленныя впослѣдствіи пушками туземцевъ, или разрушенныя оружіемъ самихъ литовцевъ. Тогда наша молодежь не коснѣла въ бездѣйствіи и праздности, но прилежно упражнялась въ военномъ дѣлѣ, по примѣру своихъ предковъ римлянъ; для объявленія войны они не выжидали ни тяжкой обиды отъ врага, ни удобной лѣтней погоды, но вчинали войну за маловажное, даже частное оскорбленіе, нанесенное подданнымъ нашего государства. Не разъ они, уже къ празднику св. Пасхи достигали Москвы, столицы московскаго княжества и тамъ

заключали договоры со смирившимся непріятелемъ. Теперь же намъ страшенъ московскій князь, такъ какъ онъ безпрерывно упражняетъ свой народъ въ военномъ искуствѣ, не дозволяетъ никому по долгу оставаться дома, но посылаетъ всѣхъ поочередно охранять границы государства. Враги наши татары осуждаютъ нашу надменную безпечность и насмѣхаются надъ нами, погруженными въ сонъ послѣ пиршествъ, слѣдующею распространенною у нихъ бранною поговоркою: „ты спишь, Иванъ! а я долженъ трудиться—вязать тебя“.—Въ настоящее время нашихъ воиновъ больше гибнетъ въ корчмахъ отъ взаимныхъ убійствъ, чѣмъ отъ непріятелей, такъ часто опустошающихъ наше отечество. Они могли бы вести болѣе успѣшную борьбу, если бы отправлялись для упражненія въ военномъ дѣлѣ въ степи, на границахъ Подоліи и Кіевщины и вступали тамъ въ состязаніе съ трезвымъ и предпріимчивымъ врагомъ; тогда они вскорѣ изъ новобранцевъ превратились бы въ опытныхъ воиновъ и многіе могли бы достигнуть повышенія; не нужно было бы искать внѣ отечества лицъ, способныхъ занять обязанности полководцевъ.

Предки вашего величества не пренебрегали своими подданными, которые естественно и по необходимости должны были храбро сражаться и умирать для защиты законовъ и отечества. И двоюродный братъ вашего величества, венгерскій король Людовикъ, если бы предпочелъ иностранцамъ своихъ единоземцевъ, не подвергся бы презрѣнію во время похода, не былъ бы оставленъ въ битвѣ и растоптанъ во время бѣгства [1]). Дѣдъ его и вашего величества, блаженной памяти король Казиміръ испыталъ вѣрность своихъ подданныхъ въ битвѣ съ крестоносцами у Хойницы въ Пруссіи, въ которой онъ исполнилъ

---

[1]) Сигизмундъ Августъ Сигизмундовичъ и венгерскій король Людовикъ II Владиславовичъ были внуками Казиміра Ягайловича; Людовика II (1516—1526) венгерцы упрекали въ томъ, что онъ окружилъ себя иноземцами: поляками, чехами, моравanами и силезцами, исключительно довѣрился имъ и устранилъ отъ двора венгерцевъ. Во время нашествія турокъ на Венгрію въ 1526 г. венгерскіе магнаты относились къ королю съ пренебреженіемъ, не повиновались его приказаніямъ и противодѣйствовали его планамъ. Кампанія закончилась битвою у Могача, 29 августа 1526 г., въ которой венгерская армія была уничтожена; спасаясь бѣгствомъ, король завязъ въ болотѣ и былъ раздавленъ массою безпорядочно толпившихся бѣглецовъ.

долгъ хорошаго воина и вождя. Когда войско его пришло въ разстройство и самъ онъ изнемогалъ отъ трудовъ и тяжести оружія на раненомъ конѣ, его тотчасъ заслонили густыми рядами воины нашего народа, подали ему другаго коня и, пробившись сквозь ряды враговъ, избавили отъ предстоявшей опасности [1]).

Слѣдуя этому правилу, москвитяне никогда не упражняютъ у себя въ военномъ дѣлѣ и не обогащаютъ своими деньгами иностранцевъ, которые во всякое время могутъ оставить страну, а стараются поощрять своихъ единоземцевъ къ усердной и постоянной службѣ, заботясь не столько объ уплатѣ имъ жалованья, сколько объ увеличеніи ихъ наслѣдственныхъ помѣстій.

Въ настоящее время воины нашего постояннаго войска, охраняющаго границы, хотя щедро награждаются помѣстьями, освобождены отъ всякихъ повинностей и податей и пользуются разными другими привилегіями военнаго сословія, но пренебрегаютъ этими льготами и предоставляютъ и военныя упражненія, и защиту отечества перебѣжчикамъ москвитянамъ и татарамъ. Поэтому то мы и принуждены уплачивать ежегодно подарки царю перекопскому. Между тѣмъ наша литовская и жмудская молодежь была бы пригоднѣе для войны, какъ вслѣдствіе врожденной храбрости, такъ и по крѣпости тѣлосложенія и стойкосте нрава. Однако наши правители не обращаютъ вниманія на то, что государство ослабѣваетъ отъ праздности и что для юношей здоровѣе служить въ войскѣ, нежели оставаться дома.

---

[1]) Битва у Хойницъ происходила 18 сентября 1454 г.; вслѣдствіе неопытности польскихъ полководцевъ и охватившей войско паники, поляки потерпѣли крупное пораженіе. Король Казиміръ, тщетно пытавшійся остановить бѣгущихъ, былъ окруженъ врагами; его съ большимъ трудомъ спасли литовцы, окружившіе его густою толпою и рѣшившіеся, по предложенію Олехна Судимонтовича, умереть, защищая его; имъ удалось пробиться сквозь ряды крестоносцевъ, но при этомъ всѣ, за исключеніемъ шести человѣкъ, пали въ битвѣ. Въ дальнѣйшемъ бѣгствѣ раненый конь короля завязъ въ болотѣ, между тѣмъ враги приближались, тогда нѣкто Богданъ Волъ (родоначальникъ знатнаго впослѣдствіи рода Воловичей) передалъ королю своего коня, а самъ, по поясъ увязши въ тинѣ, разсыпалъ вокругъ себя всѣ стрѣлы изъ колчана и поспѣшными, но мѣткими выстрѣлами изъ лука успѣлъ удержать погоню. (Gołembiowski—Dzieje Polski za panowania Jagiellonów т. III, стр. 102—104. Лѣтопись Быховца стр. 59).

Отрывокъ девятый.

Въ Литвѣ одно лицо занимаетъ по десяти должностей, тѣмъ самымъ устраняя другихъ отъ ихъ исполненія; московскій же князь соблюдаетъ равенство между своими, не предоставляя одному лицу многихъ должностей. Управленіе одною крѣпостью и то лишь на одинъ, много на два года поручается совмѣстно двумъ воеводамъ и двумъ дьякамъ, дѣлается это съ тою цѣлью, чтобы бояре, поощряемые надеждою на полученіе воеводства, ревностнѣе служили своему князю и чтобы воеводы мягче относились къ подчиненнымъ, въ виду предстоящаго имъ отчета и суда. Ибо чиновникъ, осужденный за взятки, обязанъ сражаться въ поединкѣ съ пострадавшимъ, хотя бы тотъ былъ и простаго званія; хотя обвиненному и дозволяется подставить вмѣсто себя другое лице на поединокъ, но если замѣститель его будетъ побѣжденъ, то пеню платитъ самъ обвиненный. Вслѣдствіе этого при дворѣ не такъ часто слышатся жалобы на притѣсненія.

Разсудительность этого варвара не менѣе проявляется и въ веденіи хозяйства; онъ до такой степени не пренебрегаетъ ничѣмъ, что продаетъ *полову*, сѣно и солому; на пирахъ его выставляютъ большія золотыя и серебряныя чаши, которыя называютъ соломенными [1]), потому что тѣ пріобрѣтены за деньги, вырученныя за проданную солому.—Осторожная раздача воеводствъ приноситъ еще ту пользу, что тѣ, кого князь посылаетъ защищать предѣлы своего государства, исполнять общественныя дѣла, или отправлять самыя дальнія посольства, выполняютъ всѣ эти порученья не на полученныя отъ князя средства а на собственный счетъ и, если исполнятъ все согласно волѣ и намѣреніямъ князя, то вмѣсто жалованья получаютъ въ награду не деньги, а должности, о которыхъ было сказано выше. Подобный обычай существовалъ у римлянъ, какъ это видно изъ словъ евангелиста Луки, въ дѣяніяхъ апостоловъ

[1]) Трудно угадать, какой терминъ имѣлъ въ виду авторъ, говоря о соломенныхъ чашахъ; можетъ быть, это ошибка, основанная на неправильномъ толкованіи слова „солонка“.

гл. 24, гдѣ говорится: „Двѣма же лѣтома окончавшемася, пріятъ измѣненіе Филиксъ Поркія Фиста“ (ст. 27). У насъ, напротивъ, тѣ, кто посылается куда либо, еще прежде чѣмъ окажутъ заслуги, получаютъ много денегъ изъ казны, хотя по большей части возвращаются ничего не сдѣлавши, но причинивши значительныя притѣсненія тѣмъ, черезъ владѣнія которыхъ пролегалъ ихъ путь, и разоривши ихъ требованіемъ доставки лошадей; эта повинность у насъ называется *подвода*. Въ Московіи только гонецъ, нуждающійся въ очень спѣшной ѣздѣ по государственнымъ дѣламъ, можетъ такимъ способомъ пользоваться лошадьми. Эти гонцы, благодаря быстрой ѣздѣ и частой перемѣнѣ усталыхъ лошадей (которыя содержатся съ этою цѣлью быстрыя и здоровыя во многихъ мѣстахъ), чрезвычайно скоро сообщаютъ извѣстія. Напротивъ того въ Литвѣ канцелярія вашего величества весьма щедро раздаетъ дипломы на право пользованія такою ѣздою; и нерѣдко подводы расходуются для перевозки частнаго имущества придворныхъ, а потомъ, вслѣдствіи ихъ недостатка, мы безъ оповѣщенія подвергаемся нападенію враговъ, своимъ появленіемъ предупреждающихъ извѣстіе о ихъ появленіи, посланное отъ границы. Не такъ давно еще освобождены были отъ этой повинности лица, издавна получившія помѣстья съ обязательствомъ доставлять подводы на всѣхъ путяхъ отъ границъ московскихъ, татарскихъ и турецкихъ въ нашу столицу Вильно. Эти данныя имъ привилегіи слѣдовало бы уничтожить, какъ вредныя для государственныхъ интересовъ.

У насъ очень много московскихъ перебѣжчиковъ, которые, развѣдавши наши дѣла, средства и финансы и изучивъ наши нравы, потомъ свободно возвращаются въ свою страну, а пока находятся здѣсь, тайно передаютъ своимъ наши планы. У татаръ они отдаются въ рабство, у ливонцевъ предаются смерти, хотя москвитяне и не отторгли у нихъ никакой области и связаны съ ними трактатомъ вѣчнаго мира и сосѣдской дружбы; притомъ совершившій такое убійство кромѣ имущества убитаго получаетъ еще денежную награду отъ правительства, потому что ливонцы повинуются поученію Іисуса сына Сирахова: „Не ими вѣрывраг у твоему во вѣки...

не постави его при себѣ, да не когда, изринувъ тя, станетъ на мѣстѣ твоемъ". (Гл. XII, ст. 10—12). Если бы и мы слѣдовали этому правилу, то не утратили бы Сѣверской области и замковъ, вмѣстѣ съ которыми отъ насъ отпали Можайскъ и Вязьма [1]). Города эти были бѣдны, когда поступили къ намъ, а отъ насъ отошли богатые и усиленные цѣлыми областями, которыя были поручены ихъ управленію.

Народъ московскій хитрый и вѣроломный, неискренній и непостоянный; возвратившись въ свое отечество, люди эти становятся вождями и самоувѣренно опустошаютъ наши области. Въ числѣ московскихъ перебѣжчиковъ, которые въ темныя ночи убивали людей въ Вильнѣ и освобождали изъ темницы своихъ плѣнныхъ соотечественниковъ, былъ одинъ священникъ, который, добывая тайно изъ королевской канцеляріи копіи договоровъ, рѣшеній и протоколовъ совѣщаній, посылалъ ихъ своему князю; другой купилъ для употребленія при чародѣйствѣ св. причастіе, сохраненное нѣкоею дѣвицею при исполненіи этого таинства. Когда сгорѣло Вильно въ 1529 году, эти пронырливые и преступные люди тотчасъ донесли о томъ своему князю. Тогда въ соборной церкви св. Станислава, крытой свинцомъ съ позолоченными куполами, украшенной многими золотыми и серебряными сосудами и драгоцѣнными камнями, сгорѣло около 300 старинныхъ знаменъ, добытыхъ во время побѣдъ, одержанныхъ надъ русскими, москвитянами, нѣмцами и другими народами, а также 12 новыхъ знаменъ, повѣшенныхъ тамъ послѣ побѣды, одержанной надъ москвитянами у Орши 8-го сентября въ день рождества Богородицы 1514 года, въ которой было убито и взято въ плѣнъ 80,000 человѣкъ. Хитрый великій князь объявилъ награды тѣмъ перебѣжчикамъ, которые пожелаютъ возвратиться, хотя бы это были люди неважные и безполезные: рабу обѣщалъ свободу, человѣку простаго званія—дворянство, несостоятельному

[1]) Въ текстѣ городъ этотъ названъ Ossomaciłz; вслѣдствіи сопоставленія историческихъ событій, мы полагаемъ, что подъ этимъ именемъ, видимо искаженнымъ, должно разумѣть Вязьму (въ окрестности которой протекаетъ рѣка Осьма), которою въ 1494 году овладѣлъ воевода Іоанна III, князь Даніилъ Васильевичъ Щеня.

должнику—прощеніе долга, преступнику—избавленіе отъ законной отвѣтственности.

Намъ принадлежитъ знаменитый замокъ и городъ Кіевъ, который, подобно другимъ крѣпостямъ, содержится небрежно, хотя съ кіевскихъ высотъ видны многія области, какъ гласитъ русская поговорка. Онъ занимаетъ первостепенное мѣсто среди другихъ замковъ и областей и расположенъ надъ рѣкою на границѣ степи, и Полѣсья. Почва кіевской области до того плодородна и удобна для обработки, что нива, вспаханная только разъ парою быковъ, дастъ обильнѣйшій урожай; даже невоздѣланныя поля производятъ растенія, питающія людей своими корнями и стволами. Здѣсь растутъ деревья, дающія разнообразные нѣжные плоды, воздѣлывается винная лоза, дающая большія кисти винограда, и мѣстами, на склонахъ, встрѣчается дикій виноградъ. Старые дубы и буки, въ которыхъ отъ ветхости образовались дупла, изобилуютъ роями пчелъ и сотами, отличающимися прекраснымъ цвѣтомъ и вкусомъ.—Дикихъ звѣрей: зубровъ, дикихъ лошадей и оленей такое множество въ лѣсахъ и на поляхъ, что за ними охотятся только ради кожи, а мясо, по причинѣ большаго его изобилія, бросаютъ, за исключеніемъ филейныхъ частей; ланями и дикими кабанами совсѣмъ гнушаются. Дикія козы въ такомъ огромномъ количествѣ перебѣгаютъ зимою изъ степей въ лѣса и лѣтомъ обратно въ степи, что каждый крестьянинъ убиваетъ ихъ до тысячи въ годъ. По берегамъ рѣкъ во множествѣ встрѣчаются поселенія бобровъ. Птицъ такое поразительное множество, что весною мальчики наполняютъ цѣлыя лодки яйцами дикихъ утокъ, гусей, журавлей и лебедей; а потомъ ихъ птенцами наполняютъ птичники. Орлятъ запираютъ въ клѣтки ради ихъ перьевъ, которыя прикрѣпляютъ къ стрѣламъ. Собакъ кормятъ мясомъ дикихъ звѣрей и рыбою, такъ какъ рѣки изобилуютъ невѣроятнымъ количествомъ осетровъ и другихъ большихъ рыбъ, подымающихся изъ моря вверхъ по рѣкамъ въ прѣсную воду. Поэтому многія рѣки называются золотыми, особенно Пріятъ, которая въ одномъ мѣстѣ вблизи

Мозыря, при устьи рѣки Тура [1]), съ накопленіемъ свѣжей воды изъ источниковъ ежегодно, въ началѣ марта, наполняется такимъ множествомъ рыбы, что брошенное въ нее копье ущемляется и стоитъ отвѣсно, словно водруженное въ землю—такъ густо сбивается тамъ рыба. Я бы не повѣрилъ этому, если бы самъ не видалъ зачастую, какъ оттуда безпрерывно черпали рыбу и наполняли ею въ одинъ день до 1000 возовъ, принадлежавшихъ пріѣзжимъ купцамъ, которые ежегодно съѣзжаются къ этому времени.

Борисѳенъ самая большая и обильная рѣка въ этой странѣ, по ней доставляютъ въ Кіевъ безмѣрное количество рыбы и другихъ товаровъ. Съ востока выше Кіева съ нею соединяются: Десна, Сеймъ и другія рѣки, вытекающія изъ Сѣверщины и Московіи. Съ сѣверозапада и юга въ Борисѳенъ впадаютъ: Сожь, Березина, Припять, Словешня, Ушь, Тетеревъ, Ирпень, воды которыхъ увеличиваются притоками, каковы: Вехра, Проня, Ипуть, Друть, Бобръ, Титва, Птичь, Случь, Ореса, Стырь, Горынь, Пина [2]).—Кромѣ того много другихъ рѣкъ вливается въ Днѣпръ сверху и снизу, вытекая изъ Литвы, Руси, Волыни и Московіи. По всѣмъ этимъ рѣкамъ сплавляютъ въ Кіевъ рыбу, мясо, мѣха; медъ, а также

[1]) Очевидно въ текстѣ сдѣлана ошибка или въ опредѣленіи мѣстности, или въ имени рѣки, если подъ именемъ Туръ слѣдуетъ разумѣть притокъ Припяти Турію, то мѣстность указана невѣрно, такъ какъ Турія впадаетъ въ Припять почти у ея верховья—въ ковельскомъ уѣздѣ волынской губ., слѣдовательно очень далеко отъ Мозыря. Если же мѣстность въ текстѣ указана вѣрно, то ошибка произошла въ названіи рѣки; вблизи Мозыря впадаютъ въ Припять три болѣе значительныхъ притока: Словешня, Птичь и Уборть, можетъ быть авторъ имя послѣдней измѣнилъ въ Туръ.

[2]) Имена многихъ рѣкъ значительно измѣнены въ текстѣ, такъ Словешня, Ушь, Ирпень, Проня, Птичь въ латинскомъ текстѣ написаны такъ: Slorzesnia, Ussa, Rpiew, Prorasez, Pczit. Что такое Титва, мы не могли догадаться; судя по мѣсту, какое занимаетъ въ перечнѣ эта рѣка, можно предположить, что это притокъ Припяти—Ипа.—Сверхъ того въ перечень вкрались географическія ошибки; Сеймъ, Словешня и Ушь названы въ числѣ притоковъ Днѣпра, между тѣмъ какъ первый впадаетъ въ Десну, а двѣ другія въ Припять; за то р. Друть, притокъ Днѣпра, помѣщена въ числѣ притоковъ Сожи и Березины. Изъ числа перечисленныхъ второстепенныхъ притоковъ впадаютъ въ Сожь: Вехра, Проня и Ипуть; въ Березину—Бобръ; въ Припять—Ипа (?) Птичь (съ притокомъ Оресою), Случь (сѣверная), Пина (при посредствѣ Яцолды), Стырь, Горынь, Словешня и Ушь.

соль изъ таврическихъ лимановъ, называемыхъ Качибеевыми [1]), гдѣ нагрузка солью цѣлаго корабля стоитъ 10 стрѣлъ.

Борисѳенъ представляетъ удобство для защиты всѣхъ областей вашего величества отъ набѣговъ татаръ, потому что плаваніе по немъ ниже Черкасъ затрудняется одиннадцатью порогами, имѣющими особыя имена и залегающими поперегъ рѣки въ видѣ острыхъ и неровныхъ утесовъ, такъ что переправа черезъ нихъ возможна только на судахъ разгруженныхъ; сверхъ того, вслѣдствіи характера береговъ, покрытыхъ высокими, отвѣсными скалами, затрудненъ самый доступъ къ рѣкѣ и переправа черезъ нее возможна ниже Черкасъ только въ немногихъ мѣстахъ, называемыхъ: Кременчугъ, Упскъ, Гербедеевъ Рогъ, Мишуринъ, Кичкасъ, Тавань, Бургунъ, Тягиня и Очаковъ. Если бы въ этихъ мѣстахъ расположить хотя небольшія флотиліи, то онѣ могли бы преградить переправу самымъ численнымъ татарскимъ войскамъ, потому что татары обыкновенно переправляются безъ лодокъ, держась за лошадей, безъ оружія и нагіе, ихъ легко могли бы прогнать вооруженные люди, выѣхавши на встрѣчу въ лодкахъ изъ за островковъ, камышей и кустовъ лозы.

Насколько нашъ Борисѳенъ неудобенъ для перекопцевъ лѣтомъ, настолько онъ выгоденъ для нихъ зимою, потому что тогда, съ прекращеніемъ судоходства, они съ полною безопасностью пасутъ свои стада за рвомъ на островахъ и среди лозовыхъ зарослей на этой рѣкѣ; они называютъ ее текущею медомъ и молокомъ, потому что рѣка эта въ верхнемъ своемъ теченіи пролегаетъ по странамъ лѣснымъ, богатымъ пчелами, а въ нижнемъ по степямъ, обильнымъ пастбищами, и потому доставляетъ въ изобиліи медъ и молоко жителямъ своего побережья; эти соображенія побуждаютъ татаръ заботиться о сохраненіи мира и союза съ владѣльцемъ Борисѳена, великимъ княземъ литовскимъ. Рѣка эта отъ верховья своего до устья протекаетъ по старымъ литовскимъ владѣніямъ у городовъ, которые я осматривалъ: Вязьмы, Дорогобужа, Смоленска, Дубровна,

[1]) Вѣроятно, авторъ имѣлъ въ виду Хаджибейскій лиманъ, лежащій вблизи нынѣшней Одессы.

Орши, Могилева, Рогачева, Быхова, Рѣчицы, Любеча, Чернобыля, Кіева, Канева, Черкасъ и Дашева или Очакова, у котораго Днѣпръ впадаетъ въ море, раздѣлившись на 12 гирлъ, сливающихся дальше въ одинъ лиманъ. Невдалекѣ оттуда находится устье Днѣстра, называемое Видовымъ (озеромъ) по имени поэта Овидія, который былъ сосланъ, какъ полагаютъ, на этотъ берегъ Понта. Нѣкоторые полагаютъ также, что Иліонъ или Троя находилась на кіевской землѣ, среди ея плодородныхъ полей и пріятныхъ рощъ. Тамъ видны ея слѣды въ существующихъ понынѣ развалинахъ,—сводахъ, подземельяхъ, выстланныхъ мраморомъ, полахъ и остаткахъ большихъ стѣнъ. Мѣсто это, еще недавно пустынное, но весьма удобное для поселенія, называется Торговица [1]),

Кіевъ изобилуетъ иностранными товарами, ибо нѣтъ пути болѣе обычнаго, какъ древняя, давно проложенная и хорошо извѣстная дорога, ведущая изъ черноморскаго порта, города Кафы, черезъ ворота Таврики, на таванскій перевозъ на Днѣпрѣ, а оттуда степью въ Кіевъ; по этой дорогѣ отправляютъ изъ Азіи, Персіи, Индіи, Аравіи и Сиріи на сѣверъ въ Московію, Псковъ, Новгородъ, Швецію и Данію всѣ восточные товары, какъ то: дорогіе каменья, шелкъ и шелковыя ткани, ладанъ, благовонія, шафранъ, перецъ и другія пряности. По этому пути часто отправляются иноземные купцы; они составляютъ отряды, иногда въ тысячу человѣкъ, называемые *караванами*, и сопровождаютъ обозы, состоящіе изъ многочисленныхъ нагруженныхъ возовъ и навьюченныхъ верблюдовъ. Прежде эти караваны платили значительную пошлину предкамъ вашего величества при переправѣ черезъ Борисѳенъ у Тавани; тамъ и понынѣ сохранилось въ цѣлости каменное зданіе со сводами, которое и наши, и татары, и греки называютъ Витовтовою банею [2]), и разсказываютъ, что въ немъ жилъ нѣкогда мытникъ великаго

[1]) Торговица—мѣстечко кіевской губерніи, уманскаго уѣзда, на р. Синюхѣ, на границѣ херсонской губерніи и уѣзда.

[2]) Въ текстѣ Vitordinum (sic) balneum.—Таванью называется одинъ изъ днѣпровскихъ острововъ, лежащій противъ мѣстечка Тягинки (херсонской губерніи и уѣзда).

княжества литовскаго, собиравшій пошлину; если же кто не уплачивалъ пошлины, или захваченъ былъ въ прелюбодѣяніи, того наказывали въ Кіевѣ конфискаціею всего имущества; законъ этотъ, называемый *осьмничествомъ* [1]), былъ постановленъ въ видахъ обузданія сарацинской похотливости и соблюдался въ теченіи многихъ столѣтій, но въ послѣднее время началъ приходить въ забвеніе.

Если же купцы, избѣгая двухъ переправъ черезъ Борисѳенъ и не желая платить пошлины вашему величеству, оставляютъ старую дорогу, пролегающую черезъ владѣнія вашего величества и отъ таврическихъ воротъ сворачиваютъ внизъ, а затѣмъ направляются по непроходимымъ степямъ въ Московію черезъ Путивль, или возвращаются этимъ путемъ, то часто случается, что ихъ грабятъ разбойники, скитающіеся въ тѣхъ мѣстахъ.

При проходѣ каравана значительные доходы извлекаютъ кіевскіе жители: воеводы, мытники, купцы, мѣнялы, лодочники, извощики, трактирщики и шинкари, и обстоятельство это не вызывало понынѣ ничьихъ жалобъ, ни со стороны москвичей, ни турокъ, ни татаръ. Кіевляне пользуются выгодами отъ каравановъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда эти послѣдніе, проходя зимою черезъ степи, сбиваются съ пути и гибнутъ подъ снѣжными заносами.

Въ невзрачныхъ кіевскихъ хатахъ встрѣчается не только достатокъ, но даже изобиліе плодовъ, овощей, меду, мяса и рыбы; сверхъ того, вслѣдствіи вышеуказанныхъ причинъ, онѣ до такой степени переполнены дорогими шелковыми одеждами, драгоцѣнными

---

[1]) Осмѣникъ былъ чиновникъ, назначавшійся кіевскимъ воеводою для сбора пошлины съ товаровъ, привозимыхъ въ Кіевъ; сверхъ того на его обязанности лежало наблюденіе за общественнымъ благочиніемъ. Въ уставной грамотѣ, выданной городу Кіеву в. к. Александромъ Казимировичемъ отъ 14 мая 1499 г., точно опредѣлены обязанности осмѣниковъ и размѣры взимаемыхъ ими пошлинъ; здѣсь мы встрѣчаемъ постановленіе, вполнѣ подтверждающее извѣстіе Михайла Литвина: „Коли осмьникъ воеводинъ застанетъ котораго мѣщанина, або купца, а любо козака христіанина зъ бѣлымъ головами непочестныи рѣчи дѣлаючи, иио намѣстнику митрополичому съ того врочная вина, а воеводѣ съ того вины копа грошей; а коли застанетъ осмьиикъ въ таковыхъ рѣчахъ гостя: турчина, або татарина, а любо армянина, тогда воеводѣ съ такого вины двиадцать копъ грошей".—(Акты, отиосящіеся къ исторіи западной Россіи т. I, стр. 194).

камнями, собольими и другими мѣхами и пряностями, что мнѣ самому случалось видѣть шелкъ, обходившійся дешевле, нежели въ Вильнѣ ленъ, и перецъ дешевле соли.

Кіевъ славится стеченіемъ народонаселенія на его землѣ; на Борисѳенѣ и его притокахъ расположены многолюдные города и села, жители которыхъ съ дѣтства привычны къ плаванію, судоходству, рыбной ловлѣ и охотѣ; многіе изъ нихъ, убѣгая отъ родительской власти, труда, рабства, наказаній, долговъ и другихъ непріятностей, или же просто отыскивая болѣе выгодный заработокъ и лучшую мѣстность, собираются въ Кіевщину особенно весною. Познакомившись съ удобствами жизни въ низовыхъ городахъ, они никогда уже не возвращаются къ своимъ, вскорѣ пріобрѣтаютъ опытность и храбрость и знакомятся съ опасностями, охотясь на медвѣдей и зубровъ. Потому въ этой странѣ весьма легко набрать хорошихъ воиновъ.

Кіевъ былъ нѣкогда столицею русскихъ и московскихъ князей; здѣсь они приняли христіанство и теперь еще въ Кіевѣ сохранились древнія церкви, великолѣпно выстроенныя изъ полированнаго мрамора и другихъ иноземныхъ матеріаловъ и крытыя свинцомъ и мѣдью, иныя съ позолоченными куполами; есть также богатѣйшіе монастыри. Особенно славится монастырь, посвященный пресвятой Дѣвѣ Маріи; въ его подземныхъ галлереяхъ и пещерахъ находятся многочисленныя гробницы, въ которыхъ сохраняются мощи сухія и нетлѣнныя; онѣ пользуются большимъ уваженіемъ у русскаго народа, который признаетъ ихъ святыми.—Такъ какъ установилось мнѣніе, что души погребенныхъ здѣсь лицъ удостоиваются спасенія, то всѣ болѣе значительные дворяне, даже изъ отдаленныхъ мѣстностей, хлопочутъ о томъ, чтобы быть здѣсь похороненными, расточая съ этою цѣлью большія средства на пожертвованія и вклады. Московскій князь собираетъ ежегодно значительные доходы съ тѣхъ имѣній этого монастыря, которыя отошли въ его владѣнія; но онъ медлитъ возвратить ихъ монастырю, потому что самъ страстно желаетъ овладѣть этимъ городомъ, утверждая, что онъ потомокъ наслѣдственнаго кіевскаго князя Владиміра; и не менѣе скорбятъ и

его подданные о томъ, что не владѣютъ этою древнею столицею своихъ вѣнценосцевъ и средоточіемъ своей святыни.

При всѣхъ указанныхъ выгодахъ этого города есть и нѣкоторыя неудобства; жители не безопасны отъ татаръ, которые производятъ набѣги на границы, хотя и не пытаются завоевать города. Пріѣзжіе подвергаются опаснымъ лихорадкамъ, происходящимъ отъ дневнаго сна и отъ излишняго употребленія рыбы и плодовъ, а лошади болѣютъ отъ травы, зараженной разливами рыбообильнаго Борисѳена. Посѣвы часто истребляются саранчею, прилетающею изъ приморскихъ странъ. Въ лѣсахъ и по берегамъ водъ зарождаются, преимущественно въ началѣ іюня, подобные пчелинымъ рои различныхъ насѣкомыхъ, питающихся кровью: оводовъ, комаровъ и мухъ.

Сокращеніе десятаго отрывка.

Татары, турки и другіе сарацины имѣютъ общую религію или законъ, напоминающій іудейство и несторіанскую ересь: они исповѣдываютъ единаго Бога, Христа признаютъ лишь святымъ пророкомъ и верховнымъ судьею міра, рожденнымъ отъ пречистой Дѣвы, но не вѣрятъ въ Христовы страсти. Они соблюдаютъ обрѣзаніе, но производятъ его въ зрѣломъ возрастѣ, въ которомъ былъ обрѣзанъ ихъ патріархъ Измаилъ. Утверждаютъ, что это ученіе возникло въ арабскомъ городѣ Меккѣ, около 600 года христіанской эры, по почину евреевъ, переселившихся туда послѣ разрушенія Іерусалима, и вслѣдствіи казней нѣкоего негоднаго монаха и отступника Сергія, дѣйствовавшаго во вредъ христіанству. Распространителемъ ученія былъ нѣкій безумецъ арабъ, человѣкъ весьма хитрый, сдѣлавшійся изъ возницы мужемъ и господиномъ богатой жены; онъ стремился къ верховной власти надъ единоземцами, но, не достигнувъ этой цѣли, провозгласилъ себя вѣстникомъ и пророкомъ Господнимъ, въ чемъ и убѣдилъ арабовъ язычниковъ. Законъ этотъ, который они считаютъ своимъ долгомъ распространять оружіемъ, до того нелѣпъ, что полагаетъ высшее благо и наслажденіе въ удовольствіяхъ, которыми будто бы будутъ пользоваться блаженные въ будущей жизни

посредствомъ вкуса, осязанія и другихъ внѣшнихъ чувствъ. Коснѣя въ столь скотскомъ заблужденіи, эти варвары кичатся однако, будто они превосходятъ насъ любовью къ Богу и ближнему и дѣлами, угодными величію Божію, утверждаютъ, что за это Господь милостивъ къ нимъ и, по человѣческому легкомыслію, надѣются, что Онъ будетъ все больше и больше увеличивать ихъ благосостояніе. Насъ же, христіанъ, вслѣдствіи крайняго нашего нерадѣнія о дѣлахъ божественныхъ, а также обидъ и несправедливостей, которыя мы причиняемъ другъ другу, они порицаютъ, осмѣиваютъ, называютъ беззаконными варварами, носящими только имя Христово, но не исполняющими его закона, предвѣщаютъ намъ гибель и считаютъ недостойными своего общества.

Они свято соблюдаютъ правосудіе, неусыпно стараются о распространеніи своего вѣроученія, день начинаютъ и оканчиваютъ молитвою; молятся ежедневно утромъ, вечеромъ и по полудни, отъ исполненія этой обязанности не позволяютъ отвлекать себя по какому бы то ни было дѣлу и не возлагаютъ молитвы на однихъ священниковъ. Послѣдніе хотя и существуютъ у нихъ для совершенія богослуженія и толкованія закона, но какъ духовныя, такъ и міряне, каждый за себя наединѣ и сообща въ публичныхъ собраніяхъ исповѣдуютъ Бога. Всегда трезвые, обмывъ члены очистительною водою, они, согласно священному писанію, почитаютъ святою ту землю, на которой бесѣдуютъ съ Богомъ; и простираются на ней, не употребляя въ храмахъ никакихъ сѣдалищъ. Во время молитвы прибѣгаютъ къ извѣстнымъ, предписаннымъ закономъ знакамъ и тѣлодвиженіямъ: простираютъ руки къ небу, преклоняютъ колѣна, сгибаясь до земли, припадаютъ къ ней лицемъ, всѣмъ сердцемъ и и всѣми членами творятъ молитву, въ которой повторяютъ немногія слова, преимущественно слѣдующія: „Единому безсмертному Богу, Создателю неба и земли, кромѣ котораго нѣтъ инаго Бога, честь и слава во вѣки вѣковъ“.

Съ молитвою они соединяютъ постъ и смиряютъ себя по цѣлымъ днямъ не только голодомъ и жаждою, но и воздержаніемъ отъ всякой непристойной работы и слова; они до глубокой ночи

хлопочутъ только о дѣлахъ богоугодныхъ, потомъ вкушаютъ пищу не въ излишествѣ, но только для возстановленія силъ. Они смѣются надъ нашими постами, не сопряженными ни съ голодомъ, ни съ жаждою, ни съ пепломъ, ни съ размышленіемъ о божественныхъ предметахъ, ни съ бдѣніемъ, ни съ молитвою.

Они щедры въ раздачѣ милостыни, не допускаютъ никого изъ своихъ нищенствовать или погибать отъ голода и холода. Оказывая благодѣянія, они поступаютъ разсудительно: не подаютъ тѣмъ, которые употребили бы ихъ милостыню для удовлетворенія обжорства или роскоши, но помогаютъ бѣднымъ, больнымъ, странникамъ, ученикамъ, изучающимъ науки и ихъ религіозные обряды.

Изслѣдованіе божественныхъ тайнъ они считаютъ беззаконіемъ и кощунствомъ. Они гнушаются нашею дерзостью и называютъ дѣломъ аспидскимъ то, что нѣкоторые изъ насъ разсуждаютъ на пирахъ о судахъ и тайнахъ божественныхъ, всуе употребляя имя Божье. Татары смѣются надъ нашими духовными и пророками, осуждаютъ храмы за ихъ утварь, сѣдалища, алтари и иконы, за изображеніе Бога въ возрастѣ близкомъ къ старости и изображенія красивыхъ женщинъ, возбуждающихъ страсти; смѣются надъ тѣмъ, что мы во время богослуженія услаждаемъ свой слухъ трубами, органами, гармоніями, заглушающими слова молитвы, между тѣмъ какъ естественные наши органы молчатъ.

Ихъ духовныя лица не грѣшатъ ни скупостью, ни честолюбіемъ, они не предаются удовольствіямъ, не заботятся о пріобрѣтеніи помѣстій и совсѣмъ не вмѣшиваются въ мірскія дѣла; они умѣренны, кротки, скромны, ревностны въ исполненіи своихъ обязанностей и заняты исключительно дѣлами вѣры и толкованіемъ закона.

Нашихъ священниковъ порицаютъ не только язычники, но и сосѣди наши русскіе за то, что они пьютъ вино, составляющее предметъ роскоши, ѣдятъ мясо и не женятся, хотя чувствуютъ желаніе производить себѣ подобныхъ; но никто не можетъ быть воздержнымъ безъ особой въ этомъ отношеніи милости Божьей; такъ отъ женитьбы воздерживаются греческіе монахи, живущіе въ безбрачіи, что же касается священниковъ, то они въ древности

имѣли женъ, какъ это видно изъ многихъ мѣстъ священнаго писанія: Левитъ глава 21, ст. 3, Эздры гл. 9, Даніила гл. 14, Іезекіиля гл. 44, Баруха гл. 6, евангеліе отъ Луки гл. 1, ст. 10, 18, посланіе къ Титу I.

Если бы и наши теперь поступали также, воздерживаясь три дня передъ совершеніемъ евхаристіи, то жили бы благочестивѣе, чѣмъ въ этомъ мнимомъ безбрачіи; они изнѣжены пиршествами, постоянно сгораютъ страстью и держатъ наложницъ, т. е. по словамъ Софоніи „сквернятъ святая". Однако мы возлагаемъ на этихъ наемниковъ обязанность хвалить Господа, которую находимъ обременительною для себя, а они между тѣмъ скорѣе раздражаютъ Бога своими развратными нравами, чѣмъ умилостивляютъ его; эту обязанность, возложенную на нихъ мірянами, они въ свою очередь слагаютъ на небрежныхъ викаріевъ, а сами предаются праздности и роскоши и, поѣдая трудъ народа, подобно тому какъ трутни поѣдаютъ медъ пчелъ, они пируютъ, роскошно одѣваются, легкомысленно добиваются духовныхъ должностей, нѣсколькихъ совмѣстно, не достигнувъ еще совершеннаго возраста и не испытавши своихъ способностей, и потомъ погружаются въ мірскія, непристойныя для нихъ дѣла.

Нѣкогда священникамъ не дозволено было владѣть частью земли вмѣстѣ съ народомъ Божіимъ и они пользовались только десятинами; но наши не довольствуются десятинами, подаяніями за отпущеніе грѣховъ и разными другими доходами, которые взимаютъ съ богатыхъ и бѣдныхъ, съ новорожденныхъ, заключающихъ браки, больныхъ, умирающихъ и мертвыхъ; владѣя богатыми помѣстьями, они стремятся завѣдывать управленіемъ нѣсколькихъ церквей совмѣстно, во вредъ обществу и противно праву и здравому смыслу, такъ какъ они въ большинствѣ случаевъ не живутъ при тѣхъ церквяхъ, въ которыя вошли непризванные, по словамъ Господа нашего, не въ дверь, но какъ тати и разбойники. Самыя церкви они отдаютъ на откупъ мірянамъ, торговцамъ, развратникамъ, такъ что многіе изъ нихъ никогда и не видали своихъ приходскихъ монастырей.—Если бы кто отъ границъ Польши по всей Литвѣ, Жмуди и Руси осмотрѣлъ всѣ церкви, изъ которыхъ каждая могла

бы своими доходами прокормить нѣсколькихъ священниковъ, онъ не нашелъ бы ни одной такой, при которой пастырь живетъ постоянно, или по крайней мѣрѣ часто посѣщаетъ ее; потому и колеблется вѣра пасомыхъ, охладѣваетъ любовь къ Богу и останавливается прославленіе его имени.

Но я не хочу навлекать на себя вражды священниковъ, которымъ мы должны повиноваться; и безъ того я задѣлъ слишкомъ много общественныхъ группъ. Довольно того, что я указалъ условія, исправивши которыя мы будемъ жить счастливѣе на славу вашего королевскаго величества, особенно же во славу Божію.

КОНЕЦЪ.

Извлеченіе изъ записокъ Блеза де Виженеръ.

(1573).

На избирательномъ сеймѣ, состоявшемся въ Варшавѣ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1573 года, въ короли польскіе избранъ былъ Генрихъ Валуа герцогъ Анжу, братъ французскаго короля Карла IX, (впослѣдствіи Генрихъ III). Для ознакомленія новаго короля съ государствомъ, въ управленіе которымъ онъ долженъ былъ вступить немедленно, необходимо было составить по мѣрѣ возможности обстоятельную записку. Составленіе ея было поручено Блезу де Виженеръ, который весьма быстро исполнилъ возложенное на него порученіе. Уже въ іюлѣ 1573 года обширная записка, составленная Виженеромъ, поступила въ печать, какъ это видно изъ королевской привилегіи, данной его издателю Жану Ришеру, владѣльцу университетской типографіи въ Парижѣ.—Сочиненіе это, изданное in 4-to, носитъ слѣдующее заглавіе: „La description dy Royaume de Pologne et pays adjacens, avec les statuts, constitutions, moeurs, et façons de faire d'iceux. Par Blaise de Vigénère, secretaire de feu Monseigneur le Duc de Nivernois. A Paris, cher Jean Richr libraire, rue saint Jean de Latran, à l'enseigne de l'arbre Verdoyant. 1573. Avec privilège du roi".

Книга состоитъ, кромѣ выходнаго листа, на которомъ напечатана королевская привилегія, изъ 94 печатныхъ листковъ (188 страницъ) текста. Въ началѣ помѣщено, въ видѣ предисловія, общее описаніе польскаго государства, въ которомъ авторъ опредѣляетъ его границы: „отъ Одера на рубежѣ Бранденбургіи до славной

рѣки Борисѳена и отъ береговъ Понта Евксинскаго, до котораго простираются крайнія части Подолія, — до Сѣвернаго океана у береговъ Помераніи, Пруссіи, Жмуди и Ливоніи". Затѣмъ авторъ говоритъ о численности населенія, о значительныхъ военныхъ силахъ, доставляемыхъ дворянскимъ ополченіемъ, старается опредѣлить главныя черты народнаго характера жителей, отмѣчаетъ плодородіе почвы, важнѣйшія ея произведенія и важнѣйшія статьи внѣшней торговли; при изобиліи продуктовъ, доставляемыхъ почвою, онъ указываетъ только на недостатокъ вина, которое не производится въ Польшѣ „за исключеніемъ только Руси и Подолія". Глава эта заканчивается обширною похвалою заслугамъ, краснорѣчію и дипломатическому такту Іоанна Монтелюка, епископа виленскаго, который, въ качествѣ французскаго посланника на избирательномъ сеймѣ, успѣлъ склонить польскихъ дворянъ къ выбору въ короли Генриха Валуа. Затѣмъ сочиненіе раздѣлено на отдѣльныя главы, изъ которыхъ двѣнадцать посвящены болѣе подробному описанію отдѣльныхъ областей польскаго государства; главы эти слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: великая и малая Польша, Русь (Червоная), Волынь, Подоліе, Мазовія, Куявія, Литва, (въ приложеніи къ описанію этой области мы находимъ подробное описаніе зубра, тура и лося), Жмудь, Ливонія, Пруссія и Померанія, Силезія, Валахія.

Далѣе слѣдуютъ четырнадцать главъ, посвященныхъ описанію государственнаго устройства Польши; эти главы носятъ слѣдующія заглавія: о штатахъ королевства, о епископахъ, о воеводахъ, о кастелянахъ, о старостахъ, о судьяхъ, о канцлерѣ и подканцлерѣ, о подкоморіяхъ, о маршалахъ, о сеймахъ, о порядкѣ избранія королей, о военномъ дѣлѣ, о финансахъ, о монетѣ.—Затѣмъ идутъ двѣ обширныя главы: о татарахъ и московскомъ государствѣ и наконецъ сочиненіе заканчивается перечисленіемъ маршрутовъ и путей, ведущихъ изъ Парижа въ Польшу, а также соединяющихъ между собою важнѣйшіе города польскаго государства.

Къ тексту сочиненія приложены: карта польскаго государства, генеалогическая таблица рода Гедымина, и рисунки, изображающіе тура, лося и охоту на зубра.

Сочиненіе Виженера даетъ понятіе о той суммѣ свѣдѣній, относящихся къ восточной половинѣ Европы, какою обладали на западѣ лица, спеціально занимавшіеся изученіемъ восточно-европейскихъ отношеній. При составленіи даннаго сочиненія авторъ имѣлъ довольно основательныя свѣдѣнія о государственномъ устройствѣ Польши и нѣсколько болѣе общія, но довольно вѣрныя свѣдѣнія о географіи, этнографіи и производительности страны; за то его историческія данныя въ большинствѣ случаевъ являются или совершенно ошибочными или сбивчивыми.

Изъ записокъ Виженера мы представляемъ въ переводѣ только тѣ немногія главы, которыя относятся къ описанію южной Руси.

К. М.

Русь (Червоная).

Южная Русь, составляющая часть всей Руси, о которой будетъ сказано подробнѣе въ отдѣльной главѣ, простирается вдоль Сарматскихъ горъ, которыя мѣстные жители называютъ Татрами и которыя защищаютъ ее съ юга до самой рѣки Днѣстра у предѣловъ Валахіи. Граница эта представляетъ наибольшую ширину этой области, ибо спускаясь по направленію къ Малой Польшѣ и слѣдуя по теченію рѣки Буга, отдѣляющаго Русь съ востока отъ Волыни, территорія ея постепенно съуживается на подобіе щита, вершина котораго оканчивается ниже Люблина и люблинской земли, въ томъ мѣстѣ, гдѣ сходятся предѣлы Литвы, Мазовіи и Волыни. Въ этой провинціи много прекрасныхъ городовъ, изъ нихъ главный Львовъ, гдѣ находится и каѳедра архіепископа. Край этотъ весьма хорошъ, очень плодороденъ, хорошо населенъ и былъ бы еще многолюднѣе, если бы не набѣги и вторженія татаръ, которые по большей части и не выходятъ отсюда. Впрочемъ на границахъ Подолія и Волыни, въ направленіи Каменца, Дунаевецъ и Вишневца содержатся обыкновенно хорошіе и крѣпкіе гарнизоны съ цѣлью задерживать ихъ. Въ содержаніи этихъ гарнизоновъ участвуютъ въ извѣстной мѣрѣ всѣ сословія государства безъ всякаго исключенія, даже придворные

чины великаго князя, соотвѣтственно таксѣ, установленной съ этою цѣлью королемъ Сигизмудомъ I, въ Быдгощи въ 1520 году [1]).

Первый изъ князей польскихъ, нападавшихъ на Русь, о которомъ можно говорить съ достовѣрностью и съ точнымъ обозначеніемъ времени, былъ Болеславъ I, христіанскій король; въ 1008 году онъ выигралъ два большія сраженія противъ Ярослава, взялъ городъ Кіевъ, столицу всѣхъ провинцій, носившихъ въ то время имя Руси и подчинявшихся ея господству, и поручилъ его охрану Святополку, брату Ярослава. Десять лѣтъ спустя онъ одержалъ еще одну крупную побѣду надъ Ярославомъ. Затѣмъ его сынъ и наслѣдникъ Мечиславъ окончательно смирилъ послѣдняго. Но во время междуцарствія въ малолѣтство Казиміра I русскіе имѣли возможность освободиться отъ ига и подчиненія полякамъ и причинить имъ много бѣдствій и урона въ ихъ собственной землѣ. Тѣмъ не менѣе все это было улажено посредствомъ женитьбы Казиміра на сестрѣ вышеупомянутаго Ярослава въ 1042 года [2]). Такимъ образомъ все пребывало въ покоѣ до времени его сына, Болеслава II, который былъ самымъ предпріимчивымъ изъ польскихъ королей по отношенію къ Руси; ибо въ 1074 году онъ силою захватилъ Кіевъ, Перемышль и Луцкъ и вообще всю страну, которую обложилъ большими данями и налогами. Здѣсь онъ провелъ большую часть своего царствованія, благодаря удовольствіямъ и наслажденіямъ, какія находилъ здѣсь.

Но та Русь, о которой мы намѣрены говорить, не простирается такъ далеко, такъ какъ Волынская земля, окаймленная по ту сторону рѣкою Случью, отдѣляетъ ее отъ Кіевской земли, которая простирается до рѣки Борисѳена на востокъ и которою впослѣдствіи овладѣли москвитяне вмѣстѣ съ провинціею Сѣверскою,

---

[1]) Свѣдѣніе это не точно. Въ быдгощской конституціи 1520 года мы встрѣчаемъ лишь общія постановленія относительно порядка мобилизаціи дворянскаго ополченія въ Польшѣ, но въ ней нѣтъ спеціальныхъ мѣръ относительно защиты границъ Руси отъ татаръ (Volumina legum т. I, стр. 177, fol. 392–393).

[2]) Марія-Доброгнѣва, дочь Владиміра св. отдана Ярославомъ въ замужество за Казиміра. (Карамзинъ II, 33; Погодинъ – Изслѣдованія, замѣч. и лекціи V т., 212 стр.).

Смоленскомъ и другими, входившими въ составъ великаго княжества литовскаго. Оправившись за смертью Болеслава, русскіе князья причинили Польшѣ много непріятностей и тревогъ, а тѣмъ самымъ навлекли много зла и разоренія и на собственную страну, такъ какъ Болеславъ Кривоустый, раздраженный дерзостью Ярополка и другихъ русскихъ князей, разгромилъ край изъ конца въ конецъ около 1135 года. А въ 1205 году Лешко Бѣлый одержалъ большую побѣду при Завихостѣ надъ галицкимъ. княземъ Романомъ, который самъ погибъ въ битвѣ и все его войско разсѣяно.

Впослѣдствіи [1]) здѣсь начали появляться татары и отсюда проникли въ Польшу, Силезію и Венгрію, гдѣ совершали жестокости, которыя можно видѣть въ жизнеописаніи Болеслава Стыдливаго, въ царствованіе котораго въ 1241 году, они подчинили себѣ большую половину Руси. Такъ что въ 1258 году князья Левъ и Романъ сопровождали ихъ во время набѣга, который они совершили на Польшу. Отецъ ихъ Даніилъ Романовичъ [2]), устранивши всѣхъ прочихъ соперниковъ, сдѣлался какъ бы монархомъ и единственнымъ властелиномъ этой южной Руси, а въ 1262 году получилъ королевскій титулъ отъ папскаго легата. Но непосредственно вслѣдъ за этимъ онъ, вопреки своимъ обѣщаніямъ, принялся вмѣстѣ съ другими русскими производить многія опустошенія и разоренія въ польскихъ провинціяхъ. Раздраженный этимъ Болеславъ три или четыре года спустя одержалъ надъ ними большую побѣду [3]), такъ что они съ тѣхъ поръ не смѣли пошевельнуться, ни пикнуть слова до 1277 года, когда Левъ, основатель (какъ говорятъ) города Львова, вступилъ съ большимъ войскомъ въ люблинскую землю и прошелъ дальше въ Сендомирію, гдѣ былъ разбитъ и 8,000 изъ его людей остались на мѣстѣ.

---

[1]) Въ текстѣ приведена совершенно ошибочная дата перваго появленія татаръ на Руси—1211 годъ.

[2]) Авторъ смѣшиваетъ Романа Даниловича съ Романомъ Мстиславичемъ и въ силу того Даніила считаетъ сыномъ перваго изъ нихъ; эта генеалогическая путаница исправлена въ переводѣ.

[3]) Коронація Даніила папскимъ легатомъ происходила въ Дротчинѣ не въ 1262, а въ 1255 году. Неудачный походъ на Польшу былъ предпринятъ не Даніиломъ, а сыномъ его Шварномъ черезъ два года послѣ смерти отца въ 1266 году.

Впрочемъ, уже въ 1285 году они снова возвратились вмѣстѣ съ татарами, которые захватили въ плѣнъ безчисленное множество народа и предали ихъ смерти на русской границѣ, за исключеніемъ 20,000 дѣвицъ, которыхъ увели съ собою; въ награду своимъ союзникамъ татары отравили всѣ ихъ рѣки у источниковъ, отчего большинство русскихъ погибло. Въ 1302 году они опять появились въ Сендомиріи и захватили тамъ богатую добычу, но на обратномъ пути поляки разбили ихъ близь Люблина и возвратили подъ свою власть эту крѣпость 57 лѣтъ спустя послѣ того, какъ русскіе заняли ее. Наконецъ въ 1342 году Казиміръ Великій взялъ Львовъ и непосредственно вслѣдъ за тѣмъ Перемышль, Санокъ, Галичъ, Теребовлю, Любачевъ и весь остальной край до самаго Каменца, находящагося на окраинахъ Подолія; съ тѣхъ поръ онъ низвелъ Русь, о которой здѣсь говорится, на степень провинціи, подчиненной польскому королевству, какою она остается и въ настоящее время. Затѣмъ Владиславъ сынъ Ягайла въ 1435 году [1]), при самомъ началѣ своего царствованія, уравнялъ дворянство Руси и Подолія съ польскимъ для того, чтобы отнынѣ оно пользовалось тѣми же правами и привилегіями и составляло одинъ народъ.

Что касается ихъ вѣроисповѣданія, то съ 980 года всѣ русскіе приняли христіанство, хотя и по греческому обряду, которое большинство изъ нихъ исповѣдываютъ и понынѣ, какъ ни стараются они скрывать это. Однако же они были обращены въ католическую вѣру еще со времени Казиміра Великаго, который первый учредилъ епископскую каѳедру во Львовѣ, въ 1361 году. Его преемникъ Людовикъ прибавилъ къ ней впослѣдствіи двѣ другія: въ Перемышлѣ и Владимірѣ и установилъ митрополичью каѳедру въ Галичѣ, откуда она была впослѣдствіи перенесена во Львовъ, а епископская переведена изъ Львова въ Каменецъ.

Жители Руси во всѣ времена были сильно преданы магіи, колдовству и другимъ ужаснымъ чародѣйствамъ. И даже въ 1431

---

[1]) Авторъ вѣроятно имѣетъ въ виду Едлинскій Статутъ Владислава Ягайловича, изданный въ 1433 году (Volumina legum I, 40, fol. 89—95).

году, когда Владиславъ Ягайло очень тѣсно осадилъ городъ Луцкъ, русскіе, захвативши въ плѣнъ нѣсколько поляковъ во время вылазки, принесли въ жертву прекраснаго молодого человѣка въ виду всего войска на городской стѣнѣ, разрѣзали ему горло и всѣ главные вожди пили по глотку горячей крови въ то время, какъ несчастный еще дышалъ. Затѣмъ, распоровши ему животъ, вынули внутренности и сердце, сложили въ большую жаровню, наполненную горящими угольями, и пошли окуривать всѣ закоулки крѣпости, примѣшивая къ выходившему изъ нея дыму извѣстныя чары и магическія слова. Они были убѣждены, что при помощи этихъ волшебствъ освободятся отъ осады [1]).

Главный городъ страны—Львовъ, резиденція архіепископа, затѣмъ въ ней есть города: Перемышль, Кросно, Санокъ, Ярославъ, Пржворскъ, Ланцутъ, Косовъ, Стрый, Березовье (Бжозовъ).

Волынь.

Еслибы не рѣка Бугъ, отдѣляющая эту провинцію на западной ея границѣ, то не было бы нужды давать ей особое названіе. Это одинъ народъ съ червонорусами; у нихъ тотъ же языкъ, тѣ же нравы и обычаи. Поэтому все, что говорилось въ предыдущей главѣ о Болеславѣ II, покорившемъ Русь, должно распространяться и на весь остальной край, до рѣки Борисѳена, до которой простирались его завоеванія въ эту сторону. Но завоеванія Казиміра Великаго не шли дальше рѣки Случи, такъ какъ, подчинивши подъ свою власть сперва южную Русь въ 1342 году, онъ уже въ 1349 овладѣлъ Луцкомъ, Владиміромъ, Холмомъ и всею остальною Волынью, которую въ то время узурпировали сыновья Гедымина, Любартъ и Кейстутъ, и которою они тотчасъ же снова овладѣли. Казиміръ

[1]) Эта нелѣпая сказка вѣроятно была сочинена поляками въ укоръ литовцамъ-язычникамъ, входившимъ въ составъ гарнизона, защищавшаго Луцкъ отъ Ягайла; авторъ, по непонятному недоразумѣнію, вмѣняетъ эти странныя, будто бы магическія, дѣйствія жителямъ Червоной Руси, совсѣмъ не принимавшимъ участія ни въ осадѣ, ни въ защитѣ Луцка.

вторично отнялъ ее въ 1351 году и взялъ въ плѣнъ Любарта, который успѣлъ бѣжать и, собравши наскоро кое-какія силы, еще разъ водворился въ краѣ до 1365 года, когда Казиміръ окончательно отнялъ у него Волынь и отдалъ Александру, сыну Коріята, оставивъ Любарту только Луцкъ и Владиміръ для того, чтобы держать его въ постоянномъ повиновеніи. Но въ 1382 году, за смертью Людовика, короля венгерскаго и польскаго, венгры, составлявшіе гарнизоны въ городахъ, продали ихъ за деньги Любарту. Съ того же времени эта провинція оставалась за Литвою приблизительно до 1432 года, когда Владиславъ Ягайло отнялъ ее у брата своего Свидригайла и отдалъ стародубскому князю Сигизмунду подъ условіемъ, что послѣ его смерти она должна возвратиться къ коронѣ. Такъ и случилось, когда Сигизмундъ былъ убитъ княземъ Иваномъ Чарторыйскимъ въ 1438 году, и съ того времени эта провинція принадлежитъ Польшѣ [1]).

Въ настоящее время это прекрасная и плодородная страна, обильная, подобно Литвѣ и Червоной Руси; очертанія ея округлены и ограничены съ востока рѣкою Случью, съ запада Бугомъ, южною стороною она прилегаетъ къ Руси близь Вишневца, а сѣверная тянется вдоль Литвы. Главный городъ Луцкъ, другіе менѣе значительные: Владиміръ, Холмъ, Брестъ, Белзъ, Олеско, Кременецъ, Городло, Лопатынъ, Ратно и нѣкоторые другіе города и замки [2]).

Подоліе.

Среди всѣхъ польскихъ владѣній болѣе другихъ подвержена опаностямъ и разореніямъ подольская земля, представляющая открытый про-

[1]) Свѣдѣнія автора въ этомъ отношеніи не точны: Волынь входила въ составъ великаго княжества литовскаго до люблинскаго сейма 1569 года и только на этомъ сеймѣ была отторгнута поляками. Въ 1432 году Ягайло отдалъ Сигизмунду Кейстутовичу не одну Волынь, а передалъ ему въ управленіе все великое княжество литовское. Сигизмундъ Кейстутовичъ былъ убитъ заговорщиками въ Трокахъ въ 1440 году.

[2]) Виженеръ составилъ перечень волынскихъ городовъ, основываясь на историческихъ данныхъ; въ современную ему эпоху далеко не всѣ названные имъ

ходъ, какъ бы мостъ для татаръ изъ Перекопа (или какъ его называютъ обыкновенно—Херсонеса Таврическаго), которые совершенно свободно проникаютъ этимъ путемъ на Волынь, въ Червоную Русь, въ Литву и даже Польшу, если обстоятельства тому благопріятствуютъ. Это тѣмъ удобнѣе, что на пространствѣ всей этой провинціи, обнимающей около 120 миль въ длину и 20 или 30 въ ширину, нѣтъ ни одной поперечной рѣки, которая могла бы преградить или затруднить имъ путь. Да если бы даже и были такія рѣки, то вѣдь извѣстно насколько и самъ этотъ вредоносный народъ, и его лошади искусно переходятъ ихъ вплавь, или же на плотахъ, изготовляемыхъ тутъ же на мѣстѣ изъ шестовъ и бревенъ съ помощью древесныхъ вѣтвей; сюда помѣщаютъ татары свои одежды, а въ случаѣ надобности женщинъ и дѣтей, затѣмъ привязываютъ эти плоты къ хвостамъ лошадей, которыя и переправляютъ ихъ на другой берегъ. Впрочемъ, извѣстную часть года татары избавлены и отъ такого труда, такъ какъ сильные морозы, сковывающіе льдомъ всѣ рѣки, повсюду открываютъ для нихъ путь гораздо болѣе удобный зимою, нежели лѣтомъ.

Вотъ причина, сдѣлавшая необитаемыми многія страны и даже подольскій край, который безъ этого былъ бы несомнѣнно самымъ лучшимъ и самымъ плодороднымъ въ ряду всѣхъ другихъ, находящихся подъ властью Польши, такъ какъ почва здѣсь производитъ повсемѣстно виноградъ и шелкъ безъ особыхъ заботъ со стороны человѣка. Мѣстные жители не нуждались бы въ привозныхъ винахъ, еслибы съумѣли найти средства оградить себя отъ татарскихъ вторженій. Впрочемъ, это было бы для нихъ чрезвычайно затруднительно, частью вслѣдствіе причинъ, изложенныхъ подробнѣе въ главѣ о

города находились въ предѣлахъ Волыни, хотя въ болѣе отдаленное время дѣйствительно принадлежали къ этой области. Въ концѣ XVI столѣтія Белзъ и Брестъ были главными центрами отдѣльныхъ воеводствъ. Холмъ считался главнымъ городомъ холмской земли, входившей въ составъ русскаго воеводства, въ этой же землѣ находилось и Ратно; Олеско и Лопатынъ принадлежали также къ русскому воеводству, а Городло къ белзскому. Такимъ образомъ изъ числа названныхъ городовъ только Луцкъ, Владиміръ, Кременецъ и Вишневецъ дѣйствительно находились на Волыни.

татарахъ, частью же и потому, что со времени стычки между ними и подольскимъ дворянствомъ въ 1438 году, въ царствованіе Казиміра Ягайловича, когда подольское ополченіе почти все было разбито и истреблено [1]), дворяне не рѣшались уже возвратиться въ край и мало по малу провинція эта опустѣла и обезлюдѣла вслѣдствіе постоянныхъ набѣговъ и вторженій со стороны татаръ не только перекопскихъ, но и заволжскихъ, гораздо болѣе отдаленныхъ. Въ 1469 году, во времена Казиміра III, эти послѣдніе перешли рѣку Борисѳенъ подъ предводительствомъ своего царя Маняка, разсѣялись по всей Литвѣ, Валахіи и Подоліи, повсюду причиняя многія бѣдствія, и увели въ плѣнъ безчисленное множество народа. Они возвратились еще разъ въ 1474 году подъ начальствомъ Аидора, сына Эцигера, и несмотря на то, что ихъ было не болѣе семи тысячъ, все таки успѣли ограбить край на пространствѣ болѣе ста миль въ длину и тридцати въ ширину до городовъ: Каменца, Галича и Дунаевецъ и еще дальше, захвативши болѣе 40,000 плѣнныхъ [2]) и все это вслѣдствіе небрежности вышеупомянутаго Казиміра, который забавлялся въ это время какими то приготовленіями къ войнѣ съ Силезіею. Въ 1494 году, въ царствованіе его

---

[1]) Подъ 1438 годомъ Длугошъ описываетъ набѣгъ Шейхъ-Ахмета на Подоліе, которое подверглось полнѣйшему опустошенію; дворяне подольскіе, погнавшіеся за татарами, были разбиты на голову и многія знатныя лица погибли въ битвѣ, въ томъ числѣ подольскій староста Михаилъ Бучацкій. Длугошъ зналъ лично одного изъ участниковъ этой битвы, Яна Влодковича, герба Сулима. (Histor. Polon. lib. XI).

[2]) Оба татарскіе набѣга: 1469 и 1474 гг. описаны подробно у Длугоша и Мартина Бѣльскаго. Виженеръ вѣроятно заимствовалъ разсказъ отъ Длугоша, со словъ котораго онъ считаетъ первый изъ этихъ набѣговъ нападеніемъ заволжскихъ татаръ, но, сокращая повѣствованіе Длугоша, онъ опустилъ подробность, точнѣе опредѣляющую составъ нападавшей на Подоліе орды въ 1469 году. Длугошъ говоритъ, что это было „многочисленное татарское войско, составившееся за Волгою изъ бѣглецовъ, разбойниковъ и изгнанниковъ, скопище, называемое по татарски „козаками“. Трудно опредѣлить, кто былъ предводитель этого скопища, называемый у Длугоша и Виженера ханомъ Манякомъ.—Около этого времени въ числѣ крымскихъ бековъ мы встрѣчаемъ бека Мамака, то самостоятельно, то по порученію Менгли-Гирея сносившагося въ в. к. московскимъ и занимавшаго впослѣдствіи должность татарскаго тудуна (консула) въ Кафѣ.

Относительно набѣга 1474 года можно утверждать навѣрно, что онъ былъ предпринятъ крымцами подъ начальствомъ ихъ мурзы Айдара, сына Эцигера. Длу-

сына, короля Яна Альберта, вторглись перекопскіе татары и разбили на голову близь вишневецкаго замка всѣхъ поляковъ, гнавшихся за ними съ цѣлью отбить захваченную ими добычу[1]).

Турки явились впервые правдоподобно въ 1476 году и произвели большое разореніе. Но во всякомъ случаѣ мирныя и союзническія отношенія, установившіяся съ того времени между польскими королями и оттоманскимъ дворомъ, удерживали ихъ отъ дальнѣйшихъ вторженій. Но вообще эта несчастная страна подвержена жестокостямъ восточныхъ варваровъ, подобно скалѣ, открытой для морскихъ волнъ, и было бы чрезвычайно трудно гарантировать ей безопасность и заселить ее наново.

Что касается происхожденія здѣшнихъ жителей, то нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что они, подобно прочимъ, принадлежатъ къ славяно-русскому племени; такъ какъ и языкъ ихъ, и нравы, и обычаи почти тождественны съ таковыми же на Червоной Руси, Волыни и Литвѣ, но подчинились они полякамъ развѣ со времени Казиміра Великаго, который, завоевавши около 1342 года земли перемышльскую, саноцкую, галицкую, теребовельскую и любачевскую, прошелъ до Каменца и дальше черезъ цѣлое Подоліе. Впослѣдствіи Владиславъ Ягайло отдалъ его въ 1394 году на правахъ леннаго владѣнія своему двоюродному брату, Витувту который еще сверхъ того захватилъ силою города: Каневъ[2]) и Черкассы на рѣкѣ Борисѳенѣ или Днѣпрѣ. Но уже въ 1396 году тотъ же Ягайло отдалъ въ залогъ этотъ ленъ краковскому воеводѣ Спытку изъ Мельштына за сумму въ 6,250 червонцевъ. Затѣмъ выкупилъ Подольскую землю у его дѣтей въ 1403 году, чтобы отдать сво-

---

гошъ указываетъ на то, что мурза предпринялъ набѣгъ безъ разрѣшенія хана и что о сборахъ его въ походъ заблаговременно зналъ кіевскій воевода Мартинъ Гаштольдъ, пять разъ тщетно извѣщавшій короля Казиміра о грозившей опасности и просившій помощи для ея отраженія. Притомъ М. Бѣльскій указываетъ на то, что орда переправилась черезъ Днѣстръ у Тавани.—(Длугошъ Histor. Polon. lib. XIII; M. Bielski—Kronika Polska, стр. 462. Смирновъ.—Крымское ханство, стр. 255, 256, 265).

[1]) См. у М. Бѣльскаго, стр. 482.

[2]) Въ подлинникѣ Zecominie.

ему брату Свидригайлу, у котораго отнялъ ее уже въ 1405 г. за его неповиновеніе и дурное поведеніе и передалъ Петру Влодку изъ Харбиновичъ; отобралъ и отъ него въ 1411 году и вторично вручилъ тому же Витовту [1]), который и провладѣлъ ею до конца жизни; умеръ онъ въ 1431 году болѣе 80 лѣтъ отъ роду.

Итакъ, эта жалкая и несчастная подольская земля, отвоеванная у татаръ Казиміромъ II, укрѣпившимъ ее нѣсколькими замками, каковы: Каменецъ, Хотинъ, Цекиновка, Бакота, Межибожъ и другіе, по смерти его перешла къ венгерскому королю Людовику, наслѣдовавшему послѣ него польскую корону, затѣмъ досталась Ягайлу, терзавшему ее, какъ вы видѣли, но со времени этого послѣдняго не подвергалась больше ни передачамъ, ни отчужденіямъ и могла бы воспользоваться нѣкоторымъ спокойствіемъ или хоть передышкою, если бы не татарскіе набѣги. Говорятъ, что почва этой страны настолько хороша и плодородна, что если оставить въ полѣ плугъ, то онъ въ теченіи двухъ или трехъ дней до того заростаетъ травою, что отыскать его трудно. Край изобилуетъ медомъ и воскомъ и могъ бы прокормить огромное количество стадъ, если бы возможно было разводить ихъ.

Главный городъ Каменецъ, въ которомъ находится каѳедра епископа, но городъ этотъ скорѣе можетъ быть причисленъ въ Червоной Руси, такъ какъ лежитъ на самой ея границѣ, вдали отъ опасности; онъ отстоитъ на 120 большихъ миль отъ Чернаго моря,

---

[1]) Подобно другимъ историческимъ даннымъ, свѣдѣнія Виженера о Подоліи довольно сбивчивы. Страна эта не была завоевана поляками при Казимірѣ Великомъ въ 1342 г., но отнята у татаръ Ольгердомъ въ 1362 году, затѣмъ состояла въ управленіи князей Коріятовичей, получившихъ ее отъ Ольгерда въ ленное владѣніе. Въ 1393 г. Витовтъ за неповиновеніе смѣстилъ Федора Коріятовича и управлялъ страною посредствомъ старостъ; въ 1396 г., нуждаясь въ деньгахъ, онъ отдалъ въ залогъ западную половину Подолія королю Ягайлу за сумму въ 20,000 червонцевъ, а тотъ перезаложилъ ее за ту же сумму богатому малопольскому магнату, Спытку изъ Мельштына; послѣдній палъ въ битвѣ на берегахъ Ворсклы въ 1399 г. Выкупивши Подоліе у наслѣдниковъ Спытка, король передалъ его Свидригайлу въ 1400 г. Но въ 1404, вслѣдствіе измѣны Свидригайла, заключившаго противъ него договоръ съ крестоносцами, отнялъ у него Подоліе и началъ управлять областью посредствомъ старостъ, изъ которыхъ послѣднимъ былъ, по словамъ Длугоша, Петръ Влодекъ изъ Харбиновичъ. Въ 1411 г. Витовтъ возвратилъ запятую у короля сумму,

которое составляетъ южную границу Подолія и съ береговъ котораго врываются татары. Съ востока и сѣвера подольская земля ограничена рѣкою Бугомъ, вливающимся въ Борисѳенъ у крѣпости Дашева (Очаковъ); западную границу составляетъ Днѣстръ, отдѣляющій этотъ край отъ Валахіи, и только незначительное пространство на сѣверозападѣ прямо примыкаетъ къ Червоной Руси, въ окрестности упомянутаго города Каменца.

Впрочемъ вся страна принадлежитъ къ каменецкой епархіи и каменецкому воеводству. Воевода засѣдаетъ въ сенатѣ непосредственно передъ воеводою белзскимъ.

Туръ, зубръ и лось.

Urus, называемый туземцами туромъ, есть собственно порода дикаго быка, но онъ несравненно крупнѣе домашняго и среди всѣхъ животныхъ уступаетъ величиною одному слону. Вся его шерсть чернаго цвѣта и только вдоль хребта пролегаетъ бѣловатая полоса. Водятся они на границахъ Мазовіи и Литвы и то лишь въ нѣкоторыхъ селахъ, жителямъ которыхъ вмѣняется въ обязанность охранять ихъ въ особыхъ отдѣлахъ пущи, обнесенныхъ деревянными оградами на подобіе парковъ, такъ чтобы они не могли бродить по лѣсамъ подобно другому звѣрю. Туры могутъ соединяться съ домашними коровами, но въ такомъ случаѣ они уже не допускаются себѣ подобными въ общее стадо; ихъ изгоняютъ съ большою настойчивостью и даже иногда убиваютъ до смерти. Телята, которыя происходятъ отъ такого смѣшенія, недолговѣчны. Мясо тура не хуже и не лучше говядины, больше всего цѣнится его кожа; изъ нея выдѣлываются прекрасные пояса, о которыхъ разсказываютъ, будто они имѣютъ свойство облегчать роды.

получилъ обратно Подольскую землю и назначалъ въ ней старостъ. Послѣ его смерти въ 1431 г. польскіе дворяне посредствомъ хитрости овладѣли каменецкимъ замкомъ и присоединили западное Подоліе къ Польшѣ. (Stadnicki—Synowie Gedymina I, 36, 89, 90. Длугошъ. Histor. Polon. liber XI).

Вообще описаніе тура, составленное Геснеромъ, крайне ошибочно; онъ смѣшалъ тура съ зубромъ и отличительныя черты одного приписалъ другому.

Бизонъ, котораго литовцы называютъ зубромъ, животное дикое и свирѣпое; внѣшніе покровы зубра напоминаютъ льва, но въ отличіе онъ имѣетъ у подбородка большую длинную бороду; голова его невелика, глаза большіе, огненные, взглядъ косой и свирѣпый, лобъ широкій, рога огромные и такъ раскинуты, что въ промежуткѣ между ихъ концами могли бы усѣсться три полновѣсные человѣка. На спинѣ помѣщается высокій горбъ какъ у дромадера или верблюда, покрытый длинною, волнистою шерстью. Мунстеръ ошибался, приписывая эти качества лосю.

Желающіе охотиться на зубра должны обладать легкостью, ловкостью и смѣлостью, такъ какъ эти животныя горды и свирѣпы, не щадятъ своихъ противниковъ, будутъ ли то люди, собаки, лошади или другія животныя. Они до того дики, что нѣтъ никакой возможности приручить ихъ даже въ такихъ случаяхъ, если удается овладѣть ими въ самомъ раннемъ возрастѣ. Поймать ихъ живьемъ можно только въ западню, т. е. яму, прикрытую вѣтвями и листьями, какія устраиваютъ въ пустынныхъ мѣстахъ, гдѣ они пасутся.

Желая развлечься охотою на зубра, выбираютъ мѣстность, изрѣдка поросшую деревьями такой толщины, чтобы можно было быстро обѣгать вокругъ ствола и чтобы онъ вполнѣ прикрывалъ собою тѣло человѣка. Расположившись по мѣстамъ за деревьями, охотники начинаютъ выгонять звѣря криками, звукомъ роговъ, а также при помощи собакъ. Замѣтивъ охотника зубръ съ яростью бросается на него, но охотникъ прячется за дерево и оттуда старается наносить ему удары рогатиною. Ярость животнаго усиливается отъ полученныхъ ранъ, оно пытается захватить охотника языкомъ, до такой степени жесткимъ, цѣпкимъ и бугорчатымъ, что если удается зубру достать хоть край одежды, онъ немедленно притягиваетъ человѣка, не взирая на сопротивленіе, и терзаетъ на части. Если охотникъ, бѣгающій вокругъ дерева изнемогаетъ въ борьбѣ, ему стоитъ только бросить въ сторону шапку или кусокъ краснаго сукна и животное тотчасъ

же набрасывается на этотъ предметъ, терзаетъ его въ клочки ударами копытъ и роговъ, а тѣмъ временемъ охотникъ имѣетъ возможность вздохнуть и собраться съ силами. Тогда другой охотникъ, стоящій вблизи, желая принять участіе въ развлеченіи и отозвать звѣря въ свою сторону, повторяетъ два-три раза возгласъ: лу, лу, лу! Зубръ немедленно бросается къ новому противнику и такимъ образомъ охотники смѣняютъ другъ друга, пока не убьютъ звѣря. Охота непремѣнно должна окончиться его смертью, такъ какъ зубръ, разъ напавши на человѣка, не отстаетъ до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ двухъ противниковъ не останется на мѣстѣ.

Нѣмцы называютъ словомъ „Ellend“ животное, которое по латыни называется Alces, полякамъ же и литовцамъ извѣстно подъ именемъ *лося* или *повода*. Но поляки совершенно ошибочно принимаютъ его за дикаго осла, на котораго онъ не похожъ ничѣмъ кромѣ ушей; ноги его двукопытые и почти совсѣмъ подобны оленьимъ, но значительно больше, такъ какъ нога лося почти равняется ногѣ быка. Рога его скорѣе напоминаютъ рога даніела (cervus dama); они раскинуты и приплюснуты въ видѣ ладони, глаже оленьихъ, менѣе бугорчаты и болѣе испещрены бороздками чѣмъ у послѣдняго; ихъ вѣтви короче и прямѣе и цѣлый рогъ почти бѣлаго цвѣта. Лось имѣетъ довольно длинную шерсть, уши подобные ослинымъ, какъ сказано выше, и большой зобъ, висящій у шеи, морда его безобразно длинная, а верхняя губа такъ сильно выдается впередъ, что онъ принужденъ грызть траву пятясь назадъ.

Цезарь, Плиній и Павзаній писали о немъ много, но поверхностно, не ознакомившись съ нимъ, какъ это сдѣлалъ и Альбертъ Великій, несмотря на то, что жилъ значительно позже ихъ.

Слово Ellend на нѣмецкомъ языкѣ означаетъ несчастье и дѣйствительно животное это весьма достойно сожалѣнія, если правда, что оно подвергается ежедневно припадкамъ падучей болѣзни, какъ это говорятъ о немъ. Зато его копыта обладаютъ цѣлебнымъ свойствомъ противъ той же болѣзни, если носить ихъ на шеѣ, или въ видѣ кольца на пальцѣ, а также если принимать ихъ внутрь. Животное это отличается чрезвычайною быстротою бѣга, причемъ ско-

ростью и продолжительностью превосходитъ оленя; лось бѣжитъ не галопомъ, какъ другіе, но рысью и вскачь. Если его взять живьемъ, онъ тотчасъ же издыхаетъ, какъ бы ни были ничтожны полученныя имъ поврежденія; вслѣдствіи этого онъ очень боязливъ, даже гораздо пугливѣе дикой козы. Однако, если удастся овладѣть очень молодыми особями, то ихъ можно приручить. Кожу его выдѣлываютъ, подобно буйволовой, но въ издѣліяхъ она отличается большею крѣпостью и упругостью.

Дальше въ текстѣ слѣдуетъ описаніе города Вильно и 18 главъ, посвященныхъ большею частью внутреннему устройству и администраціи польскаго королевства, но не имѣющихъ прямаго отношенія къ южно-русскимъ землямъ. Изъ главы 27-й „о войнѣ“ помѣщаемъ нѣкоторыя извлеченія, представляющія существенный интересъ, опуская субъективныя разсужденія автора о происхожденіи войны вообще, о ея цѣляхъ, задачахъ и пріемахъ, обусловливающихъ успѣхъ.

Устройство военнаго дѣла въ Польшѣ.

Въ силу своихъ старинныхъ правъ дворяне, которые одни среди всѣхъ сословій носятъ оружіе въ Польшѣ, обязаны къ военной службѣ только внутри страны и на границахъ, не выходя изъ предѣловъ государства. Поэтому, если бы король пожелалъ вести ихъ дальше, то можетъ сдѣлать это не иначе, какъ съ ихъ согласія и за особую плату. Сверхъ того онъ обязанъ вносить выкупъ за каждаго дворянина, взятаго въ плѣнъ, а также уплачивать имъ стоимость всѣхъ утраченныхъ ими замковъ. При всемъ томъ они чрезвычайно рѣдко выступаютъ въ битву со всѣми своими силами заразъ, откладываютъ генеральное сраженіе до послѣдней возможности и, даже въ случаѣ крайней необходимости, никогда не выводятъ сразу всѣхъ своихъ людей, не оставивъ нѣкотораго подкрѣпленія, къ которому можно прибѣгнуть въ крайнемъ случаѣ.

Поэтому главная армія никогда не подымается раньше, чѣмъ будутъ собраны предварительно частныя ополченія въ обычномъ пунктѣ

для каждой провинціи, а именно: для холмской земли въ Грубешовѣ, для белзской въ Бужскѣ, для перемышльской въ Мосцискѣ, для подольской въ Каменцѣ, для саноцкой въ Санокѣ, для львовской въ Вишнѣ и для галицкой въ Теребовлѣ. Всѣ дворяне, обязанные участвовать въ походѣ, должны присутствовать на этихъ сборахъ и мѣстный всевода производитъ имъ смотръ. Если кто изъ нихъ скажется больнымъ, воевода отправляется къ нему съ тремя или четырьмя лицами изъ дворянъ, чтобы представить отчетъ королю. Это служитъ извиненіемъ и оправданіемъ для неявившихся, но во всякомъ случаѣ каждый долженъ предварительно подтвердить клятвою свое заявленіе о болѣзни за поручительствомъ четырехъ другихъ дворянъ. Но въ случаѣ, если бы подобное заявленіе оказалось ложнымъ, король имѣетъ право лишить уклоняющагося всѣхъ его владѣній какъ личныхъ, такъ и наслѣдственныхъ, и передать ихъ другому, потому что никто не вправѣ отказываться отъ участія въ войнѣ за исключеніемъ больныхъ, стариковъ и тѣхъ, кто удерживается по необходимости исполненіемъ какихъ либо общественныхъ должностей: подстаросты гродскихъ судовъ и коменданты пограничныхъ крѣпостей, которыя обыкновенно не поручаются лицамъ, владѣющимъ большими доходами для того, чтобы тѣмъ самымъ не уменьшать количества войска. Всѣ же прочіе обязаны присутствовать лично, или же участвовать въ размѣрѣ своего имущества, каждый въ своей области. Впрочемъ, если кто имѣетъ брата или сына, по лѣтамъ способнаго носить оружіе, то можетъ послать его вмѣсто себя подъ условіемъ, чтобы этотъ послѣдній не владѣлъ отдѣльною поземельною собственностью и не состоялъ при дворѣ короля или какого нибудь принца или вельможи. Если кто владѣетъ помѣстьями въ различныхъ воеводствахъ, то личность его привязана къ его обычному мѣсту жительства, по всѣмъ же остальнымъ онъ обязанъ участвовать опредѣленнымъ количествомъ вооруженныхъ воиновъ: такъ какъ всякій дворянинъ, владѣющій землями (жалованными или наслѣдственными), помѣстьями, селами, мѣстечками и замками, безусловно обязанъ лично присутствовать въ ополченіи съ такимъ количествомъ людей и лошадей, какое соотвѣтствуетъ количеству извлекаемыхъ ими доходовъ. Также

точно поступаютъ турки по отношенію къ такъ называемымъ тимаріотамъ. Эти собственники не получаютъ никакого вознагражденія и принуждены сами нести всѣ расходы, но за то и не обязаны выходить за предѣлы государства противъ своей воли или безплатно.

Прочіе воины, не владѣющіе доходными статьями, содержатся на суммы, получаемыя отъ податей и налоговъ, обыкновенно налагаемыхъ въ такихъ случаяхъ на каждый моргъ пахатной земли и на частные дома въ городахъ. Затѣмъ существуетъ еще контрибуція, доставляемая духовенствомъ, купцами, вдовами, евреями и др. Всѣ лица, занимающіяся какою нибудь торговлею въ укрѣпленныхъ городахъ, (тѣмъ болѣе, что въ деревняхъ никакой торговли нѣтъ) обязаны доставлять по одному конному и вооруженному воину, если имущество ихъ достигаетъ стоимости въ 1,000 червонцевъ. Имѣющіе 500 червонцевъ доставляютъ одного пѣшаго, тѣ же, кто имѣетъ меньше или больше, соединяются по нѣсколько домовъ вмѣстѣ, пока не составится одна изъ требуемыхъ суммъ. Войты, бурмистры и райцы каждаго города обязаны строго слѣдить за правильнымъ выполненіемъ этой повинности, между тѣмъ какъ воеводы, кастеляны и тѣ, на кого угодно будетъ королю возложить это дѣло, должны созывать этихъ людей, удостовѣряться въ томъ, находятся ли сами они и ихъ вооруженія въ надлежащей исправности, и затѣмъ разсылать ихъ въ разныя мѣста по своему усмотрѣнію.

Что касается духовенства и церковныхъ земель, то они облагаются такою же повинностью и доставляемые ими солдаты имѣютъ собственныхъ вождей и начальниковъ, равно какъ и солдаты, доставляемые вдовами, малолѣтними и больными, пославшими другихъ вмѣсто себя; всѣ они составляютъ особые отряды. Наконецъ и самое духовенство, даже епископы, не избавлены отъ обязанности лично участвовать въ войнѣ, когда представится въ томъ необходимость, или же, когда самъ король выступаетъ въ походъ. Сверхъ того города, получающіе 1,000 червонцевъ дохода съ общаго имущества, обязаны доставлять по 10 конныхъ, хорошо вооруженныхъ людей; получающіе 500 червонцевъ доставляютъ 5 человѣкъ, т. е. по одному всаднику за каждые 100 червонцевъ. Евреи несутъ эту по-

винность наравнѣ съ купцами, равно какъ и земледѣльцы, за исключеніемъ огородниковъ.

Вообще, когда подымается посполитное рушеніе, король обыкновенно участвуетъ въ немъ лично, если только не удерживаетъ его болѣзнь или другое препятствіе. Если военныя дѣйствія происходятъ въ нѣсколькихъ пунктахъ одновременно, то онъ отправляется на постъ самый важный и опасный, посылая на другіе воеводъ, кастелляновъ, или иныхъ лицъ по своему усмотрѣнію. Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда король самъ присутствуетъ въ арміи, на ряду съ нимъ бываетъ сановникъ, который завѣдываетъ всѣмъ военнымъ дѣломъ—это гетманъ. Онъ располагаетъ лагерь, размѣщаетъ въ немъ войско, распоряжается продовольствіемъ и боевыми припасами, распредѣляетъ гауптвахты, караулы и пикеты, направляетъ въ битву тѣ или другіе отряды войскъ по своему усмотрѣнію и устанавливаетъ окончательный планъ битвы. Назначаетъ его король вмѣстѣ со своимъ совѣтомъ, равно какъ и другихъ военачальниковъ, называемыхъ *поручниками* [1]), которыхъ они выбираютъ изъ лицъ самыхъ способныхъ въ каждомъ воеводствѣ.

Но если бы случайно такихъ лицъ въ воеводствѣ не оказалось, или же они не пожелали бы принять этой должности, то король вмѣстѣ съ гетманомъ назначаютъ ихъ изъ другаго воеводства, причемъ жалованье имъ, въ размѣрѣ 100 золотыхъ за каждые 10 лошадей для каждой хоругви, состоящей изъ 200 всадниковъ, уплачивается изъ суммъ того воеводства, войсками котораго они предводительствуютъ. Но за то при всѣхъ переходахъ и передвиженіяхъ поручникъ обязанъ зорко слѣдить за ввѣренными ему командами для того, чтобы солдаты не предавались грабежамъ, не взимали съ жителей никакихъ поборовъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ одинъ является отвѣтственнымъ лицомъ за всѣ причиненные убытки. Поэтому каждый изъ нихъ обыкновенно удерживаетъ нѣкоторую часть жалованья своихъ солдатъ и такимъ

[1]) Въ устройствѣ польскаго войска начальники отдѣльныхъ частей носили титулъ полковниковъ; поручниками назывались младшіе офицеры, заступавшіе мѣсто ротмистра въ его отсутствіе. Ротмистры начальствовалъ хоругвями, количество которыхъ въ полку было неопредѣлено и достигало иногда двухъ, даже трехъ десятковъ. Авторъ очевидно ошибается, приписывая поручникамъ такое важное значеніе.

образомъ вознаграждаетъ понесенныя жителями потери. Если отрядъ велъ себя хорошо, поручникъ возвращаетъ эти деньги по окончаніи похода, когда разводитъ по домамъ свои хоругви въ то самое мѣсто, гдѣ получилъ ихъ изъ рукъ кастеляновъ, которые собираютъ ополченіе и распредѣляютъ ихъ на полки и хоругви.—Таковъ въ общихъ чертахъ тотъ порядокъ, какого держатся поляки въ военномъ дѣлѣ, составляющемъ единственное ихъ занятіе какъ дворянъ, которые не должны признавать ничего другаго.

Что касается ихъ вооруженія и военныхъ пріемовъ, то они всегда представляли легкую конницу, одѣтую въ кольчуги и кафтаны изъ лосиной или буйволовой кожи; главное оружіе ихъ составляетъ очень длинное копье, топоръ, булава и ножъ. Большинство изъ нихъ въ особенности жители Литвы, Червоной Руси, Волыни и Подолія употребляютъ сверхъ того турецкій лукъ и стрѣлы, которыми владѣютъ съ большимъ искусствомъ; всѣ же прочіе, уроженцы великой и малой Польши и Пруссіи уже освоились съ пистолетами и карабинами. Во всякомъ случаѣ они менѣе пригодны къ пѣхотной службѣ, нежели къ кавалерійской, а также менѣе способны къ осадѣ или защитѣ крѣпостей, чѣмъ къ сраженію въ открытомъ полѣ. Поэтому, когда польская конница имѣетъ дѣло съ непріятелемъ тяжело вооруженнымъ, она никогда не вступаетъ сразу въ рукопашный бой, но старается безпрерывными аттаками своихъ летучихъ отрядовъ утомить и ослабить его и, если возможно, произвести безпорядокъ въ непріятельскихъ рядахъ. Напротивъ, въ войнахъ съ татарами, москвитянами и всякимъ другимъ непріятелемъ, употребляющимъ тѣ же пріемы, поляки поступаютъ совсѣмъ наоборотъ и стараются какъ можно скорѣе перейти къ холодному оружію, такъ какъ они лучше вооружены, лошади ихъ крѣпче и сами они отважны, мужественны и непоколебимы.

О татарахъ.

Король Владиславъ Локетокъ, приказавши отыскивать мертвыхъ послѣ крупной побѣды, одержанной имъ надъ прусскими крестоносцами, замѣтилъ бѣднаго дворянина, лежащаго навзничь на землѣ, который полу-

чилъ нѣсколько ранъ и удерживалъ руками вывалившіяся изъ живота внутренности. „Посмотрите, каково мужество этого человѣка," замѣтилъ король сопровождавшимъ его лицамъ, Боже мой, какія мученія долженъ онъ испытывать". „Конечно, государь, отвѣчалъ тотъ, но еще больше терпятъ тѣ, у кого есть дурной сосѣдъ, подобный моему".

Король, которому легко было сдѣлать это, тотчасъ избавилъ его отъ мученія, предоставивъ ему одному все помѣстье. Но было бы дѣломъ, несравненно болѣе высокимъ и прекраснымъ, если бы этотъ король или кто нибудь изъ его преемниковъ могъ освободить свой народъ отъ татаръ и москвитянъ, двухъ столь дурныхъ и зловредныхъ сосѣдей и вѣчныхъ враговъ, изъ которыхъ первый превосходитъ жестокостью самые варварскіе и безчеловѣчные народы, какіе когда либо существовали. Что же касается втораго, то онъ въ непродолжительномъ времени силою и могуществомъ сравняется съ турками, которыхъ также можно было бы пріобщить къ первымъ двумъ, если бы не удалось установить съ ними нѣкоторое подобіе мира.

Но что за народъ были татары въ древности, гдѣ они обитали первоначально, откуда вышли въ первый разъ, чтобы поселиться въ этихъ странахъ, что они дѣлали и чего не дѣлали,— сказать обо всемъ этомъ что нибудь положительно чрезвычайно трудно, такъ какъ это былъ народъ малоизвѣстный, всѣми презираемый и до того варварскій, можно сказать скотоподобный, что тѣ, которые могли оставить о немъ кое какія письменныя свѣдѣнія, или сами ничего не слыхали, или же считали излишнимъ тратить черпила на такой презрѣнный предметъ. Точно такъ же и сами татары, не знавшіе употребленія письма, тѣмъ менѣе могли оставить потомству какія нибудь воспоминанія о своихъ дѣяніяхъ и судьбахъ. Впрочемъ подъ конецъ у нихъ не было недостатка въ писателяхъ, подобно инымъ, болѣе храбрымъ и образованнымъ народамъ, не взирая на то, что это племя никогда не было въ состояніи усвоить себѣ какую нибудь цивилизацію или понятіе о честности, смягчить нравы и приспособиться къ болѣе культурнымъ формамъ быта.

Дѣйствительно татары даже наружностью отличаются отъ другихъ народовъ: цвѣтъ кожи ихъ смуглый, носъ приплюснутый, глаза

небольшіе, впалые и горящіе, взглядъ всегда косой, лицо круглое и плоское, какъ тарелка, лишенное волосъ на бровяхъ и щекахъ за исключеніемъ бороды, которую они отпускаютъ очень старательно; при большей полнотѣ они малаго роста, но несмотря на это обладаютъ чрезмѣрною силою и выносливостью въ трудѣ и лишеніяхъ, больше какого бы то ни было другаго народа. Такъ напримѣръ, татарамъ случается иногда пробыть верхомъ цѣлыхъ четверо сутокъ, не вставая съ лошади, безъ пищи и питья. Если подъ конецъ татаринъ почувствуетъ себя слишкомъ слабымъ, истощеннымъ отъ голода и жажды, онъ надрѣзываетъ кожу своей лошади и выпиваетъ добрый глотокъ крови, отчего лошадь, по ихъ словамъ, становится еще лучше. За то по возвращеніи изъ похода они объѣдаются и спятъ за четверыхъ. Поэтому случается нерѣдко, что русскіе и литовцы настигаютъ татаръ (вторгнувшихся въ ихъ страну съ цѣлью грабежа) въ состояніи полнаго безчувствія отъ пресыщенія и сна и производятъ страшную рѣзню.

Любимую пищу для нихъ составляетъ конина, причемъ внутренности и потроха предназначаются главнѣйшимъ начальникамъ и вождямъ, равно какъ и голова, которая считается самымъ цѣннымъ и лакомымъ кушаньемъ, подобно тому какъ бы у насъ хорошо приготовленная кабанья голова, а запиваютъ это нѣжнѣйшимъ для нихъ напиткомъ — кобыльимъ молокомъ, отъ котораго, по ихъ мнѣнію, они дѣлаются сильнѣе.

Вообще какъ продовольствіе татаръ, такъ и вся ихъ жизнь тѣсно связана съ ихъ лошадьми, такъ какъ эти послѣднія служатъ имъ во время войны, носятъ ихъ самихъ и всѣ необходимыя припасы, одежду и багажъ, питаютъ ихъ своею кровью, мясомъ и молокомъ. И въ самомъ дѣлѣ сами татары скорѣе похожи на лошадей, нежели на существа, одаренные разсудкомъ. Они не признаютъ инаго занятія кромѣ войны, т. е. внезапныхъ набѣговъ, сопровождаемыхъ убійствами и грабежами, такъ какъ ни осады, ни обороны замковъ у нихъ не бываетъ и въ поминѣ. Если удается заманить ихъ изъ степи (гдѣ они чрезвычайно опасны вслѣдствіе своей многочислен-

ности и боевыхъ пріемовъ) въ мѣста тѣсныя и закрытыя, тогда не трудно уже покончить съ ними.

Впрочемъ, татары никогда не просятъ пощады и, хотя избѣгаютъ правильной войны, до послѣдняго издыханія защищаются ногтями и зубами, если не имѣютъ другаго оружія. Дѣйствительно, вооруженіе ихъ весьма несложно и состоитъ по большей части изъ одного лука и стрѣлъ, иногда съ прибавкою кинжала или меча. Они никогда не употребляютъ копій и потому не встрѣчаютъ непріятеля лицомъ къ лицу, сомкнутымъ строемъ и въ боевомъ порядкѣ, а только безпрерывно нападаютъ и отступаютъ. То вдругъ яростно и неудержимо набрасываются на непріятеля, затѣмъ также внезапно обращаются въ бѣгство и это ихъ самый опасный пріемъ; таковы были древніе парѳяне, отъ которыхъ татары вѣроятно позаимствовали нѣкогда эту хитрость. Затѣмъ они тотчасъ же снова смыкаютъ свои ряды и стараются какъ можно тѣснѣе окружить и оцѣпить непріятеля, оставляя всегда свободный проходъ для тѣхъ, которые продолжаютъ тревожить его своими аттаками. Во всемъ этомъ они наблюдаютъ величайшій порядокъ и къ этому сводится ихъ военная хитрость и дисциплина. Если разъ удастся остановить ихъ или смѣшать ряды, то нѣтъ уже никакой возможности возстановить порядокъ и татары бѣгутъ, сломя голову.

За то, когда перевѣсъ на ихъ сторонѣ, они быстрымъ, усиленнымъ движеніемъ рѣшаютъ битву и тогда побѣжденные должны приготовиться ко всевозможнымъ жестокостямъ, какія только можно вообразить; поэтому для каждаго гораздо предпочтительнѣе быть убитымъ на мѣстѣ, такъ какъ плѣнъ, куда уводятъ татары всѣхъ попавшихъ къ нимъ въ руки, несравненно хуже самой лютой смерти. Впрочемъ, они позволяютъ рабамъ, прослужившимъ 7—8 лѣтъ, выкупаться на свободу. Что же касается малолѣтнихъ дѣтей и стариковъ, неспособныхъ къ работѣ, то ихъ предоставляютъ молодымъ татарскимъ мальчикамъ для забавы и для того, чтобы пріучить ихъ къ виду человѣческой крови, подобно тому какъ охотники даютъ куропатокъ на растерзаніе молодымъ соколамъ, еще не привыкшимъ къ живой дичи, для того, чтобы пріучить ихъ къ охотѣ.

Дѣти, получившіе этихъ несчастныхъ въ свое распоряженіе, придумываютъ для нихъ всевозможныя мученія: терзаютъ тупыми, иззубренными ножичками, побиваютъ маленькими камешками, или заставляютъ по нѣсколько разъ бросаться съ высокой скалы до тѣхъ поръ, пока они не разобьются на части и пока каждому не достанется по куску мяса, чтобы играть имъ, какъ снѣжкою.

Но, оставляя въ сторонѣ всѣ эти жестокости и переходя къ историческимъ даннымъ (такъ какъ все это заслуживало бы отдѣльнаго и подробнаго трактата), узнаемъ, что около 1162 года, какъ говоритъ преданіе, татары впервые начали сознавать свою силу и рѣшились оставить свою родиву. Они избрали предводителемъ одного изъ среды себя, называемаго Чингизъ, человѣка низкаго происхожденія, но одареннаго чрезвычайно предпріимчивымъ и развитымъ умомъ, зарѣзали господствовавшаго надъ ними царя Умкана, иначе называвшагося „попомъ Іоанномъ“; но это не былъ царь Абиссиніи и Эфіопіи, которому ошибочно присваиваютъ этотъ титулъ. Послѣ того татары овладѣли его страною и въ непродолжительномъ времени покорили всѣ окрестныя земли, проникли на востокъ до самыхъ крайнихъ предѣловъ и береговъ Индійскаго океана въ Китаѣ, Шанхаѣ и Катаѣ [1]). Здѣсь они основали впослѣдствіи величайшій и могущественнѣйшій городъ Камбалю, столицу верховныхъ государей татарскихъ, называемыхъ обыкновенно великими ханами катайскими. Слово ханъ означаетъ не собака, какъ думаютъ нѣкоторые, но императоръ или монархъ, между тѣмъ какъ то же слово безъ придыхавія (канъ) означаетъ кровь.

И такъ Чингизъ-ханъ положилъ начало этой могучей и грозной династіи; что же касается заволжской орды, самой главной и многочисленной изъ всѣхъ татарскихъ, орды, которую они также называютъ Таккси (Тасхі), т. е. главная орда, то она многолюднѣе всѣхъ остальныхъ, которыя отъ нея и произошли, по свидѣтельству

---

[1]) Подъ именемъ Катай средневѣковые географы разумѣли сѣверную часть нынѣшняго Китая; въ этой области находился городъ Камбалю, зимняя столица великихъ хановъ монгольскихъ; городъ этотъ описанъ подробно въ путешествіи Марко-Поло въ X—XI главахъ второй книги этого сочиненія.

самихъ татаръ. Слово орда въ татарскомъ языкѣ означаетъ собраніе многихъ народовъ въ одинъ. Заволжская орда расположила свои кочевья на огромныхъ равнинахъ по сю сторону рѣки Волги, иначе называемой Ра, впадающей въ Каспійское море близь города Астрахани 70-ю рукавами, изъ которыхъ самый меньшій равняется величиною р. Сенѣ.

Чингизъ-хану наслѣдовалъ его сынъ Іоку-ханъ, отецъ Заинъ-хана, иначе называемаго Батыемъ, который первый изъ татаръ вторгся въ Польшу въ царствованіе Болеслава Стыдливаго, около 1202 года[1]), причинилъ неисчислимыя бѣдствія и опустошенія и проникъ еще дальше въ Силезію, Моравію и Венгрію. Онъ первый также принялъ законъ Магомета, который исповѣдываютъ татары и понынѣ, между тѣмъ какъ до того времени они были язычниками-идолопоклонниками, или точнѣе говоря, совсѣмъ не имѣли понятія о религіи, даже самой грубой и несложной.—Четвертымъ ханомъ татарскимъ былъ Темиръ-Кутлукъ, что значитъ счастливое желѣзо, сынъ Батыя, иначе называемый Тамерланомъ[2]), обладавшій войскомъ въ 1,200,000 человѣкъ. Онъ взялъ въ плѣнъ турецкаго султана Баязета и возилъ его повсюду за собою заключеннаго въ желѣзную клѣтку. Историческія сочиненія достаточно переполнены разсказами о его подвигахъ и дѣяніяхъ. Пятымъ былъ сынъ этого Тамерлана, Темиръ-ханъ, что значитъ счастливый царь; но онъ погибъ въ битвѣ между Владиславомъ Ягайломъ и прусскими крестоносцами. Шестымъ былъ Махметъ-ханъ, седьмымъ Ахметъ-ханъ, восьмымъ Шихъ-Ахметъ. Этотъ послѣдній, призванный польскимъ королемъ Альбертомъ и великимъ княземъ литовскимъ на помощь противъ хана перекопскаго Менгли-Гирея въ 1500 году, явился съ 60,000-мъ войскомъ, которое сопровождали женщины и дѣти въ количествѣ болѣе 100,000. Въ это время стояли такіе сильные холода, что собственная жена хана, не въ силахъ будучи выдерживать трудностей похода, бѣжала

[1]) Болеславъ Стыдливый царствовалъ съ 1227 по 1279 годъ; нашествіе Батыя на Польшу относится къ 1241 году.

[2]) Считаемъ излишнимъ отмѣчать всѣ грубыя ошибки Виженера, касающіяся генеалогіи и порядка наслѣдованія монгольскихъ хановъ. Ошибки эти слишкомъ элементарны и вполнѣ ясны для читателя.

вмѣстѣ съ самыми избранными его воинами къ упомянутому Менгли-Гирею, который немедленно собралъ свою армію, выступилъ на встрѣчу Шихъ-Ахмету и разбилъ его. Этотъ послѣдній скрылся съ тремя стами всадниковъ и прибылъ въ Мункастро, но узнавши здѣсь, что Баязетъ, у котораго онъ надѣялся найти пріютъ, послалъ людей, чтобы схватить его, повернулъ обратно съ ничтожнымъ отрядомъ въ 50 лошадей и отступилъ въ окрестности Кіева; кіевскій воевода, извѣщенный о его приближеніи, задержалъ его и отослалъ въ Вильно. Великій князь Александръ, присутствовавшій въ это время на генеральномъ сеймѣ въ Брестѣ, приказалъ встрѣтить Шихъ-Ахмета съ большимъ почетомъ, затѣмъ доставить ему нужное количество верховыхъ лошадей и препроводить въ Радомъ, откуда онъ могъ возвратиться въ заволжскую Татарію; а самъ между тѣмъ послалъ впередъ его брата Солтанъ-Козика, чтобы извѣстить о его прибытіи ихъ дядю Албугера. Вскорѣ однако несчастный Шихъ-Ахметъ былъ схваченъ литовцами въ угоду его смертельному врагу Менгли-Гирею и отправленъ въ качествѣ плѣнника въ ковенскій замокъ, гдѣ и содержался до конца жизни съ женою и дѣтьми.—Такимъ образомъ онъ оправдалъ имя, которое носилъ и которое на его языкѣ означаетъ мученикъ.

Вотъ все, что можно сказать о заволжской ордѣ, иначе называемой джагатайскою. Другое татарское племя, такъ называемая перекопская орда, происходящая отъ первой (отъ которой выдѣлились и всѣ остальныя), получила начало отъ нѣкоего Улана, человѣка безроднаго и неизвѣстнаго происхожденія, который первый овладѣлъ полосою земли, извѣстною подъ именемъ Херсонеса Таврическаго. Это полуостровъ, почти отрѣзанный отъ материка и вдающійся далеко въ Меотійское болото, сѣвернѣе великаго (Чернаго) моря, на протяженіи около 24 миль въ длину и 15 въ ширину. На немъ находятся три города: Солхатъ, Киркея, Каффа и двѣ крѣпости: Манкупъ и Азовъ. Главный городъ Солхатъ, называемый татарами Крымъ; отъ него приняли свой титулъ ихъ государи, которые называются крымскими ханами. Другой городъ, менѣе значи-

тельный, Киркея [1]), въ которой находится замокъ, сдѣланный изъ дерева и дерна на вершинѣ скалы. Разсказываютъ, что нѣкогда жилъ тамъ драконъ, пожиравшій всѣхъ и грозившій совсѣмъ опустошить страну, если бы нѣкоторые изъ проживавшихъ тамъ итальянцевъ, привычныхъ къ различнымъ чудовищамъ, не прибѣгли съ молитвою о помощи къ Дѣвѣ Маріи. Вскорѣ послѣ того они замѣтили какой то свѣтъ въ скалѣ, вырубили въ ней ступени и проникли въ подземелье, гдѣ нашли икону Богородицы, передъ которою горѣла свѣча, а у ногъ ея лежалъ драконъ, пронзенный насквозь. Слухъ о чудѣ распространился и потому ханъ перекопскій Ачи-Гирей, готовясь къ войны съ братьями, также вручилъ себя заступничеству чудотворной иконы и надавалъ множество обѣтовъ, если ей угодно будетъ оказать помощь въ этомъ дѣлѣ. Ибо сами магометане съ большимъ почетомъ относятся къ Пречистой Дѣвѣ, признавая, что она безъ всякаго сообщества мужчины и безъ нарушенія дѣвства зачала и родила великаго пророка Іисуса Христа (какъ они называютъ его). Поэтому ханъ, получивъ помощь, которую искалъ, продалъ пару самыхъ лучшихъ изъ своихъ лошадей, за вырученныя деньги купилъ воску и приказалъ отлить двѣ свѣчи, которыя день и ночь горѣли передъ иконою, что и понынѣ поддерживается его преемниками.

Третій городъ въ Крыму есть Каффа, въ древности называемая Ѳеодосіею, которую султанъ турецкій Магометъ отнялъ у генуэзцевъ и вслѣдъ затѣмъ предалъ въ ней смерти двухъ братьевъ, начальниковъ манкупскаго замка, послѣднихъ представителей готскаго племени. Кажется, онъ занялъ также и Азовъ при устьи Танаиса и укрѣпилъ его.

Татары занимаютъ своими кочевьями всѣ степи и равнины, простирающіяся отъ входа на полуостровъ вдоль Меотиды и Понта Эвксинскаго до самаго Мункастра. Входъ этотъ они укрѣпили на западѣ земляным валомъ на протяженіи доброй мили, но сдѣлали это такъ плохо, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ постоянно раз-

[1]) Киркъ-Эри или Киркоръ есть древнее названіе Чуфутъ-Кале. (Смирновъ-Крымское ханство, стр. 102—103).

мывается водою. Вотъ почему полуостровъ, который слѣдовало называть Таврикою, теперь называется Перекопъ, что на татарскомъ языкѣ означаетъ ровъ, такъ какъ онъ отрѣзанъ рвами со стороны материка.

Послѣ Улана царствовалъ Тохтамышъ, сопровождавшій литовскаго князя Витовда въ походѣ противъ заволжскаго хана Тамерлана, не смотря на то, что тотъ приходился ему братомъ; но оба союзника были разбиты этимъ послѣднимъ. Ему наслѣдовалъ сынъ его Шихъ-Ахметъ, о которомъ говорилось выше и который былъ изгнанъ Ачи-Гиреемъ, занявшимъ его престолъ. Ачи-Гирей оставилъ семерыхъ сыновей, изъ которыхъ старшій Гайдеръ наслѣдовалъ престолъ. Но братъ его Менгли-Гирей отправился ко двору султана, который женилъ его и помогъ изгнать Гайдера, Ямурци [1]) и всѣхъ остальныхъ братьевъ, которымъ не оставалось инаго исхода, какъ сдаться великому князю московскому Ивану Васильевичу. Тотъ принялъ ихъ весьма охотно и далъ имъ въ управленіе казанское царство.

У Менгли-Гирея было девять сыновей, а именно: Магометъ, Серей, Ахметъ, Махмудъ, Бетый, утонувшій въ Валахіи въ 1510 г., Бурнасъ, Мубархъ, Садехъ [2]) и два другіе, имена которыхъ неизвѣстны.

Перекопскіе татары живутъ въ шестомъ климатѣ, тепломъ и мягкомъ и потому, казалось бы, должны быть милосерднѣе и человѣчнѣе другихъ, на самомъ же дѣлѣ они остались вѣрны своей первоначальной природѣ, жестокой и хищнической, подобно волкамъ или инымъ дикимъ звѣрямъ; ибо не проходитъ года, чтобы они не являлись самымъ предательскимъ образомъ грабить и опустошать русскія области, Литву, Валахію, Польшу, а нерѣдко и самую Московію.

---

[1]) Послѣ смерти Ачи-Гирея ханскій престолъ занялъ старшій изъ его сыновей Нуръ-Даулетъ; младшій братъ Менгли-Гирей вступилъ въ борьбу съ нимъ и, опираясь на помощь турокъ, принудилъ Нуръ-Даулета и другаго брата, помогавшаго ему, Хойдера, бѣжать изъ Крыма. Изгнанные царевичи бѣжали въ Москву, гдѣ поступили на службу къ царю Ивану Васильевичу. (Смирновъ—Крымское ханство, стр. 251).

[2]) Изъ сыновей Менгли-Гирея трое занимали послѣ его смерти ханскій престолъ: Мухаметъ, Саадетъ и Сахыбъ-Гирей.

Татары третьей орды называются казанскими, по имени крѣпости Казани, расположенной на рѣкѣ Волгѣ на границѣ съ Московіею; они поселились здѣсь, отдѣлившись, подобно прочимъ, отъ главной джагатайской орды. Казанская орда располагаетъ 12,000 человѣкъ, способныхъ носить оружіе, а въ случаѣ необходимости могла бы стянуть до 30,000, призвавши на помощь своихъ союзниковъ. Впрочемъ, составляющіе ее татары находятся въ полномъ подчиненіи московскому князю, который располагаетъ ими по своему усмотрѣнію и назначаетъ въ ханы кого пожелаетъ.

Четвертая орда, новѣйшая по времени, возникшая позже всѣхъ названныхъ, оккасійская или ногайская, еще недавно отдѣлившаяся отъ заволжской. Ибо послѣ того, какъ одинъ изъ подданныхъ великаго хана Оккасъ, личность чрезвычайно мужественная и отважная, былъ казненъ, его сыновья, въ количествѣ тридцати, отдѣлились отъ заволжцевъ и удалились въ окрестности сарайской крѣпости около 1450 года. Въ короткое время родъ ихъ до того размножился и усилился, что теперь это самая многолюдная изъ всѣхъ ордъ. Живутъ они сѣвернѣе другихъ, въ болѣе холодной странѣ въ сосѣдствѣ съ Московіею на восточной ея границѣ, куда онѣ нерѣдко вторгаются, причиняя многія бѣдствія и разоренія, точь въ точь какъ переконцы или заволжцы въ Червоной Руси, Польшѣ и Валахіи. Потомки Оккаса понынѣ господствуютъ надъ ногайцами, которые не знаютъ еще употребленія монеты; вся ихъ торговля состоитъ въ обмѣнѣ рабовъ, скота и лошадей.

Вотъ четыре главнѣйшія орды тѣхъ татаръ, которые наводятъ страхъ не только на сосѣдей, но и на самые отдаленные народы и племена и одно имя которыхъ приводитъ въ трепетъ даже грудныхъ дѣтей. И дѣйствительно, ихъ справедливо можно признать истинною заразою, созданною на погибель рода человѣческаго. Существуетъ еще много другихъ, болѣе или менѣе значительныхъ отпрысковъ и развѣтвленій этого нечестиваго племени, но всѣ они отдѣлились отъ указанныхъ выше и теперь живутъ и дѣйствуютъ самостоятельно. Они владѣютъ обширными кочевьями въ неизмѣримыхъ степяхъ, или вѣрнѣе сказать пустыняхъ, простирающихся къ востоку до самаго

Катая и границъ Китая. Количество этого народа неисчислимо, подобно песчинкамъ въ морѣ или звѣздамъ на небѣ.

Однако, несмотря на ихъ крайнюю дикость и неспособность къ какой бы то ни было гражданственности, они все же соблюдаютъ извѣстный этикетъ и порядокъ во взаимныхъ отношеніяхъ, при чемъ величайшій почетъ и повиновеніе оказывается ихъ государямъ, называемымъ ханами. Слѣдующія степени знатности составляютъ: солтанъ или сынъ хана, бей, эмиръ, мурза, т. е. сынъ эмира; олбудъ—совѣтникъ, олваудулу—сынъ дворянина; сеидъ-верховный жрецъ или первосвященникъ, пользующійся такимъ почетомъ, что самъ ханъ подходитъ къ нему пѣшій и подаетъ руку, не дожидаясь, пока тотъ сойдетъ съ коня. Подобной чести не оказывается никому другому, такъ какъ знатнѣйшіе вельможи, князья и сановники могутъ прикасаться только къ колѣнамъ хана, дворяне къ его ногамъ, а простой народъ къ одеждѣ. Сверхъ того существуетъ еще четверо лицъ, изъ которыхъ первый называется ширинъ, второй баринъ, третій гарни и четвертый тзиптзанъ, которые составляютъ совѣтъ хана по всѣмъ болѣе важнымъ дѣламъ.

Леонардъ Горецкій.

Описаніе войны Ивоніи, господаря волошскаго.

(1574).

Сочиненіе Горецкаго представляетъ памятникъ весьма интересный для исторіи борьбы Польши съ Турціею во второй половинѣ XVI столѣтія за гегемонію надъ Молдавіею. Отношеніе этого памятника къ исторіи южной Россіи состоитъ не только въ томъ, что борьба происходила въ области, сопредѣльной съ южною Русью; памятникъ этотъ, вслѣдствіе недоразумѣнія, основаннаго на употребленной въ немъ терминологіи, послужилъ источникомъ одного изъ ошибочныхъ положеній относительно времени возникновенія и дѣятельности первоначальнаго козачества; недоразумѣніе это было принято большинствомъ писателей, занимавшихся южно-русскою исторіею и до того укоренилось въ общественномъ мнѣніи, что подало даже поводъ къ составленію подложныхъ эпическихъ произведеній, воспѣвавшихъ подвиги одного изъ героевъ разсказа Горецкаго—мнимаго козацкаго гетмана Свирчовскаго.

Полагаемъ, что болѣе близкое знакомство съ самымъ памятникомъ будетъ способствовать къ разъясненію этого историческаго недоразумѣнія.

Леонардъ Горецкій былъ польскій дворянинъ, по вѣроисповѣданію кальвинистъ; въ качествѣ протестанта онъ пользовался покровительствомъ познанскаго кастеляна графа Андрея Гурки, вокругъ котораго группировались болѣе культурныя силы польскаго протес-

тантизма. Горецкій принадлежалъ къ группѣ протестантскихъ польскихъ писателей, посвятившихъ свои труды исторіи; въ исторической литературѣ второй половины XVI столѣтія онъ занимаетъ почетное мѣсто на ряду со своими современниками и единовѣрцами: Мартиномъ Бѣльскимъ и Яномъ Ласицкимъ. Онъ составилъ на латинскомъ языкѣ обширную исторію Польши въ двадцати книгахъ, доведенную до смерти короля Сигизмунда I, и занятъ былъ составленіемъ ея продолженія до восшествія на престолъ короля Стефана; это видно изъ введенія и посвященія, приложенныхъ къ настоящему сочиненію, которое представляетъ эпизодъ предположеннаго продолженія. Большое сочиненіе Горецкаго не было издано и рукопись его утрачена; уцѣлѣлъ только эпизодъ „о войнѣ Ивоніи“, благодаря тому обстоятельству, что авторъ поднесъ его съ особымъ посвященіемъ Андрею Гуркѣ, послѣдній же напечаталъ этотъ трудъ въ 1578 году во Франкфуртѣ, въ типографіи Вехеля, въ видѣ отдѣльной брошюры подъ заглавіемъ: „Descriptio belli Ivoniae voivodae Valachiae, quod anno 1574 cum Selimo II, turcarum imperatore, gessit“. Этотъ трудъ Горецкаго былъ переведенъ на нѣмецкій языкъ Николаемъ Генигеромъ въ видѣ приложенія къ его сочиненію, вышедшему въ Базелѣ 1578 года подъ заглавіемъ: „Hoffhaltung des türckischen Kaisers ünd othomanischen Reichs Beschreibung biss auff dies 1578, Iahr ersteckt und ausgefüret“.— Вслѣдъ затѣмъ онъ вошелъ въ составъ третьяго тома историческаго сборника, вышедшаго въ Франкфуртѣ въ 1584 году, подъ заглавіемъ: „Rerum polonicarum tomi tres“, въ качествѣ дополненія къ сочиненіямъ Гвагнино.

Но еще раньше своего появленія въ печати, этотъ трудъ Горецкаго былъ извѣстенъ, вѣроятно въ рукописи, его современнику, историку Мартину Бѣльскому († 1575), который занесъ его въ сокращенномъ видѣ подъ 1574 годомъ въ свою „Кронику польскую“.

Въ XVII столѣтіи монографіею Горецкаго пользовался при составленіи своихъ сочиненій Симеонъ Старовольскій; очевидно, что сообщаемыя имъ краткія извѣстія о войнѣ Ивоніи и о гетманѣ Свир-

човскомъ [1]) заимствованы изъ разсказа Горецкаго. Тотъ же разсказъ съ значительными амплификаціями вошелъ въ составъ сочиненія львовскаго кастеляна, воеводы подольскаго, Андрея-Максимиліана Фредра († 1679), носившаго заглавіе: Gesta populi Poloni sub Henrico Valesio". Наконецъ, въ исходѣ XVII столѣтія разсказъ Горецкаго проникъ въ южно-русскіе хронографы. Здѣсь мы впервые встрѣчаемъ его въ „Лѣтописцѣ", составленномъ въ 1699 году въ Выдубицкомъ монастырѣ, монахомъ Леонтіемъ Боболинскимъ [2]). По словамъ самого Боболинскаго, онъ заимствованъ составителемъ „Лѣтописца" изъ кроники Мартина Бѣльскаго и переведенъ имъ почти буквально.

Въ XVIII столѣтіи составители малороссійскихъ лѣтописей продолжаютъ пользоваться разсказомъ Горецкаго, заимствуя его изъ пересказа Бѣльскаго. Такъ, полный переводъ текста М. Бѣльскаго мы встрѣчаемъ въ „Собраніи историческомъ" Стефана Лукомскаго [3]) и краткія замѣтки и извлеченія изъ того же разсказа въ „Лѣтописи" Грабянки, въ „Хронологіи высокославныхъ, ясневельможныхъ гетмановъ", въ „Именной переписи малороссійскихъ гетмановъ", въ „Лѣтописцѣ" Якова Лизогуба, въ „Повѣсти о томъ, что случилось на Украинѣ", въ лѣтописи Рубана и т. д. [4]) Въ то же самое время разсказомъ Горецкаго пользуются и иностранные ученые, пытавшіеся составить первые опыты систематической исторіи козачества. Такъ напримѣръ, краткую замѣтку о Свирчовскомъ, заимствованную изъ малорусскихъ пересказовъ, мы встрѣчаемъ у Миллера [5]) и весьма подробный разсказъ о войнѣ Ивоніи, составленный просто уже по сочиненію Горецкаго, у Энгеля [6]).

[1]) Simonis Starovolscii—Institutorum rei militaris libri VIII. Cracoviae, 1639, стр. 154 и 256. Его же—Sarmatiae bellatores, стр. 101.

[2]) См. приложеніе къ лѣтописи Грабянки стр. 277—291.

[3]) См. приложеніе къ лѣтописи Самовидца, изд. 1878, стр. 335—348.

[4]) См. Южнорусскія лѣтописи, изданныя Н. Бѣлозерскимъ, стр. 110, 130; Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи южной и западной Руси. Кіевъ 1888, стр. 3; Повѣсть о томъ, что случилось на Украинѣ, стр. 1.—Краткая лѣтопись Малыя Россіи, Василія Рубана, стр. 7; Лѣтопись Грабянки, стр. 21.

[5]) Миллеръ. О малороссійскомъ народѣ и запорожцахъ, изд. Бодянскаго, Москва, 1846, стр. 4.

[6]) Engel. Geschichte der Ukraine, Halle, 1796, стр. 72—74.

Невѣдомый намъ составитель „Исторіи Русовъ“ воспользовался разбросанными въ козацкихъ лѣтописяхъ краткими извѣстіями о Свирчовскомъ и войнѣ Ивоніи и, слѣдуя усвоеннымъ имъ пріемамъ, составилъ на основаніи этихъ замѣтокъ довольно пространный разсказъ о гетманствѣ Свирчовскаго, украсивъ его фантастическими подробностями и неспещривъ анахронизмами. По его словамъ, Свирчовскій до гетманства занималъ должность генеральнаго обознаго (въ то время еще не существовавшую), затѣмъ состоялъ въ союзѣ съ господаремъ Лупуломъ, сражался съ Кара-Мустафою и т. д.—Талантливое, но совсѣмъ не историческое повѣствованіе Исторіи Русовъ оказалось не безъ вліянія на послѣдующихъ историковъ Малороссіи. Бантышъ-Каменскій и Маркевичъ повторили этотъ разсказъ въ болѣе или менѣе сокращенныхъ варіантахъ [1]).

Такимъ образомъ первоначальный разсказъ Горецкаго, пройдя черезъ нѣсколько пересказовъ и подвергшись совершенной передѣлкѣ въ Исторіи Русовъ, является у послѣднихъ названныхъ историковъ съ характеромъ легендарнымъ, фантастическимъ, утратившимъ всякую историческую достовѣрность. Между тѣмъ какъ бы въ подтвержденіе подробностей, заключающихся въ этомъ легендарномъ разсказѣ, начали появляться въ разныхъ историческихъ сборникахъ будто народныя историческія пѣсни о Свирчовскомъ; такія пѣсни впервые напечатаны въ „Запорожской Старинѣ“ затѣмъ въ сборникѣ украинскихъ народныхъ пѣсенъ Максимовича 1834 г. и въ Малорусскомъ литературномъ сборникѣ, изданномъ Мордовцевымъ въ Саратовѣ въ 1859 году; всѣ онѣ повторяли, согласно Исторіи Русовъ, имя Свирчовскаго въ передѣлкѣ „Свѣрговскій“ [2]) и считали этого псевдогетмана, со словъ того же источника, погибшимъ во время приступа къ городу Киліи.—Въ настоящее время критика доказала апокрифическое происхожденіе многихъ народныхъ думъ „Запорожской Старины“; что же касается другихъ двухъ сборниковъ, то кажется, они просто заимствовали изъ нея думу о Свирчовскомъ.

[1]) Исторія Русовъ стр. 23—24. Бантышъ-Каменскій. Исторія Малой Россіи, т. I, стр. 131—136. Маркевичъ. Исторія Малороссіи, т. I, стр. 52—56.

[2]) Еще въ концѣ XVIII вѣка, вслѣдствіе ошибки въ транскрипціи, малорусскіе лѣтописцы передѣлали имя Свирчовскаго въ Свѣрговскаго.

Только послѣ 1855 года историки южно-русскаго козачества вновь возвратились къ первоисточнику, благодаря тому обстоятельству, что въ указанномъ году сочиненіе Горецкаго было издано вновь, въ польскомъ переводѣ. Владиславомъ Сырокомлею [1]). Н. И. Костомаровъ обратилъ вниманіе на это изданіе и на основаніи его составилъ монографію, озаглавленную: „Иванъ Свирговскій, украинскій козацкій гетманъ XVI вѣка“ [2]). Все изложеніе и эпизоды этой монографіи основаны на повѣствованіи Горецкаго, но талантливый историкъ не обратилъ должнаго вниманія на судьбу самаго источника, на многочисленныя заимствованія, передѣлки и амплификаціи его разсказа и потому, на ряду съ извѣстіями современника событія Горецкаго, приводитъ данныя изъ сочиненій писателей XVII и XVIII столѣтій, которые заимствовали собственно изъ того же Горецкаго посредственно или непосредственно свои свѣдѣнія и передавали ихъ въ искаженномъ видѣ. Такъ, онъ противопоставляетъ Горецкому данныя Фредра, Грабянки, Миллера и даже Исторіи Русовъ и мнимыхъ народныхъ думъ.

Разсматривая самое сказаніе Горецкаго, мы не можемъ не обратить вниманіе на употребленную имъ номенклатуру, которая и подала поводъ къ передѣлкамъ и недоразумѣніямъ позднѣйшихъ писателей. Горецкій называетъ ополченіе, ходившее въ помощь Ивоніи „козаками“ и предводителя ихъ Свирчовскаго „гетманомъ“. Малорусскіе лѣтописцы и писатели XVIII и XIX столѣтія поняли эти слова въ томъ смыслѣ, будто дѣло идетъ о малорусскихъ, днѣпровскихъ или запорожскихъ козакахъ и о малорусскомъ козацкомъ гетманѣ въ томъ значеніи, какое получилъ гетманъ послѣ Хмельницкаго. Между тѣмъ и то, и другое предположеніе ошибочны: историческіе польскіе писатели XVI столѣтія называли козаками вообще всякую милицію, самопроизвольно собравшуюся въ походъ безъ вѣдома своего правительства; въ такомъ именно смыслѣ у современника Горецкаго—Матвѣя Стрыйковскаго, упоминаются козаки-крестоносцы,

[1]) Оно появилось въ историческомъ сборникѣ, носящемъ общее заглавіе: „Dziejopisowie krajowi“.

[2]) См. Историческія монографіи и изслѣдованія, т. II, стр. 3 – 33.

козаки польскіе, литовскіе, нѣмецкіе, татарскіе и т. п.—Самъ Горецкій, назвавъ козаками ополченіе, ходившее въ Молдавію, впослѣдствіи, когда желаетъ назвать его участниковъ по національности, называетъ ихъ поляками. Изъ приведенныхъ имъ данныхъ и именъ сподвижниковъ Свирчовскаго мы видимъ, что ополченіе это состояло исключительно изъ дворянъ воеводствъ подольскаго, брацлавскаго и другихъ; всѣ упомянутые Горецкимъ лица носятъ фамиліи польскія, дворянскія.

Точно также и титулъ гетмана польскіе писатели XVI вѣка даютъ всякому независимому военачальнику, предводительствующему самостоятельнымъ отрядомъ войска. Въ этомъ смыслѣ названъ гетманомъ и Свирчовскій; ставить его въ ряду малороссійскихъ гетмановъ невозможно уже потому, что въ то время должность малороссійскаго гетмана еще не существовала. До 1569 года днѣпровскими козаками управляли старосты пограничныхъ повѣтовъ, а послѣ этого года, до времени Петра Конашевича Сагайдачнаго, чиновники, носившіе оффиціальный титулъ „старшаго козацкаго“. Свирчовскій принялъ подъ свое начальство отдѣльные шляхетскія партіи уже въ Молдавіи, куда они пришли въ количествѣ 1200 человѣкъ пятью отдѣльными отрядами, изъ которыхъ каждый имѣлъ самостоятельнаго предводителя. Отряды эти по словамъ Горецкаго, состояли изъ легкой польской конницы и сформировались нѣсколько раньше, намѣреваясь предпринять набѣгъ съ цѣлью военной добычи на берега Чернаго моря, но были отозваны въ Молдавію вслѣдствіе приглашенія Ивонія.

К. М

Приступая къ исторіи войны молдавскаго господаря съ турецкимъ султаномъ Селимомъ, считаю умѣстнымъ сдѣлать выписку изъ второй книги „Исторіи польскаго народа“, которую я составилъ въ двадцати книгахъ и довелъ до смерти Сигизмунда I. Я выпишу оттуда свѣдѣнія о географическомъ положеніи Молдавіи, о плодородіи ея почвы, о количествѣ народонаселенія, его обычаяхъ и т. п.

Волощина, извѣстная нѣкогда подъ именемъ Мизіи и Дакіи, граничитъ на востокѣ съ Чернымъ моремъ, на югѣ съ рѣкою Истромъ или Дунаемъ, на западѣ съ Трансильваніею и на сѣверѣ съ Червоною Русью. Весь этотъ край дѣлится на двѣ части: Закарпатскую Валахію и Молдавію. Въ восточной части Закарпатской Валахіи находится изобилующее рыбою озеро, которое образуется нижнимъ теченіемъ рѣки Прута или Гирасуса, притока Дуная. На западѣ она прилегаетъ къ границамъ Трансильваніи. Въ ней понынѣ сохранились замѣчательныя 34 арки отъ моста на Дунаѣ, построеннаго Траяномъ. На сѣверѣ границу ея составляетъ небольшой потокъ Гойна, впадающій въ Дунай, который своими извилинами образуетъ небольшой островъ, упоминаемый древними писателями и извѣстный нынѣ подъ именемъ Барильяна. Дунай вытекаетъ изъ Арбонскихъ горъ въ Германіи (Шварцвальдъ), близъ швабскаго города Ротвейль, у села Донаушингенъ. Вначалѣ онъ протекаетъ по Иллиріи, гдѣ носитъ названіе Истеръ; затѣмъ принимаетъ около 60 притоковъ, изъ которыхъ половина судоходныхъ, и шестью большими рукавами вливается въ море.

Другая часть Румыніи, изобилующая полями и пастбищами, стадами и прекрасными боевыми лошадьми, называется Молдавіею, по имени рѣки Молдавы [1]), протекающей посрединѣ этой страны. Лежитъ она нѣсколько ниже верховьевъ рѣки Серета [2]) у подошвы Трансильванскихъ горъ, на мѣстѣ древней Дакіи и имѣетъ видъ огромнаго амфитеатра, обращеннаго на западъ. Столица воеводъ молдавскихъ Сочава лежитъ надъ р. Серетомъ; затѣмъ эта рѣка принимаетъ небольшіе, но обильные водою потоки: Гойну, Добенису и Аргу, дѣлается многоводною и протекаетъ по Молдавіи и Валахіи, гдѣ вливается въ Ольту или Алюту [3]). Сѣверные предѣлы Молдавіи окаймляетъ большая рѣка Тирасъ, обыкновенно называемая Днѣстромъ.

---

[1]) Правый притокъ Серета.

[2]) Въ текстѣ ошибочно вмѣсто Серета названъ Прутъ. Сочава лежитъ не на Серетѣ, а на правомъ его притокѣ, рѣкѣ Сочавѣ.

[3]) Также географическая ошибка: Серетъ впадаетъ прямо въ Дунай, Алюта же вливается въ Дунай значительно выше Серета.

Рѣка эта вытекаетъ изъ горъ Сарматскихъ или Карпатъ и направляется къ Черному морю по границѣ Подоліи и Червоной Руси.

Кто впервые владѣлъ страною, извѣстною нынѣ подъ именемъ Молдавіи, о томъ ничего достовѣрнаго нельзя почерпнуть у древнихъ писателей. Подобно Венгріи, Молдавія послѣдовательно служила мѣстомъ жительства многихъ народовъ. Происхожденіе нынѣшняго молдавскаго народа приписываютъ римскому полководцу Флакку, имя котораго, видоизмѣняемое съ теченіемъ времени, должно было сообщить Волощинѣ ея названіе. Ибо съ того времени, когда Флаккъ занялъ Мизію или Дакію, простиравшуюся за Дунаемъ до самой Скиѳіи,—край, о которомъ мы говоримъ, началъ называться Флакціею, а путемъ искаженія названіе это измѣнилось въ слово Валахія. Въ Валахіи сохранились не только римскіе законы, судопроизводство и обычаи, но сверхъ того еще многія выраженія латинскаго языка, вслѣдствіе чего многіе принимаютъ валаховъ за народъ, тождественный съ итальянцами и даже сами нѣмцы называютъ оба эти народа однимъ общимъ именемъ *Welchen*. О причинахъ, въ силу которыхъ Флаккъ занялъ эту страну, Эней Сильвій, бывшій впослѣдствіи римскимъ первосвященникомъ, разсказываетъ, что когда во времена императора Трояна даки или готы задумали освободиться отъ ига римлянъ, то туда посланъ былъ Флаккъ съ 30,000 воиновъ, которыхъ онъ посылалъ въ качествѣ земледѣльцевъ съ обязательствомъ продовольствовать римскіе гарнизоны, охранявшіе границы отъ скиѳовъ и сарматовъ. Съ теченіемъ времени и по изгнаніи готовъ, край, названный по имени Флакка, перешелъ къ римлянамъ. Можно было бы согласиться съ этимъ мнѣніемъ, но иные увѣряютъ, что Сильвій, ослѣпленный славою собственнаго края, былъ склоненъ писать вымыслы. Позднѣйшіе историки признаютъ тоже начало для нынѣшней Молдавіи, но приводятъ иныя причины поселенія здѣсь римлянъ,—по ихъ словамъ, здѣсь были водворены изгнанники, а не воины, число которыхъ было такъ велико, что они вытѣснили не только туземцевъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и готовъ, выстроили мостъ черезъ Дунай и раздѣлились на двѣ части, т. е. на закарпатскихъ валаховъ и молдаванъ.

Обѣ страны имѣютъ собственныхъ правителей. Закарпатская Валахія, которую турки называютъ Карабогданъ, по причинѣ воздѣлываемой въ ней гречихи, имѣетъ въ Тырговищѣ столицу своихъ господарей, которые находятся въ зависимости отъ турокъ и платятъ имъ огромныя суммы золотомъ въ качествѣ обычной дани, называемой гарачемъ. Такъ покупаютъ они позорный миръ и не могутъ освободиться отъ ига, потому что на противоположномъ берегу Дуная, на мѣстѣ поселеній древнихъ изибальтовъ, въ Сербіи и Болгаріи, существуетъ множество неприступныхъ турецкихъ крѣпостей.

Другая половина Волощины, которую Днѣстръ отдѣляетъ отъ Подолія, также платила гарачъ туркамъ со времени султана Магомета, овладѣвшаго Константинополемъ. Но въ прошедшемъ году, послѣ того какъ Ивонія былъ измѣнически схваченъ турками и преданъ мучительной смерти, Валахія и Молдавія были включены въ число турецкихъ владѣній. Сперва воеводы молдавскіе платили легкую дань турецкимъ султанамъ: Казимиръ, отецъ короля Сигизмунда I, занятый войною съ крестоносцами, не могъ оказать поддержки воеводѣ Петру [1]) противъ Магомета, который въ 1455 году наложилъ на него гарачъ въ 2,000 червонцевъ. Впослѣдствіи, когда турецкіе султаны были заняты войнами въ Азіи, Персіи, Аравіи и Египтѣ, Молдавія подчинялась то венграмъ, то полякамъ; но, когда силы ея возросли, разбила нѣсколько разъ польскія войска, сбросила съ себя господство венгровъ и снова подчинилась туркамъ. Молдаване неоднократно приносили присягу на вѣрность польскимъ королямъ и пребывали ихъ ленниками, но это продолжалось лишь до новаго разрыва; впрочемъ при большей предусмотрительности со стороны покойнаго короля Августа, Молдавія могла бы навсегда остаться подъ властью Польши. Альбертъ Ласкій, мужъ великій въ бою и въ совѣтѣ, долго владѣвшій хотинскою крѣпостью въ Молдавіи, просилъ короля Августа прислать ему подкрѣпленіе, послѣ чего вся страна легко признала бы его господство. Еще раньше тотъ же Ласкій, вмѣстѣ съ Ляхоцкимъ, Филипповскимъ и другими, возвратилъ господарскій

[1]) Воевода Петръ III Ааронъ княжилъ въ 1450—1458 годахъ.

престолъ Якову, который происходилъ изъ древняго владѣтельнаго рода этой страны [1]). Послѣ гибели Александра вспыхнула жестокая война, господарь былъ предательски убитъ молдаванами, а Вишневецкаго, знаменитаго рыцаря, выдали туркамъ, которые предали его мучительной смерти. Ласкій держался еще нѣкоторое время подъ Хотиномъ, желая отстоять дѣло Александра [2]). Александру наслѣдовалъ сынъ его Богданъ, этому послѣднему Ивонія, исторію котораго я намѣренъ разсказать. Послѣ пораженія войскъ Богдана при помощи турокъ онъ нѣкоторое время княжилъ въ Молдавіи.

И прежде бывали въ Молдавіи славные и воинственные господари, особенно славенъ Стефанъ, нанесшій нѣсколько пораженій венгерскимъ и татарскимъ войскамъ и бывшій грозою главныхъ враговъ

---

[1]) Яковъ, занимавшій столъ молдавскаго господарства въ теченіе двухъ лѣтъ (1562—1564) и овладѣвшій имъ съ помощью Ласкаго, принадлежалъ къ числу ловкихъ политическихъ авантюристовъ. Яковъ Василаки былъ родомъ грекъ изъ острова Крита, онъ долгое время странствовалъ по Европѣ, занималъ различныя должности въ Римѣ, Испаніи, Германіи, Даніи и Польшѣ. Находясь въ Испаніи, онъ завладѣлъ документами встрѣтившагося ему тамъ его земляка Якова Ираклидеса, бывшаго деспота Самоса и Пароса, и припялъ его имя; затѣмъ составилъ подложную генеалогію, въ которой пытался установить свое родство по женской линіи съ династіею молдавскихъ господарей Драгошей, прекратившеюся въ 1552 году, и на ея основаніи добивался молдавскаго стола съ помощью польскаго магната Ласкаго. Очевидно, въ Польшѣ подложная генеалогія Василаки пользовалась полнымъ довѣріемъ, вслѣдствіе чего и Горецкій придаетъ ей серьезное значеніе. (Engel. Geschichte der Walachei und Moldau, стр. 196. Палаузовъ—Валахія и Молдавія, гл. III).

[2]) Александръ Лопушано (1552—1562 и 1564—1566) былъ первый избирательный господарь Молдавіи, занявшій столъ послѣ прекращенія династіи Драгошей. Упорная и веденная имъ съ страшною жестокостью борьба съ боярами возбудила противъ него оппозицію этого сословія и облегчила Якову Василаки достиженіе престола; но послѣдній не могъ также сладить съ боярами; его религіозный индифферентизмъ, покровительство, оказываемое имъ социніанамъ, и значительные налоги, которые онъ вынужденъ былъ назначить, послужили поводомъ къ возстанію. Явилось нѣсколько претендентовъ на господарство, въ томъ числѣ молдавскій гетманъ Томза и ки. Дмитрій Вишневецкій, увлеченный въ Молдавію Альбертомъ Ласкимъ, который бросилъ Якова, не удовлетворившаго его честолюбивыхъ и корыстныхъ надеждъ. Вишневецкій былъ разбитъ Томзою и выданъ туркамъ, отъ руки Томзы погибъ и Василаки, тѣмъ не менѣе господарство досталось не Томзѣ. Во время междоусобной войны Александръ Лопушано, проживавшій въ Константинополѣ, успѣлъ подарками и обѣщаніями склонить на свою сторону турецкое правительство. Онъ былъ назначенъ вторично воеводою Молдавіи, но черезъ два года погибъ отъ отравы.

своихъ турокъ, которыхъ многочисленныя арміи онъ истреблялъ неоднократно. Къ числу болѣе извѣстныхъ господарей этой страны принадлежитъ Дракула, которому венгерскій король Матвѣй подарилъ крѣпости Чижову и Цехиль, лежащія на границѣ Трансильваніи съ Малдавіею, въ награду за то, что онъ отнялъ у турокъ городъ Мункастро. Не менѣе славенъ воинною доблестью былъ воевода Петръ, враждовавшій съ султаномъ Солиманомъ и потерпѣвшій пораженіе у Обертына отъ храбраго гетмана Тарновскаго въ царствованіе Сигизмунда I.

Вѣра и обряды молдаванъ весьма близки къ церкви греческой и армянской; священники у нихъ женятся. Молдаване особенно славятся конницей, даже бѣднѣйшіе изъ нихъ имѣютъ верховыхъ лошадей, годныхъ для походовъ и сраженій. Подобно венграмъ, они вооружены щитомъ, шлемомъ и копьемъ; употребляютъ въ битвѣ также лукъ и стрѣлы. Порода ихъ лошадей крѣпкая, ретивая, славится не столько быстротою бѣга, сколько выносливостью и силою; здѣсь установился обычай прокалывать ноздри лошадямъ для того, чтобы облегчить имъ дыханіе; вслѣдствіе этого здѣшняя лошадь, даже во время лѣтняго зноя, можетъ втеченіе трехъ дней выдерживать напряженіе военнаго похода. Народъ молдавскій легкомысленъ и непостоянъ по отношенію къ своимъ властителямъ. По самому ничтожному поводу составляются заговоры, господари лишаются престола и на ихъ мѣсто возводятся другія лица, иногда самаго низкаго происхожденія; ибо они не обращаютъ вниманія на знатность рода, а только на богатство. Край этотъ очень богатъ, особенно славится большимъ количествомъ весьма крупнаго рогатаго скота, который жители сбываютъ на Руси и въ Германіи. Изъ плодовъ Молдавія особенно изобилуетъ виномъ, ячменемъ и пшеницею. Армянскіе торговцы провозятъ черезъ Молдавію изъ Турціи въ Польшу различные товары, служащіе предметами роскоши, какъ то: вино малвазію, перецъ, шафранъ, благовонія и ковры. Сдѣлавши этотъ краткій обзоръ Молдавіи, перейдемъ къ историческому изложенію тѣхъ событій, которыя мы намѣревались описать.

Богданъ, получившій Молдавію по смерти Александра, такъ сильно возненавидѣлъ господство турокъ, что заключилъ съ польскимъ

королемъ Августомъ, умершимъ въ 1572 году, вѣчный миръ, въ силу котораго получилъ право посѣщать знатнѣйшіе дома на Руси и искать въ нихъ для себя невѣсту. Въ силу того же договора онъ обязался въ случаѣ войны доставить Августу 20,000 вооруженныхъ всадниковъ. Поговаривали всюду, будто онъ намѣревается купить на Руси помѣстья и поселиться тамъ на случай, если бы вѣроломные молдаване свергли его съ престола. Король Августъ не довѣрялъ туркамъ, которые еще при жизни Солимана, отца Селима, нерѣдко производили вооруженные набѣги на Русь приднѣстровскую, разоряли замки, города и села и уводили въ плѣнъ множество народа и значительные стада скота. Союзъ съ Богданомъ въ случаѣ войны съ турками обезпечивалъ Польшѣ помощь со стороны Молдавіи, которая, находясь посреднѣ между Польшею и Турціею, представляла какъ бы щитъ и крѣпкую стѣну, удерживающую напоръ варваровъ. Польскіе магнаты, сознавая эти обстоятельства, были расположены къ союзу съ Богданомъ; онъ жъ, полагаясь на дружбу великаго монарха, часто бывалъ на Руси, посѣщалъ дома болѣе знатныхъ лицъ, расположеніе которыхъ онъ старался снискивать богатыми подарками. Когда эти обстоятельства сдѣлались извѣстны султану Селиму, вступившему на престолъ послѣ смерти отца, онъ вознегодовалъ на то, что польскому королю въ силу договора обѣщано было господаремъ столь численное вспомогательное войско, и рѣшился втайнѣ низложить Богдана, предоставивши господарство другому лицу. Онъ опасался, чтобы поляки, воинственные сами по себѣ, не пріобрѣли рѣшительнаго надъ нимъ перевѣса при содѣйствіи Богдана и цѣлой Молдавіи. Между тѣмъ господарь возбудилъ также большое къ себѣ нерасположеніе среди молдаванъ за то, что заключилъ тѣсный союзъ съ поляками и обѣщалъ имъ вспомогательное войско отъ имени народа, но безъ его вѣдома; притомъ онъ обѣщалъ отдать въ замужество свою сестру Крыштофу Зборовскому, брату краковскаго воеводы Петра, какъ раньше отдалъ другую сестру замужъ за русина Каспера Паневскаго. Бракъ этотъ былъ весьма желателенъ для Зборовскаго, ожидавшаго получить богатое приданое; чтобы скорѣе покончить это дѣло, Зборовскій посѣтилъ Богдана въ Молдавіи съ многочисленною бле-

стящею свитою. Совершенно для него неожиданно господарь отказалъ ему въ рукѣ сестры. Зборовскій возвратился на Русь, гдѣ владѣлъ обширными помѣстьями, и рѣшился отомстить ему при первой возможности. Случай къ тому вскорѣ представился, такъ какъ Богданъ также отправился на Русь къ Яну Тарлу, на дочери котораго, дѣвицѣ исполненной красоты и добродѣтели, намѣренъ былъ жениться. Когда онъ на саняхъ переправился по льду черезъ Днѣстръ и въ сопровожденіи одного или двухъ придворныхъ далеко опередилъ свою свиту, онъ встрѣтилъ пажа Зборовскаго, который со слезами на глазахъ жаловался, будто бы потерялъ письма, порученныя ему его господиномъ. Затѣмъ пажъ во весь опоръ понесся къ Зборовскому и извѣстилъ его, что встрѣтилъ господаря, ѣхавшаго безъ всякаго конвоя. Зборовскій немедленно бросился въ погоню съ нѣсколькими изъ своихъ придворныхъ и настигъ его, благодаря быстротѣ своихъ лошадей; въ послѣдовавшей затѣмъ схваткѣ Богданъ былъ раненъ въ ухо шляхтичемъ Сецыгніовскимъ и взятъ въ плѣнъ. Зборовскій объявилъ, что выпуститъ его изъ темницы не иначе, какъ получивши отъ него вознагражденіе за убытки, понесенныя имъ на путешествіе въ Молдавію. Находясь въ крайности, Богданъ уплатилъ ему 6,000 червонцевъ и обязался въ опредѣленный срокъ уплатить остальную претензію. За него поручился Паневскій.

Этотъ поступокъ Зборовскаго сильно не понравился королю Августу. Съ другой стороны молдаване, не довѣряя Богдану и негодуя за то, что онъ уѣхалъ въ Польшу, просили Селима назначить имъ другаго господаря. Назначенъ былъ Ивонія, о которомъ думаютъ, что онъ полякъ, родомъ изъ Мазовіи, самъ же онъ утверждалъ, что онъ потомокъ древнихъ господарей молдавскихъ[1]). Это былъ человѣкъ высокаго роста, представительной наружности, лицо его было красиво, взглядъ пріятный, внушающій уваженіе, тѣлосложеніе крѣпкое. Еще при жизни Солимана, послѣ смерти господаря Александра, онъ искалъ молдавскаго воеводства, но тогда это званіе

[1]) Происхожденіе Ивоніи осталось неизвѣстнымъ; онъ выдавалъ себя за побочнаго сына господаря Стефана VII, но въ подтвержденіе этого заявленія не имѣлъ ни документовъ, ни другихъ доказательствъ.

было предоставлено Богдану. Послѣ этой неудачи онъ часто посѣщалъ и Турцію, и Русь вмѣстѣ съ молдаваниномъ Іереміею Черневичемъ, измѣна котораго должна была погубить его впослѣдствіи. Для того, чтобы снискать расположеніе турокъ, Ивонія принялъ обрѣзаніе и сдѣлался мусульманиномъ, разсчитывая такимъ путемъ достигнуть значительныхъ выгодъ; онъ окружилъ себя роскошною и великолѣпною обстановкою, обратившею на него вниманіе не только болѣе знатныхъ пашей, но и самаго Селима. Подкупивъ дарами членовъ дивана, Ивонія началъ внушать имъ подозрѣнія относительно Богдана, доказывая, что послѣдній преданъ польскому королю, и, опираясь на покровительство поляковъ, можетъ свергнуть турецкое иго. Селимъ внялъ внушеніямъ дивана и, раздраженный отсутствіемъ господаря, который оставался на Руси для излѣченія ранъ, онъ передалъ Ивоніи молдавское господарство; сверхъ того вручилъ ему значительный отрядъ войска для того, чтобы побудить народъ принести ему присягу на вѣрность. Говорятъ, что король Августъ спрашивалъ у Селима объясненія по поводу этихъ распоряженій, но тотъ отвѣтилъ, что послалъ Ивонію въ Молдавію исключительно по дѣламъ торговымъ. Между тѣмъ этотъ послѣдній безъ труда подчинилъ себѣ страну и привелъ народъ къ присягѣ на вѣрность.

Есть въ Молдавіи крѣпость Хотинъ, недоступная по своему мѣстоположенію; Богданъ рѣшился занять ее сильнымъ гарнизономъ, но турки, оберегавшіе ее, отказались впустить его и дали рѣшительный отпоръ. Въ виду переворота въ Молдавіи Богданъ, на основаніи договора, потребовалъ отъ короля Августа военной помощи противъ турокъ. Король отрядилъ 4,000 конницы подъ начальствомъ подольскаго воеводы Николая Мелецкаго, вождя опытнаго и разсудительнаго, которому поручено было возстановить Богдана на господарскомъ столѣ. Но попытка эта оказалась тщетною, ибо Молдавію занимали столь численныя турецкія войска, что Мелецкій успѣлъ только занять Хотинъ въ пользу Богдана, послѣ чего принужденъ былъ отступить обратно въ Русь, причинивъ туркамъ незначительный уронъ. Во время этого похода въ числѣ другихъ отличился военною доблестью благородный рыцарь Николай Гер-

бурть. Онъ былъ окруженъ отрядомъ турецкой конницы, но успѣлъ пробиться сквозь ея ряды, перебить многихъ непріятелей и, не получивъ ни одной опасной раны, благополучно соединился со своимъ войскомъ. Богданъ нѣкоторое время продержался въ Хотинѣ и, усиливъ укрѣпленія этого города, передалъ начальство надъ крѣпостью знатному польскому дворянину Доброславскому, а самъ бѣжалъ въ Москву, гдѣ, какъ говорятъ, и поселился.

Доброславскій не долго управлялъ Хотиномъ; онъ вскорѣ сдалъ крѣпость Ивоніи по приказанію польнаго гетмана Язловецкаго, получившаго соотвѣтственное распоряженіе отъ короля Сигизмунда Августа; при томъ въ это время распространилась молва о смерти короля; Ивонія возстановилъ спокойствіе въ Молдавіи. Онъ обязался уплачивать Селиму гарачъ въ обычномъ размѣрѣ, а противниковъ своихъ, въ особенности родственниковъ Богдана, отличавшихся знатностью рода и богатствомъ, предалъ жестокимъ казнямъ. Такимъ образомъ онъ злоупотребилъ побѣдою, забывая, что подобная участь можетъ постигнуть и его самого.

Между тѣмъ господарь Валахіи Петръ [1]) былъ сильно озабоченъ тѣмъ, чтобы устроить судьбу своего брата. Расположенные къ нему совѣтники Селима подали ему мысль низвергнуть съ молдавскаго стола, въ пользу брата, Ивонію при помощи турокъ, подобно тому, какъ самъ Ивонія свергнулъ съ престола Богдана. При этомъ послѣдовали точно образу дѣйствій, которому непосредственно передъ тѣмъ слѣдовалъ Ивонія. Петръ сверхъ того обѣщалъ уплачивать двойной гарачъ, т. е. 120,000 червонцевъ, въ случаѣ если братъ его получитъ молдавское воеводство; притомъ онъ донесъ, что Ивонія, отрекшись отъ магометанства, вновь сдѣлался христіаниномъ и открыто покровительствуетъ христіанамъ, что, по примѣру Богдана, онъ завязалъ дружелюбныя сношенія съ Польшею и, опираясь на ея помощь, въ непродолжительномъ времени освободится отъ турецкаго господства. Члены дивана, убѣжденные

---

[1]) Онъ названъ ошибочно; господаремъ Валахіи былъ въ то время Александръ II, сынъ Петра II Хромаго.

этими словами и обѣщаніемъ большаго гарача, успѣли уговорить Селима отправить къ нему посольство и вызвать въ Константинополь, при чемъ онъ долженъ былъ передать послу управленіе Молдавіею. Въ случаѣ, если бы Ивонія не исполнилъ приказа, рѣшено было прибѣгнуть къ оружію. Селимъ, жадный къ деньгамъ и недавно опорожнившій свою казну на вооруженіе флота, который былъ разбитъ венеціанцами на Іоническомъ морѣ во время взятія Кипра—легко склонился на это предложеніе. Онъ отправилъ къ Ивоніи посольство, прибывшее 21 февраля, въ тотъ самый день, когда въ Краковѣ короновался королевскою коропою Генрихъ Валуа.

Посолъ турецкій сказалъ слѣдующую рѣчь: „Султанъ Селимъ прислалъ меня къ тебѣ, господарь Ивовія, для того, чтобы я тебѣ передалъ приказанія, которыя ты обязанъ немедленно исполнить: ты долженъ будешь впредь уплачивать гарачъ въ двойномъ количествѣ, т. е. 120,000 червонцевъ въ годъ;—если ты не исполнишь этого требованія, то султанъ имѣетъ уже въ виду другое лицо, которое обязывается за себя и за своихъ наслѣдниковъ уплачивать эту сумму. Но султанъ Селимъ, полагаясь на твою вѣрность и преданность, не желаетъ лишать тебя молдавскаго стола, если ты станешь уплачивать упомянутый гарачъ. Если же ты не исполнишь требованія, то ты долженъ немедленно уступить свой постъ и послѣдовать за мною въ Константинополь для представленія отчета за время твоего управленія. Но если ты усумнишься исполнить и это требованіе, то знай, что султанъ пришлетъ твоего преемника въ сопровождевіи многочисленваго войска, которое займетъ Молдавію. Покорись волѣ падишаха, ибо, въ противномъ случаѣ, султанъ, доведенный до крайняго предѣла гнѣва, лишитъ тебя не только престола, но и самой жизни“.

Слова эти сильно встревожили Ивонію; онъ притворился больнымъ и приказалъ своимъ боярамъ отвести посла въ его квартиру для того, чтобы выиграть время; дѣло было слишкомъ важно и требовало обсужденія, потому онъ не рѣшился отвѣчать немедленно послу.—Такъ какъ рѣшеніе дѣла зависѣло отъ сената, то Ивонія назначилъ его засѣданіе черезъ нѣсколько дней. Между тѣмъ, послѣ

ухода посла онъ сталъ обдумывать требованія султана. Онъ соображалъ, что турки вѣроломны и обыкновенно не исполняютъ обѣщаній, данныхъ даже подъ присягою христіанскимъ владѣтелямъ (непонятно, по какому праву Ивонія причислялъ себя къ нимъ, такъ какъ онъ былъ отступникомъ отъ христіанства) и выжидаютъ только предлога для того, чтобы нарушить принятыя ими обязательства. Непомѣрно большая сумма дани, которую Селимъ требуетъ отъ страны, обнищавшей и разоренной междоусобною войною, не удовлетворитъ его, напротивъ того уплата ея усилитъ его жадность; въ будущемъ году онъ вновь потребуетъ прибавки и требованіямъ его невозможно будетъ удовлетворить даже при самыхъ дружныхъ усиліяхъ всего народа; потому согласіемъ на уплату двойной дани нельзя достигнуть спокойствія и безопасности, тѣмъ болѣе, что есть какое то лицо, которое, повышая сумму дани, пытается добиться господарства.— Обдумавъ всѣ эти положенія, онъ обратился къ сенату съ слѣдующею рѣчью: „Никогда, вѣроятно, вамъ не случалось совѣщаться при болѣе трудныхъ и тяжелыхъ обстоятельствахъ; Селимъ, возгорѣвшись безмѣрною жадностью, не удовлетворяется тѣмъ гарачемъ, который мы ему постоянно уплачиваемъ, и требуетъ уплаты его въ двойномъ количествѣ. Не мое дѣло побуждать васъ къ согласію на это требованіе, ибо вся тяжесть уплаты ляжетъ не на меня лично, но на васъ и на вашихъ потомковъ. Если мы откажемъ, то намъ угрожаетъ война съ грозными силами врага, опустошеніе нашей страны, пожары и грабежи. Если согласимся на требуемую уплату, то я не знаю, какимъ образомъ мы удовлетворимъ требованію при всеобщей нищетѣ вслѣдствіе разоренія страны междоусобною войною.—Пусть всякій изъ васъ выскажетъ свое мнѣніе; я, съ своей стороны, полагаю, что, въ случаѣ если мы рѣшимъ уплачивать столь непосильный гарачъ, Селимъ не удовлетворится имъ и станетъ ежегодно повышать сумму, пока не овладѣетъ всѣмъ нашимъ имуществомъ. По моему мнѣнію лучше лишиться жизни вмѣстѣ съ нашими женами и дѣтьми, чѣмъ терпѣть такія обиды. Я говорю это не изъ желанія сохранить свое имущество, ибо новый налогъ касается васъ, не меня; и потому вы опредѣленно выскажитесь: желаете ли долѣе пести по-

зорное и тягостное ярмо. Я готовъ принять дѣятельныя и усиленныя мѣры для того, чтобы этому невѣрному псу не дозволить взять съ васъ не только новой, требуемой имъ подати, но чтобы вовсе освободиться отъ гарача; я думаю, что я успѣю этого достигнуть, если вы меня дружно поддержите. Я сознаю, милые товарищи, свои обязанности по отношенію къ вамъ и вашей странѣ, за цѣлость и безопасность которой я готовъ сложить голову". Слушая его рѣчь, сенаторы съ грустью обдумывали, молча, его слова и трепетали, будто подъ вліяніемъ страшнаго кошмара.—Слова Ивоніи не были плодомъ досужаго краснорѣчія, но изображали истинное положеніе дѣлъ; дѣйствительно, турецкая неволя развивалась быстрыми шагами, и потому они предпочли смерть безчестію и униженіямъ. Они объявили, что немедленно перевезутъ свои семейства и болѣе цѣнное имущество въ хотинскую крѣпость, сами же соберутъ на свой счетъ войско для Ивоніи и отправятся на встрѣчу врагу на берега Дуная съ твердымъ намѣреніемъ отстаивать свое дѣло до послѣдней крайности, въ чемъ они принесли присягу. Ивоня, выслушавъ ихъ рѣшеніе, одобрилъ его краткою рѣчью и принялъ присягу въ томъ, что они соединятъ съ нимъ свои силы для успѣха общаго дѣла и будутъ до послѣдней крайности сражаться съ турками. Въ свою очередь онъ принесъ присягу въ томъ, что не сложитъ оружія, пока не вытѣснитъ турецкой арміи изъ Молдавіи и не заставитъ турокъ заключить почетный миръ.—Послѣ исполненія присяги, Ивонія приказалъ позвать турецкаго посла и въ присутствіи сената объявилъ ему слѣдующій отвѣтъ: „Согласно данному мною раньше Селиму, какъ моему сюзерену, обязательству, я готовъ былъ уплачивать гарачъ и не помышлялъ о томъ, чтобы уклониться отъ этой обязанности. Но тягостныя требованія ежедневно возрастаютъ до такой степени, что становится невозможнымъ выносить впредь столь позорную зависимость. Удвоеннаго гарача я не въ состояніи взыскать съ моихъ подданныхъ и потому усиленно прошу Селима, чтобы онъ мнѣ не ставилъ въ вину отказа. Я ожидалъ, что дружба Селима принесетъ мнѣ не угнетеніе, а славу и защиту, и потому я добивался молдавскаго господарства, которое и получилъ въ награду

за мою вѣрность. Еще разъ усиленно его прошу не разрушать упованія, которое я на него возлагалъ". Сказавъ эти слова, онъ отправилъ посланника, не давъ ему никакихъ подарковъ, и приказалъ его проводить за Дунай, до границъ Молдавіи, подъ эскортою молдавской конницы. Такъ какъ не подлежало сомнѣнію, что отвѣтъ Ивоніи раздражитъ Селима, то немедленно послѣ высылки посла начались военныя приготовленія. Пѣхотѣ было назначено жалованье, равное тому, какое получала конница. Всѣ окружили дружно Ивонію и клялись въ томъ, что будутъ бороться съ жестокимъ Селимомъ до послѣдней капли крови, что скорѣе лишатся отечества, жизни, женъ и милыхъ дѣтей, чѣмъ оставятъ дѣло своего господаря.—Тотчасъ же опредѣлено было взымать усиленную подать, для того, чтобы дать Ивоніи возможность нанять польскихъ солдатъ, которые болѣе другихъ славились мужествомъ.

Ивонія, ободренный готовностью молдаванъ къ борьбѣ, вполнѣ положился на ихъ вѣрность и отправилъ пословъ въ Краковъ, поручивъ имъ извѣстить короля Генриха и польскій сенатъ о положеніи дѣлъ въ Молдавіи и просить помощи для предстоящей трудной войны съ Селимомъ, подобно тому, какъ издревле польскіе короли всегда находились въ союзѣ съ молдавскими господарями и защищали ихъ отъ турокъ; при томъ послы должны были поставить на видъ то обстоятельство, что Польша должна оказать помощь и защиту Молдавіи въ своемъ же интересѣ, ибо она, благодаря Молдавіи, уже много лѣтъ свободна отъ турецкихъ вторженій; если же турки завладѣютъ Молдавіею, то опасность будетъ угрожать польскому королевству. Послы особенно настойчиво просили, чтобы, въ случаѣ отказа въ военной помощи, король приказалъ объявить черезъ возныхъ въ Каменцѣ, Львовѣ и въ другихъ городахъ, что господарь готовъ принять къ себѣ въ военную службу всякаго желающаго служить за хорошее жалованье, ибо господарь болѣе дорожитъ независимостью своего государства, чѣмъ денежными средствами.—Король Генрихъ отвѣтилъ посольству, что онъ не можетъ ни послать вспомогательнаго войска, ни разрѣшить полякамъ

поступать на службу въ Молдавію потому, что Польша заключила съ Турціею мирный договоръ срокомъ на сто лѣтъ.

Ивонія, получивъ печальное извѣстіе объ отказѣ въ помощи со стороны Польши, рѣшился положиться исключительно на своихъ и на малочисленный отрядъ польской конницы, который отправился было искать добычи на берега Днѣпра и Чернаго моря; это были люди, испытанные въ бою и привыкшіе къ побѣдамъ; въ это именно время, не успѣвъ снискать добычи, они возвращались домой. Къ нимъ послано было приглашеніе отправиться въ Молдавію и предложено жалованье по ихъ усмотрѣнію, лишь бы они помогли въ борьбѣ съ турками, для нихъ же ненавистными, такъ какъ на нихъ исключительно возлагается надежда на успѣхъ. Ивонія, по совѣту своихъ сенаторовъ, дважды посылалъ къ нимъ гонцевъ. Конница эта была неутомима, она никогда не оставалась на одномъ мѣстѣ, но постоянно рыскала за добычею, преслѣдуя непріятелей въ пустынѣ вдали отъ всякихъ путей, по самымъ укромнымъ мѣстамъ. Ивонія обратился къ этому отряду, заявивъ, что хочетъ переговорить съ нимъ по дѣлу, и для того, чтобы они не боялись хитрости, онъ приказалъ объявить имъ съ полною откровенностью, что ему угрожаетъ война съ султаномъ, что потому ему необходимо завербовать ихъ на службу и что онъ готовъ имъ давать жалованье, по ихъ собственной оцѣнкѣ, уплачивая его не по полугодіямъ и не помѣсячно, а даже, если нужно, каждодневно. Когда козаки (въ Польшѣ симъ именемъ называли этихъ наѣздниковъ) услышали условія Ивоніи; они тотчасъ отправились къ нему, несмотря на запретъ короля Генриха. Заботясь о славѣ и добычѣ какъ своей, такъ и своихъ предводителей, козаки, съ разрѣшенія своей старшины, тотчасъ предприняли разъѣзды съ цѣлью захватить нѣсколько человѣкъ турокъ и татаръ, чтобы вывѣдать отъ нихъ планы и намѣренія враговъ; ибо хотя турки и татары, повидимому, пребывали въ мирѣ съ Польшею и, какъ казалось, дорожили имъ, тѣмъ не менѣе значительныя скопища ихъ врывались часто въ Русь и въ Подоліе, причиняли значительныя опустошенія, и, при приближеніи военныхъ отрядовъ, разсѣивались и убѣгали домой.

Во главѣ этихъ козаковъ стояли слѣдующіе вожди: Свѣрчовскій, мужъ опытный въ военномъ дѣлѣ и отличавшійся необыковенною силою, онъ имѣлъ отрядъ въ 200 конницы, сверхъ того 200 человѣкъ брацлавянъ и столько же барянъ [1]); всѣ они находились подъ начальствомъ Свѣрчовскаго и не могли сражаться безъ его приказанія.—Въ отрядахъ Козловскаго и Стуженскаго находилось по 200 человѣкъ. Янціусъ и Соколовскій имѣли отряды по 100 человѣкъ. Всѣ они, по приглашенію воеводы, прибыли въ Молдавію безъ всякаго опасенія. Ивонія, узнавъ о вступленіи ихъ въ предѣлы Молдавіи, отправилъ посольство съ порученіемъ привѣтствовать ихъ дружески отъ имени господаря и снабдить ихъ всякаго рода провіантомъ. Когда козаки приблизились къ молдавскому лагерю, Ивонія выѣхалъ имъ на встрѣчу, окруженный сенаторами и отрядомъ отборной конницы. Замѣтивъ ихъ расположенность къ себѣ и готовность подвергнуться опасности, онъ произнесъ лишь нѣсколько словъ радостнаго привѣтствія, дальнѣйшую рѣчь его прервали слезы. Затѣмъ онъ пригласилъ предводителей въ свой лагерь на угощеніе и здѣсь пространно разсказалъ о войнѣ съ Селимомъ и объ угрожающей опасности. Когда козаки вступали въ лагерь, господарь приказалъ палить изъ большихъ пушекъ, громъ которыхъ отражался въ небѣ и заставлялъ дрожать землю; козаковъ встрѣтила молдавская пѣхота въ равномъ числѣ ихъ количеству, приняла ихъ лошадей и доставила имъ обильный кормъ. Сдѣлавъ эти распоряженія, Ивонія угостилъ козаковъ не походнымъ солдатскимъ обѣдомъ, а роскошнымъ пиршествомъ. Вожди козацкіе и болѣе знатные молдаване приглашены были Ивоніею къ обѣду въ большую палатку, разбитую въ полѣ; остальныхъ козаковъ угощали въ другихъ палаткахъ. По окончаніи обѣда принесли серебряныя миски, наполненныя золотою монетою, которая предложена была козацкой старшинѣ и ихъ слугамъ; господарь заявилъ любезно, что послѣ долгаго похода, они вѣроятно нуждаются въ средствахъ для подкрѣпленія

[1]) Т. е. жителей барскаго староства, въ которомъ находились многочисленныя боярскія села.

усталыхъ членовъ и для омовенія въ банѣ. Предводители козацкіе, исполненные удивленія, по скромности долго отказывались отъ подарка, но должны были уступить настойчивымъ просьбамъ господаря и молдавскихъ вельможъ. Они поблагодарили за такую щедрость, встали съ мѣстъ и объявили, что въ присутствіи господаря они не осмѣлятся сѣсть. Ивонія пригласилъ ихъ на правое крыло лагеря, гдѣ назначена была стоянка козакамъ; туда онъ послалъ шесть большихъ амфоръ прекраснаго вина и 600 талеровъ, прося козаковъ выпить за его здоровье. Въ сосудахъ этихъ обыкновенно сберегается вода для солдатъ, которые, во время похода черезъ безводныя степи, сильно страдаютъ отъ жажды. Затѣмъ господарь прикомандировалъ къ козакамъ отрядъ фуражировъ, которые должны были заботиться о продовольствіи людей и лошадей. На разсвѣтѣ Ивонія самъ посѣтилъ козацкихъ предводителей и пригласилъ ихъ въ свою палатку для совѣщанія совмѣстно съ молдавскимъ совѣтомъ о важномъ дѣлѣ. Когда козаки явились, Ивонія сказалъ имъ слѣдующую рѣчь на польскомъ языкѣ: „Храбрые рыцари! я бы не рѣшился вызывать васъ изъ вашего отдаленнаго отечества для помощи въ столь трудномъ и опасномъ дѣлѣ, еслибы я не былъ увѣренъ въ вашемъ мужествѣ и стойкости; но убѣдившись въ этомъ непреклонно, я пригласилъ васъ для того, чтобы вы оказали мнѣ содѣйствіе военными трудами и вашею опытностью въ предстоящей войнѣ съ моимъ жестокимъ врагомъ, султаномъ Селимомъ. Назначая вамъ жалованье, я опасаюсь лишь того, чтобы вознагражденіе не оказалось ниже заслугъ вашихъ; во всякомъ случаѣ, каковъ бы ни былъ исходъ войны съ грознымъ врагомъ, я вамъ доставлю въ изобиліи денегъ, провіанта и корма для лошадей. Я увѣренъ, что, сохраняя вашу прежнюю доблесть, вы въ предстоящей войнѣ будете дѣйствовать соотвѣтственно заслуженной вами повсемѣстно репутаціи, которой я всецѣло довѣрился. Искренно благодарю васъ за то, что вы, христіанскіе воины, прибыли ко мнѣ, христіанскому владѣтелю; я всегда буду съ благодарностью вспоминать вашъ поступокъ. Хотя число вашего войска слишкомъ незначительно въ виду предстоящей опасности, тѣмъ не менѣе приходъ вашъ обнадежилъ меня болѣе,

чѣмъ присылка любаго вспомогательнаго отряда въ 20,000 человѣкъ. Я охотно обязываюсь уплачивать вамъ жалованье, въ томъ размѣрѣ, въ какомъ вы сами потребуете. Я не желалъ бы изображать вамъ турецкія силы непобѣдимыми, но я долженъ признать, что понынѣ судьба имъ постоянно благопріятствовала; происхожденіе турокъ ничтожно и презрѣнно, а между тѣмъ они снискали такое могущество, что неимовѣрный ростъ его слѣдуетъ приписать скорѣе ихъ коварству и преступленіямъ, чѣмъ ихъ доблести. Я полагаю, что Господь тѣмъ долѣе терпитъ безнаказанно ихъ злодѣянія, чѣмъ тяжелѣе ихъ преступленія и чѣмъ строже уготовленное имъ возмездіе; если понынѣ турки пользовались постояннымъ успѣхомъ, то это было слѣдствіе воли Господней, дозволившей имъ возвыситься для того, чтобы паденіе ихъ было тяжелѣе. Не стану далѣе распространяться. Расположеніе мое къ вамъ вы достаточно чувствуете и сознаете; какую участь ни готовила бы намъ судьба, я ее охотно раздѣлю съ вами".

Свѣрчовскій отвѣчалъ отъ имени своихъ товарищей краткою, но энергичною, какъ подобало воину, рѣчью: „Не жалованье твое, Ивонія, привлекло насъ сюда, ибо о немъ мы менѣе всего думаемъ, но рыцарскій порывъ къ борьбѣ съ жестокимъ и тягостнымъ врагомъ христіанства. Мы не настаиваемъ на количествѣ платы, пусть прежде исходъ войны рѣшитъ нашу участь. Лучшая для насъ награда будетъ состоять въ томъ, если мы успѣемъ вытѣснить врага изъ твоей страны и принудить его къ заключенію мира на справедливыхъ условіяхъ. Сопровождая насъ, ты раздѣлишь нашу участь. Мы не страшимся турецкаго могущества, надежду на успѣхъ возлагаемъ на волю Провидѣнія и смѣло выступимъ противъ врага, чтобы отразить его нападеніе на твои владѣнія". Ободренный рѣчью Свѣрчовскаго, Ивонія пригласилъ къ себѣ на обѣдъ козацкихъ начальниковъ, на другомъ же столѣ логофетъ Іеремія, начальникъ молдавской конницы, угощалъ молдавскихъ сенаторовъ. Встрѣча эта происходила марта 20 числа.

Селимъ, услышавъ отвѣтъ Ивоніи, воспламенился гнѣвомъ, который старался еще болѣе усилить его посолъ (обиженный тѣмъ,

что не получилъ обычнаго подарка). Султанъ немедленно отправилъ въ Валахію 30,000 турокъ и 2000 венгерцевъ и приказалъ волошскому господарю [1]) присоединить къ этому войску свои силы, схватить Ивонію и доставить его въ Константинополь, молдавское же господарство предоставить своему брату. Господарь немедленно подпялъ всѣ свои силы и, соединившись съ турками и венграми, переправился черезъ рѣку Молдаву. У него была армія численностью почти въ 200,000, которая не только была достаточна для того, чтобы изгнать Ивонію изъ Молдавіи, но могла побѣдоносно сразиться съ силами могущественнѣйшаго монарха. Армія эта, утомленная форсированнымъ маршемъ впродолженіе сутокъ, не ожидая нападенія со стороны Ивоніи, безпечно расположилась на берегахъ рѣки и выгнала лошадей на окружающіе лагерь луга. Между тѣмъ разъѣзды извѣстили Ивонію во время обѣда, что большая армія турецкая, которой число трудно точно опредѣлить, повидимому болѣе чѣмъ въ 100,000 человѣкъ, переправляется черезъ Молдаву, что она расположилась въ лагерѣ безпечно: люди отправились спать, лошадей же выгнали на пастбища; что Ивоніи легко будетъ разгромить враговъ, если онъ произведетъ быстрое нападеніе. Ивонія встрѣтилъ это извѣстіе съ восторгомъ. Онъ тотчасъ отправилъ Свѣрчовскаго съ козаками и 6,000 молдаванъ, которые, зная турецкій языкъ, легко могли собрать нужныя извѣстія; самъ же господарь съ тяжело вооруженными отрядами отправился вслѣдъ за Свѣрчовскимъ.

Свѣрчовскій заявилъ своимъ подчиненнымъ, что для успѣха предпріятія они должны хранить во время похода глубокое молчаніе, чтобы не встревожить непріятеля. Подступивши къ стоянкѣ враговъ, онъ замѣтилъ волошскій караулъ, состоявшій изъ 40 человѣкъ, которому поручено было оберегать безопасность лагеря; козаки окружили этотъ отрядъ и забрали его въ плѣнъ. Плѣнниковъ допросили сначала благосклонно, потомъ съ угрозою, о расположеніи и

[1]) Господаремъ Валахіи былъ въ то время Александръ II (1567—1577); онъ, по примѣру дѣда своего Мирчи III и отца Петра II Хромаго, велъ съ помощью турокъ ожесточенную борьбу съ боярами; молдавское господарство онъ желалъ доставить своему брату Петру, поддерживавшему его весьма усердно въ этой борьбѣ.

намѣреніяхъ враговъ; устрашенные угрожавшею имъ опасностью, они покорно пали на колѣни и сказали, что волохи и турки сильно утомлены продолжительнымъ и труднымъ походомъ, что они безпечно расположились для отдыха, вовсе не ожидая нападенія Ивоніи, и что ихъ легко побѣдить, захвативши въ расплохъ; численность арміи они опредѣлили слѣдующими цифрами: волоховъ 70,000, турокъ 30,000, венгровъ 3,000. Собравъ эти свѣдѣнія, козаки отправили гонца къ Ивоніи, чтобы сообщить ему извѣстія о состояніи врага; они понуждали его ускорить походъ въ виду легкой побѣды, сами же залегли вблизи непріятельскаго лагеря, сохраняя полную тишину, дабы не разбудить враговъ и не подать имъ повода къ опасенію. Ивонія, освѣдомившись о состояніи дѣлъ, явился усиленнымъ маршемъ; онъ поручилъ Свѣрчовскому аттаковать лагерь, свои же довольно значительныя силы онъ придвинулъ съ трохъ сторонъ къ лагерю, остававшемуся безъ всякой охраны и защиты. Съ четвертой стороны произвелъ нападеніе Свѣрчовскій, бросившись на враговъ стремительно съ громкимъ крикомъ, чѣмъ произвелъ въ лагерѣ страшное смятеніе. Непріятели, проснувшись отъ неожиданнаго страшнаго шума, не могли опомниться; они подоумѣвали: обратиться ли въ бѣгство, хватать ли оружіе, или принимать другія мѣры. Всѣ кричали, но никто не становился въ боевой порядокъ, между тѣмъ козаки устремлялись отовсюду, разнося страхъ и смятеніе; когда безпорядокъ и паника враговъ достигла высшей степени, появился Ивонія съ своимъ войскомъ и отовсюду окружилъ и сжалъ обращенныхъ уже въ бѣгство противниковъ; всякая возможность бѣгства исчезла, тѣмъ болѣе, что лошади волоховъ находились далеко на пастбищѣ. Лагерь наполнили стоны отчаянія; никто почти не былъ въ состояніи спастись; съ большимъ лишь трудомъ волошскій господарь и его братъ Петръ, претендентъ на молдавскоо господарство, успѣли отыскать своихъ лошадей и бросились бѣжать; они переправились въ бродъ черезъ озеро, соединяющееся съ Дунаемъ, и спаслись въ крѣпость Браиловъ, гдѣ начальствовалъ комендантъ, назначенный Селимомъ. Остальноо войско было перебито и сдѣлалось достояніемъ хищныхъ птицъ. Поразительное зрѣлище представляло

обширное поле, усѣянное воинами или убитыми, или ранеными, которые не были въ состояніи ни бѣжать, ни предпринять что либо существенное для своего спасенія, землю устилали трупы и оружіе и обагряли потоки крови. Значительную добычу, взятую въ лагерѣ, Ивонія распредѣлилъ солдатамъ и особенно козакамъ, которые достаточно ею обогатились. Ивонія простоялъ въ лагерѣ четыре дня, желая доставить отдыхъ солдатамъ, утомленнымъ походомъ и битвою; все это время онъ приказалъ старательно, хотя напрасно, разыскивать труны волошскаго воеводы и его брата.—Затѣмъ со всѣмъ войскомъ онъ двинулся въ Валахію, сталъ занимать города и замки, которыхъ никто не защищалъ; онъ приказалъ истреблять всѣхъ встрѣтившихся жителей безъ различія пола и возраста; села и города опустошалъ и предавалъ пламени. Занятая имъ часть Валахіи представляла печальную картину: вся она дымилась пожарами, стариковъ и дѣтей предавали смерти, матроны и дѣвицы дѣлались жертвами насилія. Ивонія поощрялъ солдатъ, благодарилъ ихъ и утверждалъ, что они имѣютъ право на захватъ добычи послѣ успѣшно одержанной побѣды. Такимъ образомъ войско, угнетая беззащитное населеніе, опустошило страну до границъ Трансильваніи. Здѣсь Ивонія узналъ, что волошскій господарь и братъ его Петръ скрылись въ браиловской крѣпости и немедленно повелъ туда свое войско.

Городъ Браиловъ расположенъ на берегу Дуная; въ немъ былъ обширный замокъ, лежавшій въ мѣстности, защищенной самою природою и снабженный сильнымъ гарнизономъ. Ивонія расположилъ свой лагерь недалеко отъ города и замка, на такомъ однако отъ нихъ разстояніи, чтобы крѣпостная артиллерія не могла причинять ему вреда. Онъ отправилъ письмо къ коменданту замка, требуя выдачи волошскихъ бѣглецовъ: своего непримиримаго врага—господаря и брата его Петра, которые, безъ всякаго съ его стороны повода, затѣяли съ нимъ войну и, потерпѣвъ пораженіе, спаслись бѣгствомъ и укрылись въ Браиловѣ. Онъ заявилъ, что не прекратитъ осады, пока его требованіе не будетъ исполнено, и силою добьется удовлетворенія. Комендантъ замка прислалъ отвѣтъ черезъ четырехъ турокъ (двое изъ нихъ были браиловскіе мѣщане, двое же замковые

служители). Посланные принесли Ивонiи 10 большихъ и 10 малыхъ пушечныхъ ядеръ, двѣ стрѣлы и слѣдующiй отвѣтъ: „Ты выдаешь себя за вассала и слугу Селима и уже потому требованiе твое весьма странно и неудобоисполнимо—между тѣмъ до меня дошло извѣстiе, что ты разгромилъ значительное султанское войско, которому поручено было водворить Петра на молдавскомъ господарствѣ—потому я тебѣ объявляю, что если ты немедленно не прекратишь осады и не отступишь, я тебя угощу лакомствами, образецъ которыхъ посылаю, и надѣюсь, что они въ достаточной мѣрѣ насытятъ тебя и твоихъ подчиненныхъ“. Отвѣтъ этотъ непомѣрно раздражилъ Ивонiю; онъ приказалъ схватить посланныхъ, обрѣзать имъ ноздри и уши и повѣсить передъ крѣпостью вверхъ ногами. Это ужасное зрѣлище должно было служить угрозою, что такая же участь предназначается коменданту и скрывшимся у него бѣглецамъ. Исполнивъ этотъ жестокiй и омерзительный поступокъ, Ивонiя приказалъ немедленно придвинуть къ стѣнамъ, окружавшимъ городъ, заготовленныя лѣстницы и пѣхотѣ идти на приступъ. Приказанiе его было исполнено: пѣхота бросилась на стѣны съ громкими криками и овладѣла ими столь быстро, что гарнизонъ не успѣлъ принять нужныхъ мѣръ для защиты. Стѣны были тотчасъ разрушены и все войско молдавское вступило въ городъ.

Послѣдовало страшное истребленiе турокъ; пощады никому не было; кровь убитыхъ жертвъ ручьями текла въ Дунай; убивали даже грудныхъ младенцевъ, исторгая ихъ изъ рукъ матерей. Убiйства эти продолжались втеченiе четырехъ дней; тщательно осмотрѣли всѣ укромныя мѣста и спрятавшихся въ нихъ жителей извлекали и предавали смерти; страшную месть закончили тѣмъ, что разорили и сожгли городъ, на развалинахъ котораго не осталось не только живаго человѣка, но даже и собаки. Въ добычу солдатамъ досталось множество золота, серебра, жемчугу, денегъ; сокровищъ этихъ награблено было очень много, такъ какъ городъ принадлежалъ къ числу самыхъ богатыхъ въ этой странѣ, ибо послѣ завоеванiя турками греческой имперiи, онъ наслаждался постояннымъ спокойствiемъ и первый разъ только подвергся разграб-

ленію. Побѣдители не оставили ни одного дома, все было разорено и сравнено съ землею, за исключеніемъ замка, въ которомъ затворился немногочисленный гарнизонъ. Ивонія побуждалъ свое войско идти на приступъ къ замку, обнадеживая, что онъ не замедлитъ сдаться несмотря на сильныя укрѣпленія.

Когда войско Ивоніи было занято грабежемъ покореннаго города, лазутчики извѣстили господаря о приближеніи 15,000 турокъ, которые усиленнымъ маршемъ спѣшили на выручку Браилова. Не смущаясь численностью этого отряда, Ивонія отправилъ ему на встрѣчу Свѣрчовскаго съ козаками и восьмитысячною дивизіею молдаванъ. Свѣрчовскій, встрѣтивъ враговъ, немедленно ударилъ на нихъ и нанесъ имъ пораженіе раньше, чѣмъ они успѣли развернуть свои силы и стать въ боевой порядокъ; только одна тысяча турецкой конницы спаслась бѣгствомъ. Козаки пустились въ погоню за разсѣянными врагами и многихъ перебили. Всѣ, успѣвшіе убѣжать, укрылись въ Тегини [1]), крѣпости, лежащей въ турецкихъ предѣлахъ; у этого города расположена была турецкая армія и татарская орда. Свѣрчовскій отправилъ немедленно гонца къ Ивоніи съ извѣстіемъ объ одержанной побѣдѣ; онъ сообщилъ господарю надежду на счастливый исходъ дѣла, но совѣтовалъ ему оставить осаду браиловскаго замка и со всѣмъ войскомъ двинуться къ Тегини. Ивонія, получивъ радостное извѣстіе, прекратилъ осаду Браилова, которая требовала большихъ усилій и представляла значительныя опасности, и поспѣшилъ соединиться съ отрядомъ Свѣрчовскаго. Вслѣдствіе ихъ совѣщанія, вся армія двинулась къ Тегини; городъ былъ взятъ безъ особыхъ усилій и жители его были также перебиты безъ различія пола. Въ этомъ дѣлѣ Свѣрчовскій много способствовалъ побѣдѣ; козацкая конница сражалась въ первомъ ряду и рѣшила битву рукопашною схваткою; при этомъ козаки расположили свой строй такимъ образомъ, что въ серединѣ линіи помѣстили людей вооруженныхъ мушкетами, которые учащеніою стрѣльбою должны были разстроить турецкую линію; на правомъ крылѣ стали

[1]) Тегинь - нынѣ Бендеры; Бѣлгородъ—Аккерманъ

лучники, выпускавшіе на враговъ градъ стрѣлъ, на лѣвомъ же копейщики, прикрывавшіе молдаванъ какъ бы непреодолимою стѣною коній. Послѣ взятія Тегини отрядили 600 козаковъ на бѣлгородскую крѣпость, которую они сожгли, обогатившись при этомъ значительною добычею.

Эти постоянныя побѣды сильно утомили армію Ивоніи, что заставило его втеченіе восьми дней остановиться для отдыха у разоренной тегинской крѣпости. Здѣсь онъ получилъ извѣстіе, что новый отрядъ турокъ и татаръ приближается со стороны Бѣлгорода, но что враги эти не подозрѣваютъ близости молдавской арміи и потому идутъ безпечно, раздѣлившись на мелкія партіи, которыя разсѣялись въ различныхъ направленіяхъ. Козаки обратились къ Ивоніи съ просьбою, чтобы онъ предоставилъ исключительно имъ истребленіе этихъ враговъ; Ивонія въ отвѣтъ на эту просьбу отвѣтилъ слѣдующее рѣчью, которую мы заимствуемъ изъ сочиненія Бартоша Папроцкаго: „Храбрые поляки! Вы заявили столь невѣроятное мужество, такую военную отвагу и увѣнчались такими успѣхами, что я не въ состояніи отказать вамъ ни въ какомъ вашемъ желаніи. Ступайте, истребите съ Божескою помощью вражеское войско, пользуясь пріобрѣтенною вами опытностью. Тебѣ, Свѣрчовскій, я поручаю начальство надъ отрядомъ и я увѣренъ, что ты съумѣешь распорядиться имъ самымъ лучшимъ образомъ, смотря по тому, какъ этого потребуютъ обстоятельства“. Сказавъ это, Ивонія отдалъ, кромѣ козаковъ, въ распоряженіе Свѣрчовскому отрядъ молдаванъ въ 3,000 человѣкъ. Свѣрчовскій благодарилъ господаря за выгодное о немъ мнѣніе и обѣщалъ приложить всѣ старанія, дабы оправдать таковое. Онъ не смѣшалъ молдаванъ съ козаками, но составилъ изъ нихъ отдѣльный отрядъ, который помѣстилъ въ арріергардѣ; своихъ же 1200 козаковъ онъ распредѣлилъ на три партіи: изъ нихъ 400 человѣкъ, вооруженныхъ круглыми щитами, онъ помѣстилъ впереди для защиты отъ турецкихъ копейщиковъ; 400 лучниковъ подъ его личнымъ начальствомъ составили правое крыло; остальные, вооруженные копьями, помѣстились на лѣвомъ крылѣ. Турки, встрѣтивъ это войско, расположились также въ

боевой строй. Свѣрчовскій приказалъ конницѣ, стоявшей въ центрѣ, открыть ружейный огонь, въ то же время съ лѣваго крыла полетѣлъ градъ стрѣлъ на отборную турецкую рать, съ праваго же крыла пошли въ аттаку копейщики, которымъ приказано было спѣшиться. Турки въ самомъ началѣ битвы потеряли надежду на успѣшный ея исходъ; столпившись въ кучу, они хотя и пытались защищаться, но дали возможность козакамъ свободно выбирать слабыя стороны для нападенія. Въ началѣ битвы побѣда колебалась на обѣ стороны, но вскорѣ въ дѣло вступили молдаване, находившіеся въ резервѣ сзади за козацкою конницею; они бросились въ аттаку съ громкимъ крикомъ и отчаянно налегли на отборную турецкую конницу, которая расположена была въ перемежку съ пѣхотою; конница эта первая обратилась въ бѣгство и стала давить собственную пѣхоту, которая въ свою очередь побѣжала въ разсыпную. Эта блестящая побѣда стоила немногихъ жертвъ: въ битвѣ погибли только три козака и около 100 молдаванъ. Ивонія смотрѣлъ лично издали на ходъ битвы. Лагерь и обозъ турокъ были взяты; богатая добыча досталась въ раздѣлъ солдатамъ, все же остальное было уничтожено. Двѣсти плѣнниковъ, подобно стаду, были пригнаны къ Ивоніи; онъ приказалъ гнать ихъ сквозь строй своей пѣхоты и они погибли всѣ подъ ударами косъ, имѣвшихся при арміи для съемки травы. Начальникъ побѣжденнаго войска былъ взятъ въ плѣнъ поляками; это былъ человѣкъ внушительной и благородной наружности, которая располагала въ его пользу; при томъ онъ былъ очень богатъ и обѣщалъ дать за себя выкупъ въ шесть разъ больше обыкновеннаго: онъ предлагалъ одну мѣру жемчугу, двѣ мѣры золота и три мѣры серебра, лишь бы его не выдавали Ивоніи. Но поляки предпочли этимъ богатствамъ сохраненіе вѣрности, въ которой они поклялись Ивоніи, при томъ они уже имѣли большой запасъ золота и серебра, доставшійся имъ въ качествѣ добычи, взятой у турокъ; потому они пренебрегли его обѣщаніями и выдали его Ивоніи. Господарь втеченіе нѣсколькихъ дней допрашивалъ его о состояніи турецкихъ дѣлъ и потомъ приказалъ своей пѣхотѣ изрубить его въ куски. Затѣмъ Ивонія передвинулъ свое войско

къ крѣпости своей, называемой Уссенъ (Яссы), и расположилъ его для отдыха послѣ столь утомительнаго похода и трудныхъ битвъ.

Селимъ былъ сильно встревоженъ столь блестящими успѣхами Ивоніи; онъ боялся потерять не только Молдавію, но даже Грецію, и искалъ утѣшенія въ молитвѣ.

Въ этомъ мѣстѣ Горецкій помѣстилъ краткій, довольно поверхностный, исполненный неточностей и ошибокъ, очеркъ исторіи турецкой монархіи и мугаметанскихъ государствъ и народовъ вообще. Очеркъ этотъ, не представляющій научнаго интереса и составляющій вводный эпизодъ, неимѣющій непосредственной связи съ разсказываемыми событіями, мы пропускаемъ.

Одержавъ три раза побѣду надъ турками, Ивонія вызвалъ къ себѣ Іеремію Черневича, хотинскаго баркалаба (титулъ этотъ по молдавски значитъ комендантъ крѣпости) и обратился къ нему публично съ слѣдующею рѣчью: „Судьба понынѣ благосклонно покровительствуетъ нашимъ усиліямъ въ борьбѣ съ жестокими врагами нашими—турками: мы должны вѣчно воздавать хвалу всевышнему, милосердному Господу за то, что онъ благоволилъ оказать намъ заступничество передъ врагами и ниспослалъ намъ важныя многократныя побѣды. Теперь намъ предстоитъ распустить по домамъ войско, изнуренное продолжительными трудами, предписавъ ему быть наготовѣ къ сбору при полученіи перваго извѣстія о новомъ вторженіи турокъ. — Тебѣ, доказавшему мнѣ вѣрность и постоянство, я вручаю начальство надъ остальнымъ войскомъ (оно состояло изъ 30,000 молдаванъ, хорошо вооруженныхъ и обученныхъ военному дѣлу). Поручаю тебѣ расположиться на берегахъ Дуная и защищать переправу черезъ эту рѣку въ случаѣ, если турки задумаютъ новое вторженіе въ нашу страну. На турецкомъ берегу Дуная ближайшая къ нашимъ предѣламъ крѣпость Мачинъ [1]); постарайся занять ее и, если турки попытаются переправляться черезъ Дунай въ другомъ мѣстѣ, извѣсти меня какъ можно поспѣшнѣе объ ихъ намѣреніяхъ“. Когда Ивонія произносилъ эту рѣчь, многіе проливали слезы умиленія. Затѣмъ онъ обнялъ Черневича, который, ставъ на колѣни, принесъ присягу въ непоколебимой вѣрности.

---

[1]) Въ текстѣ она по ошибкѣ названа Облачимъ.

Сдавши начальство Черневичу, Ивонія распустилъ по домамъ остальное войско для того, чтобы воины укрѣпили отдыхомъ свои силы, разсчитывая, что по первому сигналу они вновь явятся для борьбы съ врагомъ. Между тѣмъ Черневичъ, исполняя данное ему порученіе, отправился на берега Дуная и, занявъ указанныя позиціи, сталъ зорко слѣдить за движеніями турокъ и оберегать переправу черезъ рѣку. Дѣйствительно, значительная турецкая армія приблизилась къ Дунаю, но въ виду его войска не осмѣливалась переправляться. Тогда паши отправили къ Черневичу довѣренныхъ лицъ, предлагая ему 30,000 венгерскихъ червонцевъ за то, чтобы онъ явился къ нимъ для секретныхъ переговоровъ. Прельстившись крупною суммою, Черневичъ рѣшился на подкупъ; онъ принялъ присланныя деньги и тайно отъ своихъ отправился для переговоровъ къ Петру [1]), господарю волошскому, который съ значительнымъ своимъ войскомъ находился въ турецкомъ лагерѣ за Дунаемъ. Петръ изложилъ ему положеніе дѣлъ: онъ доказывалъ, что дѣло Ивоніи нужно считать несомнѣнно проиграннымъ, что Селимъ до того озлобленъ его успѣхами и гибелью своихъ войскъ въ борьбѣ съ вассаломъ, что не приметъ никакого другаго удовлетворенія, кромѣ головы Ивоніи; послѣднему, несмотря на всѣ усилія, невозможно удержать за собою молдавское господарство, которое навѣрно вскорѣ перейдетъ въ другія руки. „Въ виду такого положенія дѣлъ, говорилъ онъ, если ты человѣкъ разсудительный, ты долженъ пользоваться удобнымъ временемъ для того, чтобы серьезными услугами снискать расположеніе Селима. Сообрази, что легко начать войну, но трудно ее выдержать впродолженіе долгаго времени; въ началѣ всегда проявляется больше энергіи, чѣмъ впослѣдствіи, между тѣмъ существенное значеніе имѣетъ не первоначальный успѣхъ, а окончательная побѣда. Мы теперь сознаемъ необходимость войти съ тобою въ сношенія и заключить дружбу, которая для тебя будетъ выгоднѣе войны; правда, Ивонія расточаетъ деньги, но ты сообрази, что не слѣдуетъ жертвовать прочною выгодою изъ за

[1]) Выше уже было замѣчено, что господарь Валахіи Александръ II ошибочно названъ Петромъ.

сомнительнаго дѣла. Ты уже получилъ 30,000 червонцевъ, вскорѣ можешь получить гораздо больше, но внемли моему искреннему совѣту и не связывай своей судьбы съ дѣломъ Ивоніи, которое обречено на вѣрную гибель. Пропусти черезъ Дунай безпрепятственно сильную турецкую армію, которой Селимъ приказалъ занять Молдавію и арестовать Ивонію. Когда страна эта будетъ покорена, ты и твои друзья будете пользоваться высочайшими милостями. Необходимо только, чтобы ты на нѣкоторое время скрылъ отъ Ивоніи переправу турокъ черезъ Дунай, когда же она будетъ благополучно совершена, легко будетъ захватить въ расплохъ бунтовщика, разсѣять его силы и однимъ ударомъ отмстить за нанесенныя имъ пораженія". Эти льстивые совѣты Петръ высказывалъ со слезами на глазахъ, стараясь всѣми мѣрами убѣдить Черневича, чтобы онъ отодвинулъ свои войска отъ Дуная и не препятствовалъ туркамъ переправиться черезъ эту бурную рѣку. Черневичъ, прельщенный обѣщаніями, согласился на предложенныя условія и измѣнилъ присягѣ, которую недавно принесъ Ивоніи. Онъ отстранилъ свои войска отъ береговъ Дуная, которые зорко сторожилъ до того времени, и предоставилъ туркамъ возможность безпрепятственной переправы. Турки перешли рѣку въ числѣ 200,000 съ огромными обозами и со значительнымъ количествомъ тяжелой осадной артиллеріи. Когда переправа была окончена, они приказали Черневичу извѣстить о ней Ивонію. Онъ отправился лично къ господарю и разсказалъ ему, что турки нагрянули столь громадными силами, что онъ не имѣлъ возможности остановить ихъ; онъ совѣтовалъ спѣшить на встрѣчу врагамъ для того, чтобы затруднить въ самомъ началѣ ихъ дѣйствія. Ивонія выслушалъ спокойно это извѣстіе и вовсе не падалъ духомъ; онъ разспрашивалъ Черневича о числѣ турецкаго войска и освѣдомился объ именахъ начальниковъ. Перкалабъ отвѣтилъ, что турецкая армія состоитъ пока изъ 10 или 12,000 тысячъ человѣкъ, но что къ ней подходятъ постоянно новые отряды, такъ что она выростетъ вѣроятно до 15,000, пока господарь успѣетъ выйти ей на встрѣчу. Въ то время Ивонія съ козаками осаждалъ крѣпость Тейницу,—онъ тотчасъ созвалъ сенатъ и спросилъ его мнѣ-

ніе: слѣдуетъ ли прежде взять крѣпость, или же оставить осаду и поспѣшить на встрѣчу грозному врагу и попытаться разсѣять его полчища? Всѣ признали единогласно, что слѣдуетъ прежде разсѣять враговъ, а потомъ уже заняться осадою крѣпости.

Господарь внялъ этому совѣту, выплатилъ жалованье пѣхотѣ и на четвертый день выступилъ изъ своей стоянки при звукѣ трубъ и роговъ, направляясь къ непріятельскому лагерю, находившемуся въ 12 миляхъ. Девятаго іюня онъ расположилъ свой станъ въ трехъ миляхъ отъ непріятельскаго; здѣсь къ нему явились козацкіе предводители для рѣшительнаго совѣщанія. Въ козацкихъ рядахъ слышались одушевленные возгласы, требовавшіе немедленнаго нападенія на грознаго врага, смущеннаго уже значительно столь частыми пораженіями.

Впрочемъ козаки высказывали нѣкоторое смущеніе: они не могли лично провѣрить извѣстій за незнаніемъ турецкаго языка и не довѣряли приближеннымъ Ивоніи. „Господарь, говорили они, колеблется и довѣряетъ болѣе всего лицу, которое мы считаемъ подозрительнымъ. Вслѣдствіе этихъ недоразумѣній, весьма опасныхъ въ настоящемъ положеніи дѣла, намъ необходимо лично объясниться съ Ивоніею“. Предводители козаковъ, вслѣдствіе этой молвы, поспѣшили явиться къ Ивоніи и Свѣрчовскій, попросивъ слова, сказалъ отъ имени всѣхъ товарищей слѣдующую рѣчь: „Уважаемый господарь! Мы понынѣ были тебѣ непоколебимо вѣрны и ты самъ прекрасно знаешь, какія услуги мы оказывали тебѣ въ совмѣстной борьбѣ съ свирѣпымъ врагомъ. Мы вновь готовы сражаться по твоему призыву до послѣдней капли крови, такъ что враги проникнутъ въ Молдавію развѣ по нашимъ трупамъ; но мы считаемъ необходимымъ хорошо сообразить и обдумать дѣло, мы не желаемъ бросаться въ битву наобумъ, не имѣя точныхъ свѣдѣній ни о количествѣ, ни о планѣ дѣйствій врага; бросившись неосмотрительно, мы можемъ попасть въ ловушку, въ которой насъ перебьютъ подобно безсмысленному стаду. Потому ты долженъ намъ обстоятельно изложить свои намѣренія относительно предстоящей кампаніи“.

Ивонія, тронутый словами Свѣрчовскаго, глубоко вздохнувъ, отвѣтилъ: „Храбрые рыцари! Вы для меня дороже жизни; я умѣю вполнѣ оцѣнить вашу храбрость, которую я лично видѣлъ на дѣлѣ, и заслуги, оказанныя вами въ минувшей кампаніи. Я менѣе всего желаю легкомысленно бросать васъ въ жертву врагамъ, но я долженъ заботиться о томъ, чтобы замыслы непріятеля не увѣнчались успѣхомъ. Вблизи отъ насъ расположено мое войско подъ начальствомъ Черневича; онъ первый встрѣтилъ враговъ и успѣлъ хорошо развѣдать ихъ замыслы. Это важное порученіе я возложилъ не на первое встрѣчное лицо, но именно для этой цѣли я выбралъ человѣка, который доказалъ мнѣ вѣрность и преданность среди обстоятельствъ весьма тяжелыхъ и неблагопріятныхъ, который былъ товарищемъ моимъ въ изгнаніи и ссылкѣ. Лично отъ него я знаю, что количество турокъ не превосходитъ 15,000 человѣкъ, но если даже допустимъ, что ихъ вдвое больше, то я полагаю, что мы успѣемъ съ Божьею помощью справиться съ ними“. Выслушавъ этотъ отвѣтъ, Свѣрчовскій просилъ Ивонію, чтобы онъ совокупилъ всѣ свои силы въ одно мѣсто и чтобы разрѣшилъ козакамъ отправиться въ разъѣздъ подъ его начальствомъ съ цѣлью захватить въ плѣнъ кого либо изъ турокъ и такимъ образомъ получить возможность выпытать точныя свѣдѣнія о количествѣ турецкой арміи и о планахъ ея дѣйствій. Ивонія охотно согласился съ этимъ предложеніемъ и отправилъ вмѣстѣ съ Свѣрчовскимъ начальника своей конницы Іеремію съ 6,000 отрядомъ молдаванъ. Посланные наткнулись на пути на разъѣздъ турецкій, состоявшій изъ 6,000 отборной конницы; произошла незначительная стычка; турки очень скоро разсѣялись и обратились въ бѣгство. Въ плѣнъ захваченъ былъ одинъ изъ турокъ, израненный и почти умиравшій; онъ разсказалъ, что турецкая армія весьма малочисленна; но козаки сообразили, что онъ говоритъ неправду, ибо сама численность отряда, посланнаго въ разъѣздъ, указывала на то, что армія должна быть весьма значительна. Они изложили Ивоніи свои соображенія, совѣтуя ему серьезно обдумать свое положеніе и провѣрить правдивость сообщеній Черневича, которому онъ довѣряетъ слишкомъ слѣпо. Ивонія, какъ сказываютъ, отвѣтилъ кратко: „Не-

чего смущаться и страшиться. Я знаю самъ, кому долженъ довѣрять; мы вскорѣ убѣдимся, какова численность непріятельской арміи; что до меня касается, то я прибылъ сюда для того, чтобы защищать мое отечество отъ враговъ до послѣдняго издыханія".

Вслѣдъ за тѣмъ Ивонія придвинулъ свой лагерь къ озеру, соединяющемуся съ Дунаемъ, и распорядился, чтобы доставлены были свѣжія лошади для той конницы, которая въ предъидущую ночь ходила въ разъѣздъ противъ турокъ, для того, чтобы она не отставала отъ остальнаго войска. Вблизи непріятельскаго лагеря возвышался холмъ: Ивонія въѣхалъ на его вершину съ своею свитою, желая обозрѣть расположеніе враговъ, но это оказалось невозможнымъ, потому что турецкій лагерь былъ прикрытъ другою, болѣе къ нему близкою возвышенностью. Онъ увидѣлъ только въ четырехъ различныхъ мѣстахъ турецкіе пикеты, которые передвигались вокругъ своего лагеря, стараясь укрываться за возвышенностями отъ взоровъ молдаванъ. Въ виду близости непріятеля Ивонія раздѣлилъ все свое войско (которое состояло изъ 30,000 солдатъ и множества челяди) на 30 отдѣльныхъ отрядовъ; предъ каждымъ изъ нихъ онъ расположилъ большія осадныя орудія, выбрасывавшія огненныя ядра; такихъ орудій онъ имѣлъ 80. Многочисленную свою пѣхоту онъ отдѣлилъ отъ конницы и предполагалъ самъ оставаться возлѣ нея; но пѣхота, увидѣвъ это намѣреніе и заботясь о его безопасности, обратились къ нему съ просьбою, чтобы онъ переѣхалъ подъ защиту польскихъ козаковъ, гдѣ его жизнь и свобода будутъ гораздо лучше обезпечены; ибо молдавская пѣхота состоитъ изъ крестьянъ, вооруженныхъ весьма плохо, почти исключительно косами, луками, кривыми турецкими саблями и дубинами: крестьяне эти отличались особенною преданностью Ивоніи.

Когда войско было устроено въ крѣпкомъ боевомъ порядкѣ, Ивонія, раньше чѣмъ приказалъ подать сигналъ къ аттакѣ, въѣхалъ еще разъ на вершину возвышеннаго холма, для того, чтобы разсмотрѣть расположеніе непріятелей; онъ увидѣлъ такое огромное количество враговъ, которое превосходило всякое ожиданіе; теперь только онъ убѣдился, что Черневичъ измѣнилъ ему и завлекъ его въ засаду,

онъ немедленно приказалъ призвать его, но Черневичъ отвѣтилъ, что онъ не можетъ явиться, потому, что уже отправляется на бой съ турками за интересы господаря—подъ его предводительствомъ находилось 13,000 прекрасной, пріученной къ бою конницы. Наконецъ данъ былъ боевой сигналъ и Черневичъ первый вступилъ въ битву. Турки ожидали сраженія, выстроивъ свои силы въ боевой порядокъ. При первомъ столкновеніи Черневичъ, условившійся съ врагами, приказалъ своему отряду опустить знамена, снять шлемы и, положивъ на землю копья и мечи, преклонить головы. Турки, увидѣвъ, что отрядъ этотъ сдается добровольно, подняли вверхъ оружіе и приказали сдавшимся вступить въ свой лагерь. Измѣна Черневича наполнила ужасомъ остальное войско Ивоніи; оно подалось назадъ; господаря извѣстили о случившемся, заявивъ ему, что все потеряно. Но извѣстіе это не поколебало его рѣшимости, онъ сохранилъ въ несчастіи богатырскій духъ, ободрилъ своихъ солдатъ и приказалъ атаковать турокъ. Но турки, увидѣвъ отступленіе и колебаніе молдавскаго войска, уже налегли на него всѣми силами и стали его гнать передъ собою; увидѣвъ бѣгство своихъ передовыхъ отрядовъ, Ивонія воспылалъ яростью и приказалъ открыть по нимъ пушечный огонь; такимъ образомъ эти отряды молдаванъ подверглись двойной опасности: отъ турокъ и отъ своихъ. Между тѣмъ турки выдвинули впередъ сдавшихся молдаванъ, и прикрываясь ихъ рядами, по трупамъ ихъ двигались на центръ арміи Ивоніи черезъ ручьи молдавской крови. Въ это время козаки по своему обычаю ударили съ боковъ на турокъ и произвели значительное замѣшательство въ ихъ рядахъ. По слѣдамъ ихъ многіе молдаване, отличавшіеся лучшимъ вооруженіемъ или большею тѣлесною силою, успѣли проложить себѣ путь и храбро напали на враговъ. Смѣшались крики команды, возгласы радости, стоны раненыхъ, бряцаніе оружія, свистъ стрѣлъ, сыпавшихся градомъ съ обѣихъ сторонъ; облака отражали этотъ смѣшанный гулъ. Турки, не будучи въ состояніи выдержать напора молдаванъ, начали было отступать; уступая отчасти страху, отчасти же надѣясь на военную хитрость, они разсѣялись въ разныя стороны, разсчитывая увлечь молдаванъ въ засаду, подъ выстрѣлы пушекъ,

расположенныхъ въ закрытой позиціи, но Свѣрчовскій угадалъ опасность и громкимъ голосомъ приказалъ остановиться польскимъ и молдавскимъ отрядамъ. Тогда турки вновь ударили на нихъ свѣжими силами, но молдаване мужественно отразили аттаку и возвратились въ лагерь невредимыми. Ивонія, обрадованный успѣхомъ, выстроилъ молдаванъ и поляковъ около своей артиллеріи—всѣ они наполнили колчаны стрѣлами, приготовили копья и стали ожидать нападенія враговъ. Турки, получивъ новыя подкрѣпленія, ободрились и вновь повели сильную аттаку; составивъ густую колонну, они сломили безстрашно линію молдаванъ. Послѣдніе бросились впередъ и завязался кровавый рукопашный бой съ равнымъ съ обѣихъ сторонъ ожесточеніемъ; турки и молдаване валились съ коней, люди выбивались изъ силъ, оружіе притупилось; туманъ пыли и дыма отъ пушечныхъ выстрѣловъ покрылъ солнце; въ общемъ смятеніи нельзя было разслышать ничьего голоса; сражавшіеся не видѣли другъ друга и артиллеристы потеряли возможность направлять выстрѣлы. Ивонія, не потерявшій бодрости духа, среди горячей схватки, громкимъ голосомъ приказалъ своимъ войскамъ отступить подъ прикрытіемъ пушекъ и собраться у своихъ знаменъ. Тогда турки отступили. Жители Мачина, смотрѣвшіе на битву съ городскихъ стѣнъ, увидѣвъ, что молдаване осиливаютъ турокъ, стали бѣжать изъ города, исполненные страха, и искали спасенія во внутреннихъ турецкихъ областяхъ, ибо этотъ городъ лежитъ по ту сторону Дуная на турецкой территоріи.

Послѣ этой битвы, обѣ стороны, будто по условію, прекратили военныя дѣйствія. Разразилась страшная гроза и проливной дождь хлынулъ на оба войска. Дождь этотъ причинилъ молдаванамъ большую потерю, ибо подмочилъ порохъ и пушки, оказывавшія имъ въ битвѣ самую существенную пользу [1]).

Когда буря миновала, турки и молдаване возобновили битву съ удвоенною энергіею; 20,000 турокъ, образовавъ колонну, напали

[1]) Въ этомъ мѣстѣ Горецкій помѣстилъ разсужденіе объ исторіи изобрѣтенія пороха и о боевомъ значеніи огнестрѣльнаго оружія, которое мы опускаемъ, какъ эпизодъ, не имѣющій непосредственной связи съ историческимъ разсказомъ.

на ту позицію, гдѣ стояла молдавская артиллерія, теперь уже безвредная, вслѣдствіе порчи подмокшаго пороха; тѣмъ не менѣе молдаване мужественно сомкнули ряды и стали храбро отражать напоръ турокъ. Въ это время появились новые турецкіе отряды и татарская орда, которая, видя, что ей болѣе не угрожаютъ пушечные выстрѣлы, оставила позицію, въ которой до тѣхъ поръ укрывалась, и вступила въ бой. Татары бросились на молдаванъ съ пронзительнымъ крикомъ, оттиснули ихъ отъ пушекъ и обратили въ бѣгство. Бѣглецовъ, разсѣявшихся по обширному полю, турки умерщвляли подобно безоружному стаду. Только 250 козаковъ остались въ строю. Такимъ образомъ, вслѣдствіе измѣны Черневича, рѣшена была судьба войны и послѣдовала окончательная гибель Ивоніи. Господарь между тѣмъ ушелъ къ своей пѣхотѣ, къ которой примкнулъ и упомянутый выше отрядъ 250 козаковъ, которыхъ турки не осмѣлились тронуть во время погони за молдавскою конницею. Прибѣжавъ къ нимъ, Ивонія сказалъ: „Вижу я, храбрые воины, что измѣна Черневича причинила намъ совершенную погибель; увѣряю васъ лишь въ томъ, что трупъ мой ляжетъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ вы погибнете отъ оружія враговъ, и души наши вмѣстѣ улетятъ въ лучшій міръ“. Свѣрчовскій ему отвѣтилъ: „Приближеніе смерти нисколько меня не смущаетъ: совершенно естественно воину ожидать смерти на полѣ битвы; но для того, чтобы смертью нашею не доставить лишняго торжества врагамъ христіанскаго имени, я полагаю, что намъ слѣдуетъ отступить, пока еще имѣемъ для этого время“. Козаки немедленно спѣшились и, ставъ въ ряды пѣхоты, стали помогать тащить большія осадныя пушки, которыхъ было у Ивоніи 60 штукъ. Самъ Ивонія потащилъ лично одну изъ нихъ, подъ которую обыкновенно запрягали 12 лошадей, ибо онъ обладалъ изумительною силою; видя это, поляки выхватили у него эту пушку, предоставивъ ему другую, болѣе легкую. Такимъ образомъ Ивонія сталъ отступать съ 20,000 отрядомъ своей пѣхоты, но вскорѣ оказалось, что пушки слишкомъ тормозятъ отступленіе, потому ихъ бросили, предварительно испортивъ такъ, чтобы онѣ не годились туркамъ для стрѣльбы. Дѣй-

ствительно, когда турки, овладѣвъ ими, попытались употребить ихъ въ дѣло, то онѣ отъ перваго же выстрѣла потрескались.

Между тѣмъ Ивонія, истощенный и павшій духомъ, отступалъ съ своею пѣхотою, остатками конницы и нѣсколькими пушками; отступленіе его происходило весьма медленно и было затруднено грудами труповъ, валявшихся на полѣ битвы. Въ этотъ день онъ успѣлъ пройти едва 1,000 шаговъ; онъ остановился на мѣстѣ, покрытомъ развалинами недавно сожженнаго села; здѣсь онъ расположилъ свой лагерь, окруживъ его валами во избѣжаніе внезапнаго нападенія турокъ. Въ этомъ отношеніи онъ сдѣлалъ ошибку, хотя, можетъ быть, онъ и не могъ поступить иначе, окруживъ себя укрѣпленіями въ мѣстности, совершенно лишенной воды, ибо вскорѣ непреодолимая жажда должна была побудить къ сдачѣ его войско. Іюня 10-го, при закатѣ солнца, турки, преслѣдовавшіе бѣжавшихъ молдаванъ, наткнулись на лагерь Ивоніи и осадили его. Очевидцы разсказываютъ, что ихъ было такое множество, что нельзя было усмотрѣть конца ихъ арміи. Осажденные были окружены столь тѣсно, что никто не могъ выйти изъ лагеря, и они были совершенно отрѣзаны отъ сосѣднихъ селъ, въ которыхъ можно было надѣяться найти провіантъ; турки сожгли ночью эти села, устроивъ большіе костры изъ строеваго матеріала и поддерживая ихъ въ теченіе всей почи для того, чтобы осажденные не воспользовались темнотою для бѣгства или для внезапнаго нападенія. На разсвѣтѣ 11 іюня турки открыли пушечный огонь по лагерю Ивоніи, но ядра не причиняли особеннаго вреда, ибо валы были достаточно высоки; перестрѣлка эта продолжалась три дня съ значительнымъ урономъ турокъ, которыхъ молдаване и поляки разили изъ за валовъ мѣткими выстрѣлами. Непріятели, сообразивъ, что нелегко будетъ овладѣть лагеремъ, вступили съ Ивоніею въ переговоры; они требовали, чтобы господарь сдался немедленно, положившись на милосердіе турокъ и оставивъ надежду на свои разстроенныя военныя силы; ему представляли, что раньше или позже онъ долженъ будетъ сдаться, такъ какъ помощи ему не откуда ждать; потому онъ поступитъ благоразумно, если, обдумавъ свое положеніе, немедленно положитъ оружіе, не проливая напрасно крови ни своего, ни турец-

каго войска. На предложенія эти Ивонія отвѣтилъ: „Я вижу ясно крайность своего положенія, хотя еще могу долго защищаться съ своею пѣхотою, причиняя вамъ немаловажный вредъ; но отчетливо понимая безвыходное состояніе, въ которомъ я нахожусь, я изъявляю готовность къ сдачѣ, но не приступлю къ ней прежде, чѣмъ начальники ваши поручатся за мою неприкосновенность и принесутъ семикратную присягу въ томъ, что они сохранятъ предложенныя мною условія капитуляціи". Сказавъ это онъ приказалъ проводить изъ лагеря парламентеровъ, которые обѣщали вскорѣ принести отвѣтъ на его предложенія. Затѣмъ Ивонія, созвавъ поляковъ и молдаванъ, обратился къ нимъ съ слѣдующею примѣрно рѣчью: „День этотъ горестенъ для насъ, храбрые воины! Мы должны или сдаться, или погибнуть отъ жажды среди этихъ укрѣпленій. Рѣшайте, что для васъ желательнѣе: или сдаться, или затворить лагерныя ворота и готовиться къ неминуемой погибели, или выйти на бой и славно умереть, причинивъ врагу возможный вредъ? Смерть безъ сомнѣнія служитъ исходомъ всякаго бѣдствія: она освобождаетъ тѣло отъ мученій и взоры наши отъ позорныхъ зрѣлищъ; она переселяетъ насъ въ вѣчную жизнь, гдѣ мы будемъ лицезрѣть величіе Господа!" дальнѣйшую рѣчь его прервали слезы; тогда поляки сказали ему въ отвѣтъ: „для насъ, Ивонія, смерть никогда не была и не будетъ устрашеніемъ; потому, если ты рѣшился выйти на послѣдній бой съ врагами, мы также охотно примемъ въ немъ участіе и предпочтемъ славную смерть плѣну, въ которомъ насъ ожидаетъ также гибель среди мученій и издѣвательствъ, ибо турки не имѣютъ обыкновенія сдерживать обѣщанія, данныя христіанамъ". Но молдаване, не чувствуя влеченія къ славной смерти, совѣтывали сдаться, если только Ивонія имѣетъ основанія полагать, что турки исполнятъ принятыя ими на себя обязательства, если же онъ сомнѣвается въ ихъ искренности, то они предпочитаютъ остаться вѣрными господарю и рисковать жизнью вмѣстѣ съ поляками, чѣмъ предательски подвергнуться [illegible]ому плѣну.

Ивонія остался въ нерѣшимости и нѣкоторое время колебался, но наконецъ сожалѣніе о горестномъ положеніи его войска заста-

вило его принять окончательное рѣшеніе; дѣйствительно солдаты гибли отъ жажды и смертность увеличивалась съ каждымъ днемъ; господарь съ горечью созналъ сдѣланную имъ ошибку, вслѣдствіе которой онъ основалъ свой лагерь въ неудобномъ мѣстѣ. Горько рыдая, онъ обратился къ солдатамъ съ рѣчью: „Предпочитаю сдаться въ плѣнъ врагамъ и подвергнуться участи, опредѣленной мнѣ судьбою, нежели быть виновникомъ гибели многихъ тысячъ людей; я немного только еще протяну дѣло въ надеждѣ, что турки подтвердятъ присягою условія, которыя я имъ предложилъ, и лишь только они принесутъ присягу, мы положимъ оружіе“. Онъ приказалъ призвать турецкихъ парламентеровъ, которые ожидали отвѣта за лагерными валами, и сказалъ имъ: „Ступайте къ начальникамъ вашимъ, скажите имъ, что, хотя силы мои еще настолько значительны, какъ сами вы видѣли, что бы отразить ваше могущество, но я рѣшаюсь преклониться предъ волею судьбы; я сдамся, если всѣ вожди ваши обяжутся семикратною присягою исполнить слѣдующія условія капитуляціи:

1) Вы дозволите безпрепятственно возвратиться на родину польской конницѣ, явившейся сюда по моему приглашенію и заслужившей вѣрностью и мужествомъ всеобщее уваженіе у всѣхъ народовъ. Вы дозволите ей съ лошадьми и багажами переправиться черезъ Днѣстръ.

2) Меня живаго и невредимаго вы препроводите къ султану Селиму, моему повелителю.

3) Молдавапъ, когда они сдадутся, вы пощадите—впрочемъ это будетъ въ вашихъ же интересахъ, ибо если вы посягнете на ихъ свободу или жизнь, вы принесете этимъ ущербъ султану, котораго они подданные, или тому лицу, которое султанъ назначитъ правителемъ Молдавіи.

Когда парламентеры предложили эти условія турецкимъ вождямъ и комендантамъ замковъ, они всѣ приняли ихъ охотно и каждый, по турецкому обычаю, семь разъ поклялся въ ихъ исполненіи отъ имени своего и своихъ подчиненныхъ. Тогда Ивонія вышелъ безъ всякаго смущенія къ турецкимъ начальникамъ и сказалъ имъ

въ присутствіи поляковъ; „Находясь по волѣ всевышняго и милосердаго Бога, въ вашей власти, я прошу васъ во имя вашей вѣры, присяги и рыцарской чести, чтобы вы позволили польскимъ воинамъ съ лошадьми и имуществомъ ихъ свободно возвратиться домой; ибо они достойны уваженія и почета всѣхъ народовъ. Если вы питаете къ нимъ непріязнь, то обратите месть вашу на меня, ибо я готовъ претерпѣть за нихъ всякую крайность". Затѣмъ, обратившись къ сопровождавшимъ его полякамъ, онъ сказалъ: „Тяжкая судьба разлучаетъ насъ, храбрые воины! каждому изъ васъ я пожимаю руку и заявляю вамъ, что пока сохраню душу въ смертномъ тѣлѣ, буду вспоминать съ благодарностью ваши имена". Поляки выслушали, рыдая, слова его и оросили слезами руку господаря. Когда они отошли уже отъ лагеря на разстояніе трехъ выстрѣловъ, Ивонія обратился къ молдаванамъ и также со слезами простился съ ними, раздавъ имъ бывшіе при немъ деньги и драгоцѣнности; затѣмъ онъ вновь обратился къ полякамъ, раздарилъ имъ свое оружіе и сказалъ со слезами: „Если бы отрядъ вашъ былъ вдвое численнѣе или еслибы онъ, по крайней мѣрѣ, весь оставался невредимымъ, я не сомнѣваюсь, что еще до заката солнца я поразилъ бы невѣрныхъ псовъ и изналъ бы ихъ изъ этой страны, которой нынѣ Господь лишилъ меня ради великихъ моихъ прегрѣшеній. Но если Богу благоугодно будетъ спасти меня отъ свирѣпыхъ и жестокихъ враговъ, если паши исполнятъ данное ими обѣщаніе и препроводятъ меня къ Селиму, то я клянусь, что въ такомъ случаѣ я еще возвращусь въ Молдавію. Прошу васъ сохраните пока добрую обо мнѣ память, въ случаѣ же моего возврата, всѣ мои сокровища, какія успѣю сохранить, я предоставлю вамъ и всѣ высшія должности раздамъ людямъ вашего народа, потому что я испыталъ въ несчастіи вашу вѣрность, мужество и постоянство". При этомъ онъ подарилъ полякамъ послѣднія, оставшіяся у него цѣнныя вещи и прибавилъ: „Не хочу чтобы вещи эти достались моимъ дикимъ врагамъ, вамъ же дарю ихъ въ награду за вашу храбрость, за вашу вѣрность и достойную удивленія преданность, которую вы оказывали мнѣ до конца; благодарность къ вамъ я сохраню до послѣдняго издыханія,

въ чемъ свидѣтелемъ да будетъ мнѣ Господь, котораго покровительству я васъ поручаю". Поляки, тронутые его словами, прощались съ нимъ исполненные благодарности. Ивонія же, снявъ съ себя оружіе, въ качествѣ плѣнника вступилъ въ турецкій лагерь въ сопровожденіи поляка Осмальскаго, съ которымъ бесѣдовалъ еще въ продолженіе трехъ часовъ.

Капуданъ-паша вступилъ въ разговоръ съ Ивоніею, но, раздраженный его словами, забывъ свои обѣщанія и рыцарское слово, онъ обнажилъ мечь и ударилъ его въ лицо и въ животъ. Раненаго Ивонію схватили янычары и полумертвому отсѣкли голову, тѣло же его растерзали, привязавъ къ двумъ верблюдамъ и части его разбросали въ добычу хищнымъ звѣрямъ. Голову воткнули на копье [1]), кости же турки раздѣлили между собою; кровью Ивоніи они намазывали острія сабель и примѣшивали ее къ водѣ, которою поили лошадей въ увѣренности, что вмѣстѣ съ кровью къ нимъ перейдетъ мужество и рыцарское одушевленіе убитаго. Такова была смерть Ивоніи, постигшая его вслѣдствіе жестокости и вѣроломства турокъ; я, впрочемъ, полагаю, что это бѣдствіе не постигло бы его, еслибы онъ самъ не измѣнилъ христіанской вѣры и еслибы относился болѣе добросовѣстно къ своимъ обязанностямъ. Его печальная судьба да послужитъ примѣромъ превратности человѣческой жизни: вначалѣ онъ пользовался неимовѣрнымъ успѣхомъ и одерживалъ блестящія побѣды, потомъ, какъ бы въ доказательство непрочности человѣческой судьбы, онъ растратилъ пріобрѣтенныя силы и средства и подвергся жестокой и позорной смерти.

Послѣ горемычной кончины Ивоніи, турки напали на молдаванъ, вышедшихъ изъ своего лагеря и умерщвляли ихъ, какъ скотъ. Польскіе всадники, видя турецкую измѣну, поняли, что имъ не дозволятъ безопасно возвратиться домой; они попытались отступить въ укрѣпленный лагерь, но оказалось, что онъ былъ уже занятъ тур-

---

[1]) Голова Ивоніи была отправлена въ Букарештъ и прибита къ городскимъ воротамъ: два года спустя ее видѣлъ тамъ, проѣзжая съ посольствомъ въ Константинополь, польскій историкъ Стрыйковскій.

ками. Увидѣвъ это, они, молча, построились въ боевую линію и ринулись въ густую толпу турокъ; истребивши ихъ значительное количество, они почти всѣ погибли, за исключеніемъ немногихъ, тяжело раненыхъ, которые были взяты въ плѣнъ. Турки были поражены удивленіемъ при видѣ столь малочисленнаго польскаго отряда, богатырски бросившагося на несмѣтныя турецкія силы; многіе изъ нихъ, несмотря на смертельныя раны, продолжали сражаться, врѣзываясь больше въ турецкіе ряды и впослѣдствіи, несмотря на эти необычныя усилія, они не умерли, но вылѣчились отъ ранъ.—Вотъ имена болѣе значительныхъ поляковъ, попавшихъ въ плѣнъ; Свѣрчовскій, который снискалъ въ этой кампаніи особенно громкую славу храбростью и опытностью въ военномъ видѣ, Козловскій, Садовскій, Янчикъ, Залѣсскій, Копытскій, Земковскій, Соколовскій, Либишовскій, Цишовскій, Суцинскій, Богшицкій [1]). Всѣ они впослѣдствіи были выкуплены изъ плѣна родственниками за значительныя денежныя суммы [2]). Турки предлагали имъ принять магометанство и принести присягу на вѣрность султану, обѣщая, что въ такомъ случаѣ они получать отъ Селима богатыя помѣстья, въ которыхъ они будутъ проводить жизнь въ довольствѣ. Но они съ презрѣніемъ отвергали предложенія турокъ и предпочли убогую жизнь на родинѣ, богатствамъ, сопряженнымъ съ потерею душевнаго спасенія. Турки съ похвалою отзывались объ ихъ качествахъ и выказывали предположеніе, что они вѣроятно самые воинственные и храбрые мужи во всемъ польскомъ королевствѣ. Но польскіе плѣнники отвѣчали имъ: „Мы, напротивъ того, гораздо хуже другихъ, ибо мы были на ро-

[1]) Имена, приведенныя Горецкимъ, ясно свидѣтельствуютъ, что отряды такъ называемыхъ козаковъ, ходившіе на службу къ Ивоніи, состоили изъ польскихъ шляхтичей. Самъ Свѣрчовскій, по свѣдѣніямъ Симона Старовольскаго, былъ родомъ изъ Мазовецкаго воеводства: „Ioannes Sviorsczovius..... equestri familia in Mazovia natus". Simonis Starovolskii—Sarmatiae bellatores. Wratislaviae 1734 стр. 102.

[2]) Старовольскій утверждаетъ, что 30 только поляковъ взято было въ плѣнъ. Свѣрчовскій излѣчился отъ ранъ въ Константинополѣ и попалъ затѣмъ на галеру. Впослѣдствіи, выкупленный изъ плѣна, онъ возвратился на родину, и до конца жизни занимался организаціею отрядовъ, съ которыми предпринималъ набѣги на турецкіе предѣлы, причемъ онъ весьма много способствовалъ успѣху этихъ нападеній, вслѣдствіе хорошаго знанія условій мѣстности. Starowolski, ibid. 101—102.

динѣ очень бѣдны, и, не будучи въ состояніи снискать себѣ пропитанія, мы принуждены были отправиться въ Молдавію для того, чтобы найти славную смерть или обогатиться добычею, которая обезпечила бы наше безбѣдное существованіе на родинѣ". Но словамъ этимъ турки вѣрили неохотно.

Послѣ позорной казни Ивоніи, Селимъ занялъ всю Молдавію и истребилъ множество народа, предавая казни безразлично знатныхъ и неимущихъ. Занявъ страну, онъ помѣстилъ сильные гарнизоны въ крѣпостяхъ и принялся строить новые замки, разсчитывая затѣмъ ворваться въ Русь. Дѣйствительно Польша должна теперь зорко оберегать свои области отъ непримиримаго, вѣроломнаго и могущественнаго врага; ибо турки понимаютъ прекрасно, что занявъ Молдавію, вслѣдъ затѣмъ Покутіе [3]), за обладаніе которымъ Польша вела продолжительный споръ съ Молдавіею, они откроютъ себѣ свободный путь для вторженія въ Польшу, ибо Покутіе, расположенное между Днѣстромъ, Прутомъ, Каменцемъ и Галицкою землею, составляетъ область пограничную съ Молдавіею.

Пріемъ политики турецкихъ султановъ состоитъ въ томъ, чтобы подготовлять побѣду надъ сосѣднимъ народомъ, поддерживая распри, возникающія между его вельможами по какому бы то ни было поводу. Отцы наши помнятъ ихъ поведеніе по отношенію къ Греціи, мы сами были свидѣтелями ихъ поступковъ въ Венгріи и Молдавіи. Одна только Польша, хотя лишенная отовсюду защиты и союзниковъ вслѣдствіе раздоровъ, господствующихъ среди христіанскихъ державъ къ крайнему утѣшенію магометанъ, успѣшно отражаетъ нападенія турокъ и татаръ. Турки страшно желаютъ покорить Польшу для того, чтобы потомъ обратить всѣ силы противъ Германіи, такъ какъ

---

[1]) Покутіемъ называлась область, составлявшая юго-восточный уголъ Червоной Руси, врѣзывавшійся клиномъ (кутомъ) между Молдавіею и Венгріею. Она обнимала нынѣшніе повѣты восточной Галиціи: Коссовскій, Коломыйскій, Снятинскій, Городецкій, Надворнянскій, Глумачскій и Богородчанскій. Въ 1530 году молдавскій господарь Петръ Рарешъ занялъ было Покутіе и овладѣлъ въ немъ многими укрѣпленными замками, но попытка его окончилась неудачно; въ 1531 году польскій гетманъ Янъ Тарновскій нанесъ ему рѣшительное пораженіе у Обертина и заставилъ очистить Покутіе.

укрѣпленія Вѣны мѣшаютъ имъ безпрепятственно проникнуть внутрь этой страны.

Вскорѣ послѣ занятія Молдавіи Селимъ умеръ на четвертомъ году своего царствованія, 15 декабря 1574 года. Старшій въ его родѣ Амуратъ поспѣшилъ занять престолъ и явился въ Царьградъ, не ожидая приглашенія пашей, которымъ онъ не довѣрялъ. По обычаю турецкихъ султановъ, привыкшихъ управлять грозою, онъ началъ правленіе свое казнями: онъ приказалъ умертвить пять братьевъ, двѣ жены Селима, изъ которыхъ одна была беременна, и значительное количество вельможъ. Въ угоду янычарамъ, доставившимъ ему престолъ помимо желанія пашей, онъ выдалъ имъ въ награду по 70 талеровъ на человѣка, увеличилъ ихъ жалованье и собственныхъ сыновей записывалъ въ янычары, по мѣрѣ достиженія ими юношескаго возраста, притомъ онъ увеличилъ количество янычаръ на 2,000, такъ что милиція эта достигла числа 16,000; онъ освободилъ ихъ отъ всѣхъ трудныхъ военныхъ обязанностей и озаботился о щедромъ ихъ продовольствіи.

Сдѣлавъ эти распоряженія, онъ рѣшился отмстить полякамъ, за пораженія, которыя нанесъ туркамъ Ивонія съ помощью польскихъ козаковъ; съ этою цѣлью, въ октябрѣ 1575 года онъ отпустилъ въ Русь 11,000 крымскихъ татаръ, которые опустошили эту страну на 40 миль: они сожгли до 200 дворовъ шляхетскихъ и разорили множество селъ, перебили въ нихъ стариковъ и дѣтей; около 30 шляхтичей пали въ стычкахъ или вмѣстѣ съ женами и дѣтьми были увлечены на арканахъ въ Молдавію; угнаны были огромныя стада быковъ, овецъ и лошадей, тѣмъ животнымъ, которыя изнемогли на пути, татары подрѣзывали мышцы на ногахъ и, сдирая съ животныхъ кожу, предоставляли ихъ въ пищу плѣнникамъ. Послѣдніе разразились страшнымъ плачемъ на переправѣ черезъ Днѣстръ, ибо, они поняли, что за этою рѣкою прекращается всякая надежда на освобожденіе изъ рукъ дикаго врага. Наши могли бы ихъ поразить навѣрно, если бы они не были введены въ заблужденіе ложными увѣреніями молдавскаго господаря Петра, который далъ обѣщаніе, что не дозволитъ татарамъ возвращаться черезъ

Молдавію, но охотно разрѣшитъ нашимъ войскамъ преслѣдовать ихъ. Вслѣдствіе этого польское войско отправилось въ сторону Кіева, полагая, что татары будутъ возвращаться по той дорогѣ, и не успѣло задержать ихъ на переправѣ черезъ Днѣстръ. Многихъ плѣнниковъ татары умертвили на пути, нѣкоторые были освобождены жителями Руси и, скитаясь среди рыскавшихъ повсюду непріятельскихъ отрядовъ, съ трудомъ пробрались подъ защиту войска, состоявшаго подъ начальствомъ Мелецкаго, воеводы подольскаго.— Въ то время нашими захваченъ былъ татаринъ, угонявшій 70 плѣнныхъ; онъ былъ непомѣрно громаднаго роста; когда онъ палъ въ битвѣ, то трупъ его измѣрили: одно туловище его, безъ головы, равнялось среднему человѣческому росту, чело же представляло ширину въ 24 дюйма.

Между тѣмъ какъ татары угоняли плѣнныхъ въ Молдавію, храбрые днѣпровскіе козаки подъ предводительствомъ Богдана Ружинскаго ворвались въ татарскія владѣнія, они опустошили страну огнемъ и мечемъ, женщинамъ рѣзали груди, многихъ лишали глазъ, убивали дѣтей и освобождали встрѣченныхъ плѣнниковъ.

Но пора окончить это повѣствованіе; изъ него, между прочимъ, возможно вывести то заключеніе, что христіане могутъ побѣждать турокъ, если составятъ бодрое духомъ и храброе войско, если будутъ снабжены необходимыми средствами и, что важнѣе всего, если будутъ находиться подъ начальствомъ мужественнаго и опытнаго въ военномъ дѣлѣ вождя.